

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ: ЯЗЫКИ И СПЕЦИАЛЬНОСТЬ**

Том 14 № 1 (2017)

DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-1

<http://journals.rudn.ru/education-languages>

Научный журнал

Издается с 2004 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61172 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Синячкин В.П., доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой русского
языка и межкультурной коммуникации фа-
культета гуманитарных и социальных наук
РУДН, Россия
E-mail: word@list.ru

Заместитель главного редактора

Бахтикирева У.М., доктор филологических
наук, профессор кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации РУДН, Рос-
сия
E-mail: uldanai@mail.ru

Ответственный секретарь

Валикова О.А., доктор философии (PhD), на-
учный сотрудник УНИП РУДН, Россия
E-mail: vestnik_valikova@mail.ru

Члены редакционной коллегии

Джусупов Махаббат — доктор филологических наук, профессор, Ташкентский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан

Дмитрюк Сергей Валерьевич — кандидат филологических наук, редактор издательского отдела МИЛ, Москва

Евдокимова Светлана — доктор филологических наук, профессор, профессор славистики и компаративной литературы, кафедра славянских языков, Университет Браун, США

Ефремов Александр Петрович — доктор физико-математических наук, профессор, Российский университет дружбы народов

Жаксылыков Аслан Жамильевич — доктор филологических наук, профессор, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, РК

Жаркынбекова Шолпан Кузаровна — доктор филологических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Астана, РК

Кангаараджа Суреш — почетный профессор, кафедра прикладной лингвистики и английского языка; директор Центра миграционных исследований Пенсильванского университета, США

Кибальник Сергей Акимович — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Кулибина Наталья Владимировна — доктор педагогических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

Куриленко Виктория Борисовна — кандидат педагогических наук, доцент, Российский университет дружбы народов

Лебедько Мария Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Дальневосточный федеральный университет

Маслова Валентина Авраамовна — доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Беларусь

Муди Эндрю — PhD, доцент, кафедра английского языка; заместитель декана, факультет искусств и гуманитарных знаний; Университет Макао, КНР

Муранска Наталия — доктор филологических наук, профессор, профессор русистики и компаративной литературы, факультет философии, Университет Константина Философа, Словакия

Протасова Екатерина Юрьевна — доктор педагогических наук, доцент, лектор, Отделение современных языков Хельсинкского университета, Хельсинки, Финляндия

Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Руденко-Моргун Ольга Ивановна — доктор педагогических наук, профессор, Российский университет дружбы народов

Тарасов Евгений Федорович — заведующий отделом психолингвистики ИЯ РАН (ФАНО), глава московской психолингвистической школы (МПШ), доктор филологических наук, профессор, главный редактор журнала «Вопросы психолингвистики» (в составе базы Russian Science Citation Index на платформе Web of Science), Москва, Россия

Гюстанова Мадина Владимировна — доктор филологических наук, профессор, Линчепингский Университет, Линчепинг, Швеция

Шляхов Владимир Иванович — доктор педагогических наук, профессор, Российский университет дружбы народов

Фирман Уильям — доктор политических наук, профессор, специалист в области языковой политики, почетный профессор Университета Индианы, Центр евразийских исследований, Блумингтон, США

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ: ЯЗЫКИ И СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

ISSN 2312-802X (online); ISSN 2312-8011 (print)

4 выпуска в год

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Опубликованные в журнале статьи индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) на базе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru (НЭБ), Академия Google (Google Scholar), Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka

Цель и тематика

В тематическое поле журнала входят актуальные проблемы общего языкознания, лингводидактики, а также интегративные направления новейшей филологии: лингвокультурология, социолингвистика, политическая лингвистика, вопросы билингвизма, межкультурная коммуникация. На протяжении своей истории с 2004 по 2015 гг. журнал презентовал стратегии эффективной лингводидактики, механизмы восприятия и усвоения иностранного языка в прагматическом аспекте, методики преподавания русского и иностранного языков и др.

Начиная с 2015 г. журнал расширяет исследовательский контекст публикаций и приглашает к сотрудничеству литературоведов, культурологов, историков, философов и других представителей гуманитарного знания. Вместе с тем особое внимание уделено «краеугольным» вопросам современного языкознания: Языку в Человеке и Человеку в Языке; Языку в поликультурном обществе; особенностям языкового сознания билингвальной личности; механизмам восприятия и усвоения иностранного языка в когнитивном и прагматическом аспектах; лингводидактике и многим другим.

Миссия (сверхзадача) журнала — интегрировать лингвистический и экстралингвистический опыт специалистов разных стран и научных направлений с целью разработки универсальной стратегии толерантного взаимодействия между представителями различных языков и культур. Редколлегия журнала убеждена, что Язык (и свой, и чужой) может быть мостом к постижению другой культуры, ментальности, этнической сущности. Ослабление конфронтационного восприятия Другого и провозглашение самоценности каждого языка и каждого этноса в мультикультурном социуме — миссия «Вестника», решаемая на уровне конкретных исследовательских задач, среди которых:

- установление, описание, систематизация языковых фактов по заявленной проблематике;
- публикация результатов экспериментальных методик преподавания и изучения иностранных языков;
- исследование языковых процессов в поликультурном пространстве;
- изучение би- и транслингвальных практик в литературе и медиа и т.д.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

Электронный адрес: uldanai@mail.ru; vestnik_valikova@mail.ru

Редактор: *И.В. Успенская*

Компьютерная верстка: *О.Г. Горюнова*

Адрес редакции:

ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Адрес редакционной коллегии серии «Вопросы образования: языки и специальность»:

ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Тел.: (495) 434-20-12; E-mail: lingj@rudn.university

Подписано в печать 15.03.2017. Выход в свет 30.03.2017. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС».

Усл. печ. л. 15,80. Тираж 500 экз. Заказ № 34. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE EDUCATION AND TRANSLINGUAL
PRACTICES**

VOLUME 14 NUMBER 1 (2017)
DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-1
<http://journals.rudn.ru/education-languages>
Founded in 2004

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Vladimir Sinyachkin
RUDN University, Russia
E-mail: word@list.ru

VICE-EDITOR

Professor Dr. Uldanai Bakhtikireeva
RUDN University, Russia
E-mail: uldanai@mail.ru

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Olga Valikova
RUDN University, Russia
E-mail: vestnik_valikova@mail.ru

EDITORIAL BOARD

Prof. Suresh Canagarajah — Pennsylvania State University, USA

Prof. Mahanbet Dzhusupov — Uzbekistan State University of World Languages, Tashkent, Uzbekistan

PhD Sergey Dmitryuk — The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Prof. Svetlana Evdokimova — Brown University, USA

Prof. Aleksandr Efremov — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Prof. Aslan Zhaksylykov — Kazakh National University of Al-Farabi, Almaty, Kazakhstan

Prof. Sholpan Zharkynbekova — Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan

Prof. Sergey Kibalnik — the Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences

Prof. Natalya Kulibina — The Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Dr. Viktoriya Kurilenko — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Prof. Lebedko Maria Grigorievna — Far Eastern Federal University, Russia

Prof. Valentina Maslova — Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Belarus

Prof. Andrew Moody — University of Macau, China

Prof. Natalia Muranska — Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovak

Prof. Ekaterina Protassova — University of Helsinki, Helsinki, Finland

Prof. Zoya Proshina — Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Prof. Olga Rudenko-Morgun — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Prof. Eugeny Tarasov — Linguistics Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Prof. Madina Tlostanova — Linköping University, Linköping, Sweden

Prof. Vladimir Shlyahov — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Prof. Wiliam Firman — Indiana University, USA

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE EDUCATION
AND TRANSLINGUAL PRACTICES.**

Published by the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

ISSN 2312-802X (online); ISSN: 2312-8011 (print)

4 issues per year

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

Indexing

Articles have been published in this journal are indexed by several systems: Russian Science Citation Index, (RSCI) by "Electronic Scientific Library" foundation (eLibrary.ru), Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, State Commission for Academic Degrees and Titles of Russian Federation

Aim and Scope

The thematic field of the journal includes actual problems of general linguistics, didactics, as well as integrative areas of modern philology: cultural linguistics, sociolinguistics, political linguistics, bilingualism issues, cross-cultural communication.

During its ten-year history the Journal has been offering for discussion by the scientific community significant problems of modern linguistics: Language in Human and Human in Language; Language in a multicultural society; peculiarities of bilingual linguistic consciousness of the individual; mechanisms of perception and learning of foreign language in the cognitive and pragmatic aspects; effective strategy of linguistic didactics and many others.

From 2016, the Journal extends the research context of publications and invites for cooperation culture experts, historians, philosophers, and other representatives of the humanities.

Mission (the supertask) of the Bulletin is to integrate linguistic and extra-linguistic experience of experts from different countries and scientific disciplines. We try to develop universal strategy of tolerant interaction between people of various languages and cultures. The Editorial Board believes that the Language (Own, and Others') may not be only the barrier, but also a bridge between cultures, mentalities and ethnic identities. Our Mission may be implemented in the research tasks as:

- Identification, description, classification of linguistic facts of declared problematics;
- Publication of the results of experimental methods of teaching and learning of foreign languages;
- The study of language processes in multicultural environment;
- The study of bi- and translingual practices in literature, media; etc.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at: [://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions](http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions)

E-mail: uldanai@mail.ru; vestnik_valikova@mail.ru.

Editor *I.V. Uspenskaya*
Computer design: *O.G. Gorunova*

Address of the editorial board:

Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Address of the editorial board Series «Problems of education: languages and speciality»:

Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198
Ph. +7 (495) 434-20-12; E-mail: lingj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Peoples' Friendship University of Russia"
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА	7
АРСЕНАЛ	
Ekshembeeva Lyudmila, Musataeva Manat. Discursive strategy of scientific report and its implementation.....	9
Кудрявцева Е.Л., Бубекова Л.Б. Онлайн-тандем в постинтеркультурном сообществе: самообразование в кооперации	18
Dzyadyk Yuriy. Russian in Ghana and students' common errors.....	28
Тихомирова Н.Л. Курс интенсивной коммуникативной адаптации: лингвокультурологический компонент содержания обучения.....	43
ЛИНГВОКУЛЬТУРА	
Куцаева М.В. Лояльность к чувашскому языку в диаспорной группе Московского региона	54
Киндикова Н.М. Алтайское литературоведение: обзор научных изданий	78
Исмаилов Г.М. Лингвокультурологическое исследование тюркской фразеологии (на материале узбекского, казахского и каракалпакского языков)	85
ЛИТЕРАТУРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА	
Кибальник С.А. О тексте литературного произведения и интерпретативном комментарии к нему (на материале романа Ф.М. Достоевского «Игрок»).....	93
Муранска Н. Словацкая поэзия в русских переводах	102
ESSE EST...	
Danilova Stefania. Black Mirror: Destroying the Idyll of happy Childhood, or the Socium Today in the Millenials' Poetry.....	110
ПОЛИЛОГ	
Uldanai Bakhtikireeva, Olga Valikova, and Jeannete King. Translingualism: Communicative Bridge or Cultural Bomb?	116
ИНТЕРАКЦИЯ	
Валикова О.А. «На языке двуостром»: интервью с Еленой Зейферт	122
ПРИЛОЖЕНИЕ	140

CONTENTS

FROM THE EDITOR	7
ARSENAL	
Екшембеева Л.В., Мусатаева М.Ш. Дискурсная стратегия научного отчета и ее реализация.....	9
Kudryavtseva Ekaterina, Bubekova Larisa. Online-tandem in Post-Intercultural Community: Self-Education in Cooperation.....	18
Дзядык Юрий. Русский язык в Гане и типичные ошибки студентов.....	28
Tikhomirova Nadezhda. Intensive course of communicative adaptation: linguocultural component of learning.....	43
LINGUOCULTURE	
Kucaeva Marina. Loyalty to Chuvash Language in Diaspora Group of Moscow Region	54
Kindikova Nina. Altai literary criticism. Review of scientific publications	78
Ismailov Gulom. Linguocultural study of gender stereotype in Turcic phraseology (on the material of Uzbek, Kazakh and Karakalpak languages).....	85
LITERARY INTERPRETATION AND THEORY OF TRANSLATION	
Kibalnik Sergey. On the text of a work of Literature and its interpretative commentary.	93
Muranska Natalia. Slovak poetry in Russian interpretations	102
ESSE EST...	
Данилова Стефания. Черное зеркало: разрушенная идиллия счастливого детства, или общество сегодня в поэзии миллениалов	110
POLYLOG	
Uldanai Bakhtikireeva, Olga Valikova, and Jeannete King. Translingualism: Communicative Bridge or Cultural Bomb?	116
INTERACTION	
Olga Valikova. “In a doublesharp Language”: Interview with Elena Zeifert	122
SUPPORTMENTS	140

СЛОВО РЕДАКТОРА

Миссия нашего журнала — разработка стратегии успешного научного сотрудничества между учеными разных стран.

Мы стремимся к созданию широкой диалоговой площадки для специалистов филологических и смежных дисциплин, таких как культурология, философия, политология и т.д. Формирование соответствующего информационного контекста должно способствовать более глубокому пониманию языковых процессов в современном глобальном социуме. Особое внимание уделяется вопросам би- и транслингвизма в их художественном и узуальном воплощении, языкового образования, а также проблемам межкультурной коммуникации. Вместе с тем приветствуются статьи по магистральному направлению ЯЗЫК — СОЦИУМ — КУЛЬТУРА фундаментального, прикладного, экспериментального характера. Языки публикации — русский и английский. Материалы для анализа могут привлекаться из всех языков и культур на примере любого мирового сообщества/ страны по усмотрению автора.

Среди задач журнала — презентация актуальных научных исследований по проблемам лингводидактики, теории языка, языков народов зарубежных стран, прикладной лингвистики, теории и методики профессионального образования. Решению специализированных научных задач будут отведены как отдельные рубрики, так и тематические выпуски журнала.

Предпочтительный формат публикации — научная статья (full-length article), однако принимаются также эссе, интервью, критические обзоры, рецензии по заявленной проблематике. По предварительному соглашению с редакцией автор может участвовать в тематическом полилоге (дискуссии) на страницах журнала. Обратите внимание на новые рубрики, которые мы вводим с первого номера 2017 года: «Арсенал», «Полилог», «Интеракция», «Аксиология». Чтобы узнать больше, зайдите на сайт <http://journals.rudn.ru/education-languages/about/editorialPolicies#sectionPolicies> и присоединяйтесь к нашему научному поиску!

Владимир Синячкин
главный редактор

Благодарности:

Благодарим за помощь в подготовке англоязычных статей номера Елизавету Жернову.

FROM THE EDITOR

The mission of our journal is to develop the strategy for successful scientific collaboration among scientists from different countries.

We would like to create a wide dialogue platform for experts in philological and related disciplines such as cultural studies, philosophy, political science, etc. It should contribute to a better understanding of linguistic processes in today's global society. Particular attention is paid to the bi- and translingual processes in their literary implementation and common usage, as well as the problems of intercultural communication. However, we also welcome all the articles on the main direction LANGUAGE — SOCIETY — CULTURE of fundamental, applied, experimental nature. Standard languages of publication are Russian and English. However, materials for the analysis can be attracted from all the languages and cultures on the example of any international community / country.

The current researches on the problems of linguistics, theory of language, the languages of the peoples of foreign countries, applied linguistics, theory and methodology of professional education are welcome. Specialized scientific problems will be assigned as the columns and thematic issues of the journal.

The preferred publishing format is full article, but essays, interviews, critical reviews of declared problematic are also accepted. According to the preliminary agreement with the editors Author may participate in the thematic polylogue (debate) on the pages of the journal. From the first Issue of 2017 we present you our new columns: Arsenal; Polylog; Interaction; Axiology. Find out more at <http://journals.rudn.ru/education-languages/about/editorialPolicies#sectionPolicies> and join our research!

Vladimir Sinyachkin
Editor-in-Chief

Acknowledgements:

We would like to thank Elizaveta Zhernova for her help in preparation of English-language texts of the issue.

UDK 811.11.26

DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-1-9-17

DISCURSIVE STRATEGY OF SCIENTIFIC REPORT AND ITS IMPLEMENTATION

L.V. Ekshembееva

Kazakh National University of Al-Farabi
050040, 79 Al-Farabi Prospect, Almaty, Kazakhstan

M.Sh. Musataeva

Abay Kazakh National Pedagogical University
050010, 13 Dostyk Prospect, Almaty, Kazakhstan

This article provides rationale for making strategic changes to the content of the scientific report. The necessity to put in the discourse of the scientific report two formations of strategic preferences at once is justified: on the one hand, the description of the scientific results as a product of conceptualization of scientific experience, and on the other hand, — alignment of marketing strategies as a tool for its commercialization.

The paper shows the basic tool conceptualization of scientific experience when describing the results of the study — The system of verb concepts in type of event. The semantic volume of verb concept allows to describe the content of the event, which is in mind represented by propositional structure of scenario. **The results** of the semantic analysis of the reports' texts showed that out of the four types of scenarios used in the texts of the reports, only one describes the result of the research itself. With this description of extrapolation of research results from the reporting documentation to the marketing communication field becomes difficult enough.

To resolve this problem, it is proposed to extend the context of scientific discourse through classification of scientific results, as well as through the inclusion of information of marketing type. The implementation of the strategy of extending the context will increase the pragmatic constituent of the discourse: it will provide the influence to the potential consumer of system of explicit and hidden meanings, revealing scientific and market value of the scientific product derived from the research.

Key words: scientific discourse, discourse strategies, description of the scientific result, conceptualization of experience, commercialization of results, expansion of the context

1. INTRODUCTION

One of the philosophical backings of globalization as a process of integration and unification in science is its parameterization in terms of contextual substantiation of perception [1].

Within a particular scientific paradigm, providing a single scientific and methodological basis, the result of interdisciplinary researches becomes an extension of knowledge context. Herewith the new knowledge is generated, which acquires the feature of contextuality. Thus, contextuality of knowledge, on the one hand, is a consequence of the integrity in

science. On the other hand, the focus on structuring the context may be defined as a strategy, the implementation of which is possible with proper selection of tools. In this statement of the question the researcher faces the need to determine the tooling of knowledge extrapolation process.

The commercialization of research results has become one of the challenges of time and marked one of the new areas of social practices. This article aims to highlight the main results of research of impact of discourse strategies in the area of final reporting of the scientific research results and their commercialization.

We have analyzed 63 discourses of description of scientific research results. They are scientific reports of the Kazakh National University Research Institute for 2010—2014 years. The platform of actively developing nowadays linguistic direction of discourse-analysis was elected as a scientific-theoretical and methodological basis for the research. *Information technologies of SEO analysis, methods and techniques of conceptual and cognitive analysis* were also used to solve the tasks of the study.

2. THE CONCEPTUAL PART

The problem of commercialization arose quite naturally, because the research result, as the value created in the research process, should be well described and have the perspective of implementation, including financial gains.

However, there is a challenge, but no concrete scientifically and technologically well-founded answer how to do this yet. And paradoxically, Linguistics, studying the multidimensionality of worlds of language, can offer the development of strategy and tools of transformation of scientific discourse into a discourse with active marketing impact.

Insufficient efficiency in promoting innovative product has become one of the problems that cannot be solved within one science. A broader scientific context for interdisciplinary studies is needed. Discourse as a form of social behavior is a tool for constructing social relations and the formation of the social world and the world of science. This is possible due to the fact that the discourse creates a field of values, explicit and implicit, that define the specifics of the impact.

The idea of instrumental ability of linguistic means can be read in the works of scientists describing the modular organization of the activity of the human brain [2; 3]. J. Fodor considers language as modular organized cognitive system that processes information in propositional form. Knowledge is represented in conceptual, synthesizing, comparing form, which provides saving in memory and continued use.

T. Givon identifies module of cognitive representation, presented by conceptual lexicon, propositional information and multipropositional discourse. The structure of the conceptual lexicon is traditionally presented in the form of a semantic network, in nodes of which there are separate concepts of mental representations of common cultural information, which is conventionally fixed. In fact, T. Givon leads us to understand that the conceptual component performs the function of cognitive system tool for the attribution of reality world.

Propositional information of perception, as a form of realization of knowledge, according to the scientist, is individual in its nature, and correlates with one or another

type of presentation and can be detected or correlated as a private expression of socium experience. Once again, we see this as an opportunity to interpret propositions as a tool for understanding of relationships between subjects and objects in the world of reality.

Separate propositions, combined under the laws of thematic unity and cohesion, according to his theory, form the semantic content of multipropositional discourse, thereby ensuring its instrumental function. Discourse is already recognized as a tool providing transformation of the world through cognition and communication.

Scientific discourse as the principal instrument of the scientist refers to institutional type of discourse. The concept of institutional discourse introduced by M. Foucault, represents the type of discourse, which operates in a particular area of social being, modeling it and fully servicing. This also applies to the scientific discourse, differently serving to the research process at different levels of work performance: from the definition of aims, objectives, strategies and research methodology to description of the obtained results. It is a description of the results obtained in the research process that became the subject of our scientific interest.

Talking about the fundamentals of communion of the discourse as communicative event, M. Foucault suggests that this communion is provided by the rules, the rules of discourse data application. To the discursive data he refers the system of objects, types of expressions, concepts and thematic choice. System of concepts can vary by structure and rules of application. Concepts, forming the conceptual field of discourse, often ignore and exclude each other and may not be included in logically relevant communions. But at the same time, a variety of strategic possibilities allow to activate incompatible themes or integrate the same theme into entirely different population [4].

Exactly this picture opened in front of us, when we started researching the scientific discourse of the report: the diversity of objects of the research in the reports, the diversity of types of methodologies, the incompatibility of spheres of concepts, thematic diversity and much more. And it became clear why the scientist identifies discourse analysis as a type of analysis that does not restore the chain of findings, does not establish a table of differences, but describes a system of conditioned diffusion of discourse data.

The principle of conditionality has determined the choice of research methodology for decision of designated tasks: uncover the discursive data of researched objects (conceptual systematizations, linkage of statements, groups of objects, types of obtained results), establish relationships between them, both horizontally and vertically. In fact, there was talk of the need to establish a framework of discursive formation, which not only generates the formation of objects, but also determines the formation of strategic preferences of the discourse. Between the formations of objects and strategic preferences interdependent relations are established, which extend the context of scientific discourse. In this conditionality system, the formation of strategic preferences is the leading one, that determines the direction of broadening the context of scientific discourse.

Identifying the context of an overall problem of the research, limited by frameworks of the scientific article, we will focus only on statement of need for mandatory introduction of the formation of strategic preferences to the report discourse.

Selection of discourse analysis methodology and comprehension of discourse data of scientific reports in the system of conditionality of relationships within the discursive formations allowed us to formulate the basic thesis: discursive formations of strategic

preferences should determine and direct the content of objects formations of the report scientific discourse. That is why it is necessary to lay two formations of strategic preferences in the discourse of the scientific report as a formation of higher order: formation of conceptualization of scientific experience and formation of marketing strategy for its commercialization.

To study the formation of objects (or conceptualizing the content) of scientific discourse of the report under subparagraph “Description of the results of scientific research”, there was elected analysis of verbal concepts that make it possible to establish conditionality of relationships between objects of description, because they are representatives of event component of reporting information. In our view, it is the verb concepts allow us to activate incompatible themes and consolidate them in one picture of information, different in content, methodology of scientific reports on the various fields of natural and engineering sciences, and humanities.

Traditionally it is believed that the conceptualization of reality is most clearly presented by substantive forms of verbalization of concepts. This is due to the maximum abstracting from the situation and with maximum communicative demand of concept, verbalized with substantive. In this case, the mental essence of the concept is most visible. Verb, adverb and adjective to a lesser extent are abstract, and therefore represent a lower level of conceptualization.

However, there is also another opinion: the verb in the field structure of sphere of concept is its core component. Thus, L.G. Babenko writes: “... sphere of concept has the field structure, the core of which is a cognitive-propositional structure, which in a contracted form transmits the idea of concept. In composition of lexical-semantic groups this function is performed by basic verbs-identifiers. The concept of cognitive-propositional structure is introduced into scientific circulation due to the necessity of modeling the concept, performed with the aim of visual, demonstrative presentation of its mental structure. Such modeling becomes possible as a result of generalization of recurrent in lexical representations of concept of its essential features, discovering knowledge about the world” [5. P. 218].

“Unlike qualitative words expressing sensual-perception signs of items, — S.D. Katznelson wrote, — verb words express events with specific relationships between participating items in these events. Not quality of items, but, peculiar within the framework of this event, relationships are implied with verb words. If qualitative words are focused on each item separately and only through the subject are related to events, the verb words relate to the events directly, and by nature of events they define the set of items and substantive functions, implied by the set. It is important to stress, that verb words identify the type of this event, certain events as types” [6. P. 419].

Definition of verbs and verb words as event types allows to allocate substantial signs of their conceptualizing properties. Another confirmation of the existence of verbal concepts and importance of the place they occupy, we find in the work of V.I. Karasik “Language Keys” [7]. The author proposes seven approaches to a typology of concepts, in most of them we see verb.

The first and most revealing approach “is based on a thesis of explicit or implicit orientation of concepts to the language in which they are represented. In this case, the

subject, indicative, and event concepts are allocated. It is clear that this typology is based on the major content words of speech in known languages” [7. P. 24].

Verb word, representing the event, can be fairly defined by event concept as some comprehension of a fragment of experience relating “with pictures, maps, scripts, frames, *gestalts*. In this case, one way or another, the views are structured, fixed for fragmented reality” [7. P. 24].

The most productive form of representation of event concept is a scenario — “a sequence of multiple episodes over time; these are stereotypical episodes with a sign of movement and development. In fact, those are frames, developed in space and time as a series of individual episodes, stages, elements...” [8. P. 119].

All that allows to fairly consider the verbal concept as a unit of comprehension of a fragment of experience. This understanding is carried out through the establishment of systems arising from relations between discourse data (the system of objects, types, expressions, themes), scattered in discourse. And it is verbal concept as a concept of event type that helps ensure comprehension of experience as an event in parameters of the scenario.

Institutional concepts of event type of report’s scientific discourse represent a fragment of scientific experience. Owing to a temporary length of time as the lead sign of event concept, description of its content by cognitive propositional structure of a particular scenario becomes possible.

The scenario, as a means of mental representations of the verb concept as event concept, identifies the parameters of specific event via the system resulting from the relations between discourse data based on propositional structure, whose predicate is the name of the concept, presented by verb or a verb word. The main mechanism of modeling the scenario becomes a system of semantic and grammatical relations, which the verb word in the role of predicate can enter.

Technology of SEO analysis allowed to identify the semantic core of all the studied description texts of a scientific result based on frequency of use.

This core is represented by the following twenty verbs and verb words. Their frequency of use is represented by the following list:

- 1) explore — 128, research — 305;
- 2) get — 285, receive — 10, getting — 96;
- 3) develop — 238, development — 136;
- 4) use — 103, to be used — 28, using — 130;
- 5) hold — 208, holding — 34;
- 6) define — 126, definition — 48, to be defined — 15, determine — 12;
- 7) show — 181, render — 18;
- 8) explore — 84, to study — 6, study — 64;
- 9) to be — 147;
- 10) to be formed — 20, form — 7, formation — 113;
- 11) change — 18, to change — 2, change (n) — 110;
- 12) establish — 127;
- 13) calculate — 26, count — 2, calculation — 97;
- 14) identify — 116, identification — 5;

- 15) Allow — 80, to allow — 30;
- 16) to be applied — 6, apply — 8, application — 87;
- 17) influence (v) — 7, impact (n) — 94;
- 18) interact — 7, interaction — 86;
- 19) analyze — 16, analysis — 71;
- 20) develop — 5, to develop — 8, development — 72.

Exactly these verb words are researched to find out if the feature of description of scientific result is performed, which, in turn, will allow to determine which of the most frequency verb words are included into the semantic core of verb sphere of concept of description of scientific result.

In the structure of lexical meaning of word *the result* in the dictionaries of Russian language the semes of *completeness* and *result* dominate. Therefore, from the semantic core, verbs with semes of *completeness*, *result*, *productivity* in the semantic structure were selected.

The first group of verbs and verb words describes the process of research — *study, researched, explore; study (n), study, to study; use, to use, to be used; to hold, holding*.

Analysis of verbs and verb words of the first group showed that they represent event concept in system of relationship “*process — object — methodology*”. Mentally this typing of relations establishes a certain scenario that is modeled by propositional structure “*explore what (how)*”. Therefore, the first event type used to describe the results of scientific research in the texts of the reports is described in the scenario “*methodology and Instrumentation of research of the object*”.

The second group was composed of the verb units that describe the conditions of success of obtaining the final result of the research, — *to define, defined, definition, to be defined; change (n), to change, change; calculation, calculate, calculated, count; identify, identified, identification; analysis, analyze, analyzed*.

Concept, verbalized by verbs and verb words with semantics of “analysis”, as the concept of event type, represents the type of event “an intermediate result as a condition of achieving the objective of the research”, which defines the conditions for the success of obtaining the final result of the study. Event scenario is developed on the basis of propositions: *what is analyzed for what purpose, by what methods, what result is obtained*.

Thus, the event verb concepts used in scientific reports to describe the results of the study, are represented in the language by the system of verbs of the same nature: actional of mental actions, objectal. Semantic composition reflects the orientation on causation of object, which enables us to say that the description of the intermediate result is performed through the identification of properties, regularities, and conditions necessary for the achievement of the main objective of the research.

Verb words of the third group are involved in the product description as a result of the study — *to get, receive, getting; to develop, developed, development; to show, is shown, show; formation, form, to form; establish, established*.

Event verb concept represented by verb words with semantics of “getting”, “development”, “education”, “formation”, characterized by a temporary length in time, on the basis of propositions: *what is received of what quality* models a scenario — “getting a product of certain quality as the result of the research”.

Verbs of the fourth group are involved in describing the use of the obtained result — *using, use, to be used; allow, permit; application, apply, to apply, applicable; development, develop, developing, develop*.

The fourth type of event is modeled on the basis of proposition *where it is possible apply/use of what* and represents the “recommendations on the application of the scientific product”.

3. CONCLUSION

The results of the research of scientific discourse of the University Research Institute reports composed and processed in accordance with GOST, showed that description of scientific result is presented by the system of four consecutive event types. The main representative of each is a scenario modeled on the basis of verb concepts. Semantic volume of verb concept is defined by the content of event represented by propositional structure of scenario. But from 4 types of scenarios, only the third type describes the result of the study itself, and the fourth contains some recommendations for use.

One of the reasons we see in the fact that in the report as discourse formation, formations of strategic preferences are absent. If the formation of the conceptualization of scientific experience is presented in volume from 1/4 of the text content, then the formation of marketing strategy of commercialization of scientific results is not represented at all.

All this suggests that it is necessary to reformat the scientific discourse of describing the results of the study on the basis of calculating of discursive data, establishment of relations between them. This will allow to describe research result as a product of conceptualization of scientific experience.

The targeted expansion of context of scientific discourse by information of marketing type is required. The implementation of the strategy of extending the context will increase the pragmatic constituent of the discourse: it will provide the influence to the potential consumer of system of explicit and hidden meanings, revealing scientific and market value of the scientific product derived from the research.

Extrapolation of the research result description, as we have already pointed out, within the sphere of marketing communications with a view to its commercialization, is only possible through such a description, which in addition to scientific preferences will contain information that is capable of influencing the potential consumer of this result. All this allowed us to raise the question of the need for strategic changes in the content of the scientific report: to lay in the discourse of scientific report two formations of strategic preferences at once: on the one hand, the description of the scientific result as product of conceptualization of scientific experience, and on the other hand — alignment of marketing strategies as a tool for its commercialization.

In other words, it is necessary to expand the context of scientific report with pragmatically important information of marketing content, which should provide an impact on the potential consumer by the system of explicit and implicit meanings, revealing scientific and market value of the scientific product derived from research. Without such expansion of the context of the scientific discourse the commercialization of research results will be difficult for a long time, completely dependent on the elements of the market.

REFERENCES

- [1] Kornienko A.A., Ardashkin I.B., Chmykhalo A.Yu. Philosophy of science [Философия науки]. Tomsk: Ed. of TPU, 2007, p. 164.
- [2] Fodor J.A. The modularity of mind. Cambridge (Mass.), 1983, p. 145.
- [3] Givon T. Visual information processing system as a step in the evolution of human language [Система обработки визуальной информации как ступень в эволюции человеческого языка]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta*. Ep. 9. Philology. 2004. No. 3. P. 117—145.
- [4] Foucault M. Formations of Strategies [Формации стратегий]. *The Archaeology of Knowledge*. Transl. from French / Gen. ed. Levchenko Bros. K.: Nika-Center, 1996, p. 208.
- [5] Babenko L.G. Spehere of concepts of processual-eventive world: universal, nation-wide and individual conceptual spaces [Концептосфера процессуально-событийного мира: универсальное, общенациональное и индивидуальное концептуальное пространства]. Russian word in world culture. Materials of X MAPRYAL Congress. Plenary meetings. Volume I. St. Petersburg, 2003. P. 216—220.
- [6] Katsnelson S.D. Categories of language and thinking: From scientific heritage [Категории языка и мышления: Из научного наследия]. Moscow, 2001, p. 864
- [7] Karasik V.I. Language keys [Языковые ключи]. Moscow: Gnosis, 2009, p. 406.
- [8] Popova Z.D., Sternin I.A. Cognitive linguistics [Когнитивная лингвистика]. М.: East-West, 2007, p. 314.

Article history:

Received: 21 November 2016

Accepted: 26 December 2016

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

For citation:

Ekshembeeva L.V., Musataeva M.Sh. (2017). Discursive strategy of scientific report and its implementation. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 14 (1), 9—17.

Bio:

Ekshembeeva Lyudmila, Doctor of Philology, Professor of Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan. E-mail: lvek@inbox.ru.

Musataeva Manat, Doctor of Philology, Professor of Abay Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan. E-mail: mussatayeva@mail.ru.

ДИСКУРСНАЯ СТРАТЕГИЯ НАУЧНОГО ОТЧЕТА И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ

Л.В. Екшембеева

Казахский национальный университет им. аль-Фараби
050040, Пр-т аль-Фараби, 79, Алматы, Казахстан

М.Ш. Мусатаева

Казахский национальный педагогический университет им. Абая
050010, Пр-т Достык, 13, Алматы, Казахстан

Обосновывается необходимость внесения стратегических изменений в содержание научного отчета. В дискурс научного отчета следует включать сразу две формации стратегических предпочтений: описание научного результата как продукта концептуализации научного опыта; выстраивание маркетинговых стратегий как инструмента его коммерциализации.

Продемонстрирован основной инструмент концептуализации научного опыта при описании результатов исследования — система глагольных концептов событийного типа. Семантический объем глагольного концепта позволяет описать содержание события, которое репрезентируется в сознании пропозициональной структурой сценария. **Результаты** семантического анализа текстов отчетов показали, что из четырех типов сценариев, использованных в текстах отчетов, только один описывает собственно результат исследования. При таком описании экстраполяция результатов научных исследований из отчетной документации в сферу маркетинговой коммуникации становится весьма затруднительной.

Для решения проблемы предлагается расширение контекста научного дискурса через типологизацию научного результата, а также через включение информации маркетингового типа. Реализация стратегии расширения контекста усилит прагматическую составляющую дискурса: обеспечит воздействие на потенциального потребителя системой явных и скрытых смыслов, раскрывающих научную и рыночную ценность научного продукта, полученного в результате исследования.

Ключевые слова: научный дискурс, дискурсные стратегии, описание научного результата, концептуализация опыта, коммерциализация результата, расширение контекста

История статьи:

Поступила в редакцию: 21 ноября 2016

Принята к публикации: 26 декабря 2016

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Для цитирования:

Екшембеева Л.В., Мусатаева М.Ш. Дискурсная стратегия научного отчета и ее реализация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 1. С. 9–17.

Сведения об авторах:

Екшембеева Людмила Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и мировой литературы Казахского национального университета им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан. E-mail: lvek@inbox.ru.

Мусатаева Манат Шаяхметовна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания Казахского национального педагогического университета им. Абая, г. Алматы, Казахстан. E-mail: mussatayeva@mail.ru.

УДК 372.881.161.1

DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-1-18-27

ОНЛАЙН-ТАНДЕМ В ПОСТИНТЕРКУЛЬТУРНОМ СООБЩЕСТВЕ: САМООБРАЗОВАНИЕ В КООПЕРАЦИИ

Е.Л. Кудрявцева

Елабужский институт
Казанский федеральный университет — Удмуртский государственный университет —
Актюбинский университет им. С. Баишева, Гюстро (Германия)
Hägerfelder Weg 4, Гюстро, Германия, 18276

Л.Б. Бубекова

Елабужский институт
Казанский федеральный университет
ул. Казанская, д. 89, г. Елабуга, Россия, Республика Татарстан, 423600

Понятие «культура» сегодня утратило четкие границы: только в сфере изучения и преподавания иностранных языков можно говорить о культуре речи — вербальном и невербальном аспекте, культуре поведения, культуре одежды и т.д., причем этнически и социально определяемые нормы приспосабливаются к различным ситуативным контекстам. По этой причине и из-за междисциплинарного подхода к изучению межкультурной коммуникации границы самого понятия «межкультурная коммуникация» становятся все более размытыми. Она может происходить между представителями различных культур на одном географическом пространстве (т.е. в одном поликультурном обществе) и членами единого монокультурного сообщества, состоящего из представителей разных полов, поколений, профессий или социальных слоев. Отсюда проистекает необходимость более детализированного подхода к расширению межкультурной коммуникации, в том числе при изучении иностранных языков при Life Long Learning (образовании длиною в жизнь). Есть необходимость и в ориентации на постинтеграционную работу (направленную на добровольную глубинную интеграцию с сохранением самоидентификации) — путем использования онлайн-танDEMов с носителями изучаемых языков и этнокультур как родных.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация и компетенция, этнокультурная и этнолингвистическая дифференция и интерференция, этно- и интеркультура, постинтеркультурное сообщество, онлайн-танDEMистика, самообразование и неформальное образование

1. ВВЕДЕНИЕ

Межкультурная компетенция в начале XXI столетия понимается как способность «вести себя адекватно и проявлять мобильность в общении в рамках ожиданий партнера по коммуникации — представителя иной культуры; понимать культурные различия (дифференцию) и взаимовлияния (интерференцию) между собственной и иной (чужой) культурой и формой жизни и сохранять свою

культурную идентичность, способствуя диалогу культур» [3. С. 38]. Интеркультурность становится не только «модулем взаимопонимания в постоянно глобализирующемся мире» [4. С. 28–41], но и способом «кооперативного, взаимного самообразования» («kooperative Selbstaufklärung») [5. С. 9–26]. Важно определить, какие условия необходимо выполнить для успешной (в нашей ситуации — образовательной) постмежкультурной коммуникации и насколько они достижимы при помощи медиаинструментов и методов онлайн-тандема.

К вопросу о межкультурном диалоге при работе в языковом тандеме с точки зрения дидактики и методики преподавания иностранного языка, лингвистики или психологии обращались многие ученые [6–9]. Однако некоторые проблемы межкультурной коммуникации в тандем-обучении остались за пределами внимания данных исследователей:

- влияние онлайн-общения (как формы работы в Сети) на коммуникативную компетенцию обучающихся в целом и межкультурную ее составляющую в частности [10; 11];

- воздействие тандем-занятий на равновесие культурных/этнокультурных компонентов у естественных билингвов [12; 13];

- самоидентификация участника тандема в период тандем-общения как индивидуума или члена социума (представителя своей нации) [9] и др.

Вот каковы особенности использования тандема при обучении иностранным языкам («образовании длиною в жизнь» в понимании Болонского процесса):

- изначальная добровольность участия в тандем-обучении (оптимальные результаты с точки зрения частоты тандем-контактов и их интенсивности достигаются при внеаудиторных тандемах); правила обучения устанавливаются самими учениками на основании известных норм работы с Web 2.0 и в тандеме;

- методический принцип «оригинального/естественного общения» («originale Begegnung», Н. Roth) и «кооперативного изу(обу)чения» («cooperative Learning», N. Green) в трех ступенях: мысль, обмен и представление; развитие коммуникативной компетенции через поиск поводов к коммуникации и выбор тем общения, постановку задач, способствующих естественной коммуникации и создание окружения (в Web 2.0 или в реальности при тандеме присутствия), способствующего реальной коммуникации;

- дидактическая модель — лично ориентированная коммуникативная дидактика; преподавание, ориентированное на действие: «обучение, основанное на опыте учащихся» («erfahrungsbezogenes Lernen»), «динамическое обучение» («dynamisches Lernen»), «связанное с практикой обучение» («praxisbezogenes Lernen») [14];

- самоуправление в обучении (selbstgesteuertes Lernen): начиная от решения об обучении и повода к принятию решения, постановки для себя целей и формулировки задач; выбора материалов обучения, ведения дневника встреч и учебы между встречами; обращения к тьютору/педагогу за пояснениями как к совещательному органу;

- взаимное обучение в реальной коммуникации с носителем языка как родного (общение происходит из ситуации, как в реальной жизни; смена ролей (уче-

ник—учитель); отсутствие изначальной адаптации материала — адаптация только в случае непонимания со стороны партнера; индивидуальный подход);

— независимость партнеров при наличии общего интереса, несмотря на различие целей и путей их достижения (только в момент тандем-контакта участники работают с общим материалом — «рабочими листами для тандема»; в остальное время они свободны в выборе материала и видов учебной деятельности, учебной нагрузки и пр.);

— тандем дополняет, а не заменяет курсовое обучение, расширяя его границы;

— оценка не процесса обучения, а результата (живого общения на языке);

— русский в тандеме воспринимается как «простой» язык и как язык медиа-окружения, актуальный и современный.

Учащийся получает и расширяет в процессе тандем-общения все ключевые компетенции [15. С. 38], определяемые как мосты между знаниями и умением действовать: самокомпетенцию (Я-компетенцию), социальную (межличностную) компетенцию, межкультурную компетенцию, медиа- и лингвокомпетенции (две последние — как инструментальные).

Обратимся немного подробнее к Я-компетенции учащегося в ее части, связанной с самообучением. С понятием учебной самокомпетенции нередко связывают термин «ответственность за обучение» (или «индивидуальная ответственность за обучение»). Он, в свою очередь, привязан к личностно ориентированному подходу (learner-centered approach) в образовании, основывающемуся на независимости учащихся (learner autonomy) и их самостоятельности (learner independence).

2. ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ В ТАНДЕМЕ

Как происходит получение и развитие межкультурной компетенции в тандеме? Фактически это создание временной языковой среды в интерактивном формате; пошаговая подготовка к коммуникации на данную и смежные темы в реальной ситуации общения, перерастающая в навык действия в данной ситуации:

шаг 1. Презентация знания своей культуры через объяснение ее тандем-партнеру;

шаг 2. Получение через систему вопросов информации о культуре страны партнера;

шаг 3. Выводы о различии/сходстве поведенческих моделей двух стран в данной ситуации общения). Важно отметить, что межкультурная компетенция включает не только знание о другой культуре, но прежде всего умение сравнивать и анализировать различия на стыке культур;

шаг 4 — умение принимать адекватное решение о дальнейшем коммуникативном поведении в рамках новой познаваемой культуры [16. С. 274–275]. Считается, что достижение такого уровня характерно при полном приспособлении мультикультурной личности к чужой культуре, когда она ощущается как своя. В это же время происходит получение компетенций в области «совместного обучения» с носителями иного языка и культуры через совокупное целеполагание (кооперационное или кооперативное обучение); повышение самооценки каждо-

го из участников в отношении собственной культуры и опыта ее презентации на другом языке (постмежкультурная коммуникация).

Тандем — индивидуализированная форма неформального обучения. Самый распространенный на сегодняшний день тип тандема — внутрисемейная многоязычная коммуникация («Mutter-Kind-Interaktion»), при которой происходит ненасильственное (добровольное) изучение ребенком-билингвом «материнского языка» с одновременной отдачей ей «языка общества» (привнесенного из коммуникации в игре, в детском саду и др. социальных ситуаций)*. Важно отметить, что здесь «иная»/ «чужая» культура сначала осваивается, затем присваивается как «собственная» благодаря культурной, а не только языковой глобализации сознания. Достичь подобного «при-свое-ния» — цель и наших учебных тандемов.

По цели и содержательному аспекту могут быть выделены следующие типы тандемов:

- лингвистические (языковые) тандемы, направленные на изучение / усовершенствование лингвистической компетенции во всех ее аспектах (уровень А1);
- профессионально-лингвистические тандемы, включающие как основную составляющую знания, умения и навыки в области языка профессии (уровень В1 и выше) [6];

- профессиональные тандемы, рассчитанные на углубление профессиональных компетенций участников (и могущие протекать на языке-посреднике или на общем для участников родном языке) (уровень В2 и выше);

- тандемы со страноведческой или культуроведческой доминантой, направленные на развитие межкультурной компетенции (например, перед деловой поездкой в страну партнера или перед переговорами с носителями языка партнера как родного) (уровень А2 и выше; возможно и на А1). Именно этот подвид тандемов является оптимальным для наших целей, так как это:

- способ ненасильственной *интеграции* в сообщество страны изучаемого языка и преодоление языкового и культурного барьеров,

- получение *знаний* путем *обмена опытом*,

- раскрепощение в общении при помощи медиатехнологий; получение опыта межкультурной коммуникации в Сети,

- аутентичный этнолингвистический ряд (фонетико-грамматический) в режиме реального времени,

- практическая межкультурная коммуникация на языке; общение близкое по условиям к реальной коммуникации с носителем языка; межкультурное образование (знакомство с представителями иных этносов),

- расширение и углубление знаний, специфических для данного возраста и носителя языка,

- смена социальных ролей (учитель—ученик) и самого социального окружения (для носителя РК2Р — виртуальный не-эмигрант),

* См. также: Parsons T. and others. *Family, Socialization and Integration Process*. Chicago, Free Press, 1955; Якобсон, П.М. *Общение людей как социально-психологическая проблема* / П.М. Якобсон. М., 1973.

возможность учиться путем активного наблюдения не только языку, но и формам/нормам общения на нем; более широкий, чем на занятии, спектр коммуникативных заданий,

культуроведческая доминанта как фундамент общения,

моментальный feedback от носителя языка с лингвистическими/практическими комментариями,

минимум привязки к преподавателю в процессе общения (смещение центра внимания) и выход на симметричную форму общения и взаимодействия (при участии педагога симметрия нарушена),

содержание обучения перераспределено на различные «носители» (методы и медиасредства).

Лингво-ориентированные тандемы существуют в системе этно- и лингвокультурных координат, контентов общения. Каждый партнер привносит в тандем также экстралингвистические компетенции, и задача другого тандем-партнера — выявить эти дополнительные источники расширения собственных компетенций и использовать их по мере необходимости.

Обучение (самообучение) при помощи Web 2.0 в рамках профильных тандем-партнерств направлено на коммуникацию на иностранном языке с целью обретения коммуникативной компетенции (с постоянным доведением до современного уровня аспекта межкультурной и лингвистической компетенции); отработку медиакомпетенции с лингвокультуроведческой доминантой (например, в написании e-mail представителям другой нации с учетом их правил и традиций в области корреспонденции или ведении телефонных переговоров и пр.); обмен опытом общения с клиентами с представителями разных культур — носителей целевого иностранного языка, имеющими ту же профессию.

При этом перед участниками профтандемов ставятся следующие цели и задачи:

— в профессиональной сфере:

развивать способность управлять ситуацией, оценивая ее с учетом культурной составляющей, проявляющейся как на невербальном, так и на вербальном уровне,

выработать умение вести коммуникацию, ориентируясь на собеседника и учитывая его возможное восприятие вербального и невербального аспектов общения;

— в сфере социальной компетенции:

развивать рефлексию собственного коммуникативного поведения и анализировать поведение партнера,

развивать способность делать профкоммуникацию частью своего Я (не «маской», как это свойственно европейским продавцам при работе с клиентами, а именно неотъемлемой составляющей моделей своего поведения);

— в сфере медиакомпетенции:

обрести компетенцию в области использования Web 2.0 для получения, обработки и апробации профинформации, умений и навыков в профессиональной сфере,

- развивать умение целенаправленно и результативно использовать логические медиасредства для достижения необходимого результата в общении с клиентами и партнерами/коллегами (например, к таким средствам в web 2.0 относятся виртуальная подпись, визитная карточка, профиль и аватар);
- в сфере Я-компетенции/МЫ-компетенции («team-компетенции»):
 - воспринимать и позиционировать себя как представителя своей страны/профессионального сообщества,
 - постигать свою культуру и профессию через анализ отношения к ней представителя иной культуры, той же профессии (с большим/меньшим опытом работы);
- в сфере онлайн-мобильности (объединяющее начало и проявление всех перечисленных выше компетенций):
 - реализовать себя как профессионального коммуниканта в иноязычной виртуальной среде с учетом всех аспектов межкультурной коммуникации с использованием технических средств общения (дистантность коммуникантов).

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ближайшем будущем необходимо разработать единые ситуативные растры для оценки уровня межкультурной компетенции специалистов (будущих и действующих), профессиональная деятельность которых направлена на коммуникацию с носителями иной национальной картины мира, — по образцу оценки лингвистической компетенции Европейского языкового портфеля [10; 6].

© Кудрявцева Е.Л., Бубекова Л.Б., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Matoba K., Scheible D.* Interkulturelle und transkulturelle Kommunikation. Working Paper of International Society for Diversity Management e.V., 2007 № 3. Электронное издание. URL: http://www.idm-diversity.org/files/Working_paper3-Matoba_Scheible.pdf (Последнее обращение: 16.11.2014).
- [2] *Dohmen G.* Das informelle Lernen — Die internationale Erschließung einer bisher vernachlässigten Grundform menschlichen Lernens für das lebenslange Lernen aller. 2001. Электронный ресурс. URL: http://www.bmbf.de/pub/das_informelle_lernen.pdf (Последнее обращение: 16.11.2014).
- [3] *Bredella B., Meissner F.-J., Nünning A., Rösler D.* (Hrsg.) *Wie ist Fremdverstehen lehr- und lernbar? Vorträge aus dem Graduiertenkolleg «Didaktik des Fremdverstehens».* Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2000. 294 S.
- [4] *Zahra A.* Nonverbale Komponenten der Bedeutungserklärung in Fremdsprachen-Tandems. München: Iudicium, 2011. 218 S.
- [5] *Rost-Roth M.* (unter Mitarbeit von Oliver Lechlmaier) *Sprachenlernen im direkten Kontakt. Autonomes Tandem in Südtirol. Eine Fallstudie.* Meran: Alpha & Beta Verlag, 1995. 158 P.
- [6] *Thomas A., Kamhuber S. & Schroll-Machl S.* (Hrsg.) *Handbuch Interkulturelle Kommunikation und Kooperation. Band 2: Länder, Kulturen und interkulturelle Berufstätigkeit.* 2. Aufl. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2007. 398 P.
- [7] *Thomas A., Kinast E.-U. & Schroll-Machl S.* (Hrsg.) *Handbuch Interkulturelle Kommunikation und Kooperation. Band 1: Grundlagen und Praxisfelder.* 2. Aufl. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005. 463 P.

- [8] *Bechtel M.* Interkulturelles Lernen beim Sprachenlernen im Tandem. Eine diskursanalytische Untersuchung. Tübingen: Gunter Narr, 2003. 389 P.
- [9] *Bechtel M.* Interkulturelles Lernen beim Sprachenlernen im Tandem. Eine diskursanalytische Untersuchung. Tübingen: Gunter Narr, 2003. 389 P.
- [10] *Громова Л.Г., Кудрявцева-Хеншель Е.* Возможности формирования межкультурной компетенции при изучении русского языка по методу тандем-обучения // Международный сборник научных трудов юбилейной конференции, посвященной 20-летию кафедры РКИ Тверского государственного университета «Русский язык в России и в мире: актуальные проблемы изучения и преподавания». Тверь: ТвГУ, 2012. С. 29—36.
- [11] *Кудрявцева Е.Л.* К вопросу о значении медиа-компетенции в современном обществе и процессе ее формирования у носителей русского языка как второго родного и студентов-иностранцев // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. № 2. Пятигорск, 2009 (апрель-июнь). С. 323—328.
- [12] *Кудрявцева Е.Л.* Использование тандема (индивидуального и группового) для сохранения родного языка у естественных билингвов. III научно-методические чтения: сб. научных статей. Вып. 3. М.: МГПИ, 2012. С. 76—89.
- [13] *Кудрявцева-Хеншель Е.* Использование тандема (индивидуального и группового) для сохранения родного языка у естественных билингвов. Непрерывное образование: вызовы, компетенции, гибкость и последствия для образовательных структур. Международная научно-практическая конференция: материалы конференции. Москва: Общественная палата Российской Федерации, 2012. С. 154—166.
- [14] *Flehsig K.H.* Kleines Handbuch didaktischer Modelle. 3. Aufl. Göttingen, 1991. Электронный ресурс. URL: <http://www.ikud.de/handbuch.htm> (Последнее обращение: 16.11.2014).
- [15] *Hutmacher W.* Key competencies for Europe. Report of the Symposium Berne, Switzerland 27—30 March, 1996. Council for Cultural Co-operation (CDCC). Secondary Education for Europe Strasbourg, 1997. p. 38.
- [16] *Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П.* Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов / под ред. А.П. Садохина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 352 с.
- [17] *Кудрявцева Е.Л., Бубекова Л.Б.* Online-tandem. Учим языки легко и интересно! Berlin: Lambert Academic Publ., 2014. 124 с.

История статьи:

Поступила в редакцию: 23.11.2016

Принята к публикации: 24.12.2016

Модератор: В.П. Синячкин

Для цитирования:

Кудрявцева Е.Л., Бубекова Л.Б. Онлайн-тандем в пост-интеркультурном сообществе: самообразование в кооперации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 1. С. 18—27.

Сведения об авторах:

Кудрявцева Екатерина Львовна, кандидат педагогических наук (PhD), научный руководитель международных лабораторий с распределенным участием при Елабужском институте Казанского федерального университета — Удмуртском государственном университете — Актюбинском университете им. С. Баишева, Гюстро (Германия). E-mail: ekoudrjvtseva@yahoo.de

Бубекова Лариса Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая Международной лабораторией с распределенным участием «Инновации в поликультурной образовательной среде» при Елабужском институте Казанского федерального университета, Елабуга (Россия). E-mail: bular@yandex.ru

ONLINE-TANDEM IN POST-INTERCULTURAL COMMUNITY: SELF-EDUCATION IN COOPERATION

E.L. Kudryavtseva

International laboratories with the distributed participation at the Yelabuga institute
of the Kazan federal university — the Udmurt state university — the Aktjubinsk university
of S. Baishev, Guestro (Germany)
18276, Hägerfelder Weg 4, Gutow, Germany

L.B. Bubekova

Yelabuga institute of the Kazan federal university
423600, Kazanskaja str., 89, Elabuga, Russia

The concept “cultures” lost a clear boundary today: only in the sphere of studying and teaching foreign languages it is possible to speak about the standard of speech — verbal and nonverbal aspect; to culture of behavior, culture of clothes, etc.; and, ethnic and social and defined norms adapt to various to situational contexts. For this reason and because of inter-object approach [1. P. 2] to studying of cross-cultural communication — borders of “cross-cultural communication” become more and more indistinct. It can take place between representatives of various cultures on one geographical space (i.e. in one polycultural society) and terms of uniform single-crop community, but consisting of representatives of various floors, generations, professions or social groups. From here need of more detailed approach to expansion of cross-cultural communication results including at learning of foreign languages; and to orientation of the post-integration work (directed on voluntary deep integration with self-identification preservation) — by use of online tandems with carriers of target languages and ethnocultures as native.

Key words: cross-cultural communication and competence; ethnocultural and ethnolinguistic differential and interference; the ethno- and inter-culture; post-ethnocultural community; online-tandem; self-education and informal education

REFERENCES

- [1] Matoba K., Scheible D. Interkulturelle und transkulturelle Kommunikation. Working Paper of International Society for Diversity Management e.V., 2007 № 3. Digital resource. URL: http://www.idm-diversity.org/files/Working_paper3-Matoba-Scheible.pdf (Accessed: 16.11.2014).
- [2] Dohmen G. Das informelle Lernen — Die internationale Erschließung einer bisher vernachlässigten Grundform menschlichen Lernens für das lebenslange Lernen aller. 2001. Digital resource. URL: http://www.bmbf.de/pub/das_informelle_lernen.pdf (Accessed: 16.11.2014).
- [3] Bredella B., Meissner F.-J., Nünning A., Rösler D. (Hrsg.) *Wie ist Fremdverstehen lehr- und lernbar? Vorträge aus dem Graduiertenkolleg «Didaktik des Fremdverstehens»*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2000. 294 P. (Giessener Beiträge zur Fremdsprachendidaktik). Digital resource. URL: http://books.google.de/books?id=WeFGSDLKSKUC&printsec=frontcover&hl=de&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (Accessed: 01.11.2014).
- [4] Zahra A. *Nonverbale Komponenten der Bedeutung serklärung in Fremdsprachen-Tandems*. München: Iudicium, 2011. 218 p.
- [5] Rost-Roth M. (unter Mitarbeit von Oliver Lechlmaier) *Sprachenlernen im direkten Kontakt. Autonomes Tandem in Südtirol. Eine Fallstudie*. Meran: Alpha & Beta Verlag, 1995. 158 P.
- [6] Thomas A., Kammhuber S. & Schroll-Machl S. (Hrsg.) *Handbuch Interkulturelle Kommunikation und Kooperation. Band 2: Länder, Kulturen und interkulturelle Berufstätigkeit*. 2. Aufl. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2007. 398 P.

- [7] Thomas A., Kinast E.-U. & Schroll-Machl S. (Hrsg.). Handbuch Interkulturelle Kommunikation und Kooperation. Band 1: Grundlagen und Praxisfelder. 2. Aufl. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005. 463 P.
- [8] Bechtel M. Interkulturelles Lernen beim Sprachenlernen im Tandem. Eine diskursanalytische Untersuchung. Tübingen: Gunter Narr, 2003. 389 P.
- [9] Bechtel M. Interkulturelles Lernen beim Sprachenlernen im Tandem. Eine diskursanalytische Untersuchung. Tübingen: Gunter Narr, 2003. 389 P.
- [10] Gromova L.G., Kudrjavceva-Hentshel E. Vozmozhnosti formirovanija mezhkulturnoj kompetencii pri izuchenii russkogo jazyka po metodu tandem-obuchenija [Potentials of formation of intercultural competence in the study of the Russian language by the method of tandem-learning]. Mezhdunarodnyj sbornik nauchnyh trudov jubilejnoj konferencii, posvjashhjonnoj 20-letiju kafedry RKI Tverskogo gosudarstvennogo universiteta «Russkij jazyk v Rossii i v mire: aktualnye problemy izuchenija i prepodavaniya». Tver: TSU, 2012. S. 29–36.
- [11] Kudrjavceva E.L. K voprosu o znachenii media-kompetencii v sovremennom obshhestve i processe ee formirovanija u nositelej russkogo jazyka kak vtorogo rodnogo i studentov-inostrancev [To a question about the importance of media-competence in modern society and the process of its formation in carriers of the Russian language as the second native and foreign students]. Vestnik Pjatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. № 2. S. 323–328. URL: http://www.pglu.ru/vestnik/2009/2/Kudryavtseva_E_L.pdf (Accessed: 14.01.2014).
- [12] Kudrjavceva E.L. Ispolzovanie tandema (individualnogo i gruppovogo) dlja sohraneniya rodnogo jazyka u estestvennyh bilingvov [The use of tandem (individual and sectional) for preservation of native language of the natural bilinguals]. III nauchno-metodicheskie chtenija. Sbornik nauchnyh statej. Vypusk 3 [III scientific-methodical reading. Collection of scientific articles. 3d Issue]. M.: MSPI, 2012. P. 76–89.
- [13] Kudrjavceva-Henshel E. Ispolzovanie tandema (individualnogo i gruppovogo) dlja sohraneniya rodnogo jazyka u estestvennyh bilingvov [The use of tandem (individual and sectional) for preservation of native language of the natural bilinguals]. Nepreryvnoe obrazovanie: vyzovy, kompetencii, gibkost i posledstvija dlja obrazovatelnyh struktur. Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija. Materialy konferencii. Moskva: Obshhestvennaja palata Rossijskoj Federacii [Continuing education: challenges, competence, flexibility and the consequences for educational institutions. International scientific-practical conference. Conference materials. Moscow: The Public Chamber of the Russian Federation], 2012. 370 p. P. 154–166.
- [14] Flechsig K.H. Kleines Handbuch didaktischer Modelle. 3. Aufl. Göttingen, 1991. Электронный ресурс. URL: <http://www.ikud.de/handbuch.htm> (Последнее обращение: 16.11.2014).
- [15] Hutmacher W. Key competencies for Europe. Report of the Symposium Berne, Switzerland 27–30 March, 1996. Council for Cultural Co-operation (CDCC). Secondary Education for Europe Strasburg, 1997. P. 38.
- [16] Grushevickaja T.G., Popkov V.D., Sadohin A.P. Osnovy mezhkulturnoj kommunikacii. Uchebnik dlja vuzov / Pod red. A.P. Sadohina. [Fundamentals of Intercultural Communication. Textbook for Universities / Ed. A.P. Sadokhin]. M.: JuNITI-DANA, 2002. 352 p.
- [17] Kudrjavceva E.L., Bubekova L.B. Online-tandem. Uchim jazyki legko i interesno! [Learning languages easy and fun!] Berlin: LambertAcademicPubl., 2014. 124 p.

Article history:

Received: 23.11.2016

Accepted: 24.12.2016

Moderator: V.P. Sinyachkin

For citation:

Kudryavtseva E., Bubekova L. (2017). Online-tandem in Post-Intercultural Community: Self-Education in Cooperation. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 14 (1), 18–27.

Bio:

Kudryavtseva Ekaterina Lvovna, the candidate of pedagogical sciences (PhD), the research supervisor of the International laboratories with the distributed participation at the Yelabuga institute of the Kazan federal university — the Udmurt state university — the Aktyubinsk university of S. Baishev, Guestro (Germany). E-mail: ekoudrjvtseva@yahoo.de

Bubekova Larisa Borisovna, the candidate of Philology, the associate professor, managing the International laboratory with the distributed participation “Innovations in the polycultural educational environment” at the Yelabuga institute of the Kazan federal university, Yelabuga (Russia). E-mail: bular@yandex.ru

UDK 372.881.161.1

DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-1-28-42

RUSSIAN IN GHANA AND STUDENTS' COMMON ERRORS

Y. Dzyadyk

University of Ghana
P.O. Box 207, Accra, Legon, Ghana

The motivation for language learning is influenced by political, social and cultural influence. The Russian language was introduced to the academic curriculum at the University of Ghana several decades ago. To understand advantages and disadvantages of Russian learning, it is necessary to reveal what is behind the language policy in Ghana.

In this paper, we consider how language structures are used in the Russian language, and how local languages affect it. By means of the influence of both English language and local languages, we observe common errors that appear in students' speech and papers.

Key words: motivation, Ghana, Russia, common errors

You can never understand one language until you understand at least two.
Geoffrey Willans

1. INTRODUCTION

Language is a social phenomenon. It can go through the processes of development if only a certain society exists. Language cannot exist beyond the society. Being socialized, language follows the time. Language cannot be stigmatized. It functions in a new way under new conditions.

The motivation for language learning is influenced by socio-cultural and political factors of a country the language of which is presented in a particular society. The stronger economy of the country the more motivation learners have. It can be proved on the basis of the French language under Napoleon Bonaparte, Spanish language in the period of powerful Spanish Fleet, English language of the British monarchy [1].

We will look at the language situation in Ghana, particularly on the basis of Russian as a foreign language.

The Russian language was introduced to the academic curriculum in Ghana several decades ago. In order to unravel both advantages and disadvantages of Russian learning, it is necessary to reveal what is behind the foreign-language policy in Ghana. The Soviet leadership did well inviting students to the Soviet schools providing free education for them. With the collapse of the Soviet Union, the situation changed drastically on the education level. In recent years, the cooperation between Ghana and modern Russia as a successor of the former Soviet Union, has been brought to a new level and become more fruitful.

The use of a certain language envisages specific social behavior and interaction among members of a society. Language is a symbol of behavior in a society. The relation between a language and a society is based on the abundance of both linguistic and extra-linguistic factors. There exist both close language interconnection and mutual influence in multilingual space. This phenomenon is clearly seen in those multilingual societies, in which an official language co-exists with local languages and is influenced by them. Multilingualism became a norm rather than an exception [2].

Primary socialization of a child in Ghana starts from the very first days after a child is born. The family members begin communicating with a baby in the language typical of the family. They use Twi, Ga, Fanti, Hausa or any other local languages. When a child grows, the enclosed area is not narrow any more, and the child has an access to other ethnic groups. While being in touch with friends from other language groups, the child is involved in the process of unstoppable march of “language bombarding” (of course, in positive meaning of the word) [3].

If we consider the variety of languages spoken, we come to an understanding that multilingualism has more advantages than disadvantages. Multilingual users get many benefits [4]. Better job prospects, a cognitive boost, protection against mental disorders are some of them. Research shows that they can view the world in different ways depending on the specific language they are operating in. Brain receives a positive impulse. Mental flexibility occurs more often, and mental activity has a certain protective effect. A speaker has to switch sounds, cultural concepts, grammatical structures (Thomas Bak, a neurologist at the University of Edinburgh, Scotland; Brian Gold, a neuroscientist at the University of Kentucky, Lexington). Ageing processes are also delayed in multilinguals. This category of people tend to make more rational decisions in a second/third language [4—8]. Some activities were organized by the Cambridge Bilingualism Network in order to address the following questions:

- How does multilingualism affect relations between individuals and their communities?
- What are the cognitive advantages of multilingualism?
- How far can current linguistic theories account for code-switching? (Prof. Wendy Ayres-Bennett, Dr. Dora Alexopoulou, Dr. Napoleon Katsos).

In accordance with the curriculum, the University of Ghana offers blocs of courses to first-year students, among which a foreign language appears. Besides, the number of academic hours is not enough, and it makes the learning process difficult. That is why many of students drop the language course at Level 200. Some of the students do not have any desire or motivation to continue learning any foreign languages, since the University “decides” for them in terms of choosing major courses. But motivated students have an opportunity to do a foreign language as a major course beginning with Level 300. Finally, they participate in a year-abroad programme.

The students are offered the Course Outlines where the language policy, objects, learning outcomes are described to make the cooperation between students and lecturers more fruitful.

2. ABOUT THE COURSE

Course Code and Title: RUSS 431: Advanced Language Proficiency

Credits: 1

Lecture Period(s) and Venue: Wednesday, 09:30-10:20, Multimedia Room MLD

Prerequisites: *RUSS 342 Russian Language Skills, RUSS 344 Contemporary Russia: Politics and Society, RUSS 348 Translation From and into Russian*

Course Instructor(s)

Name: Mr. Yuriy Dzyadyk

Office location: DF/MLD 013

Office hours: Tuesday: 12:30 — 13:30; Wednesday: 14:00 — 15:00

E-mail: ydzyadyk@ug.edu.gh

Teaching Assistant: Larbi Osumanu, Rashida

Introduction/Subject Overview or Course Description:

The course will focus on a good command of Russian. It involves a comprehensive review of Russian grammar at an advanced level with emphasis on comprehension, reading, writing and oral skills.

The course occupies 1 credit hour of the total number of credit hours and it will be purely language based. Dr. G.N. Adam will hold another two-credit part of the course.

Course Objective/Goals:

The attainment of a high level of language proficiency in comprehension, translations practice and oral skills.

Students should understand complicated Russian texts, be ready to discuss problems raised. They have to use complex grammatical structures.

Learning Outcomes:

The course will start with the revision of aspects of Russian grammar and vocabulary. The study of new materials will be done through using “Знакомимся с русскими традициями и жизнью россиян” and “Yeralash” textbooks since they enable students to practice out-of-class language skills. Monthly movie shows will help students to get acquainted with the culture behind the language and will help the students to cope with difficulties of Russian environment alive. At the end of every month students will have to present projects on selected topics.

Course Delivery (optional):

This is the language part of the course.

Plagiarism policy

Students are to present authentic papers. If plagiarism (materials copied from another student) is detected, both the original and the copied work will be cancelled. No mark will be awarded. Internet and materials from other resources should be only used if they are necessary. In those cases the source of information should be given.

Assessment and Grading

Mid-Semester Test/Interim Assessment	5%
Presentation and Class Participation	5%
Final Exam	20%

Grading Scale:

One credit is for the linguistic aspect of the course. There will be a written examination.

Ten percent of the given course will be determined by continuous assessment and class attendance, as well as mid-semester test. Apart from weekly assessment of take-home

assignment, vocabulary and grammar short tests will be held. Students should be active in class. They must attend classes and come on time.

Twenty percent is reserved for the end-of-semester oral examinations.

Reading List/Required Text

1. Н.В. Баско. Знакомимся с русскими традициями и жизнью россиян. М., 2010.
2. Манова Н.Д., Палоши И., Чайбок-Тверефу И. и др. Смотрим веселый Ералаш, 2014.
3. Вохмина, Л.Л. Русский класс: Учебник русского языка для иностранных учащихся. М.: Русский язык. 2011.
4. Ryasanova-Clarke, L., Wade, T. *The Russian Language Today*. Routledge, 1999.
5. Voynova, E.I., Matveeva, V.M., Averyanova, G.N., Bratus', B.V. *Uchebnik Russkogo Yazyka Dlya Inostrannikh Studentov Filologov*. M.: Russkiy Yazyk, 1986.

Other Information:

Students have to be active in class, take part in class discussions. They are also advised to study on their own. They have to practice materials learnt in class with their group-mates. They also need to work systematically to bring their knowledge to a higher level. The students can listen to radio programmes, watch the Russian TV programmes as well as movies, read Russian fiction and poetry at least 50 minutes daily. They have to be aware of events going on both in Russia and the Russian language environment, study Russian culture and traditions through various resources available.

Course Delivery Plan/Schedule includes the following topics (Level 400):

Week	Date	Lecture #	Topic	Comments (Homework assignment)
1	19.08.15	1	Motherland and foreign countries Food, clothes	Ex.8,9 p.12
2	26.08.15	1	National character Shopping	Ex.8,9 p.25
3	02.09.15	1	Important events in our lives Etiquette	Ex. 8,9 p.38-39
4	09.09.15	1	Russians and family ties Relations between schoolmates	Ex.8,9 p.54
5	16.09.15	1	Russian cuisine Moscow underground train system	Ex. 8,9 p.68
6	23.09.15	1	Private and state property Emergencies	Ex.8 p.82
7	30.09.15	1	A visit to a Russian friend Russia and activities of Russians	Ex. 8,9 p.93
8	07.10.15	1	Friendship and Russians Sport	Ex. 8,9 p.108
9	14.10.15	1	Labour and Russians Relations in a family	Ex. 8 p.119
10	21.10.15	1	Education in Russia At a hospital	Ex.8 p.133
11	28.10.15	1	Public transport in Russia Children and parents	Ex.8,9 p.149
12	04.11.15	1	Trade in Russia Technology and Russia	Ex.8 p.160-161
13	11.11.15	1	Leisure and Russians	Ex.8 p.173-174

© 2016 University of Ghana

In the process of teaching, we notice mistakes on phonetic, lexical and grammatical levels. Russian is a Slavic language of Eastern Europe. The typical mistakes help to set

the peculiarities, to select the methods of teaching, to direct the teaching/learning process in the right way.

Difficulties appear from the first class since the Cyrillic alphabet is used in the Russian language. The letters can be divided into four main groups:

Group 1.

Letters similar to English letters in form and pronunciation:

Аа [a], Оо [o], Ее [e], М [m], Кк [k], Т [t].

Group 2.

Letters similar to English letters in form but different in pronunciation:

Уу [u], Вв [v], Н [n], Рр [r], Сс [s].

Group 3.

Letters corresponding letters in Greek:

Гг [g], Дд [d], Лл [l], Пп [p], Фф [f], Хх [x].

Group 4.

Remaining letters:

Бб [b], Зз [z], Ёё [yo], Жж [ʒ], Ии [i:], Йй [j], Цц [ts], Чч [ʧ], Шш [ʃ], [ʃʃ], Ъ [ʲ], Ы [y], Ээ [e], Юю [yu], Яя [ya].

On phonetic level, some sounds are not pronounced properly. The Twi closed phoneme [o] resembles [u]. It causes incorrect lexeme usage. The word «стол» [stol] ‘a table’ is pronounced with vowel sound [u] which finds another word «стул» [stul] meaning ‘a chair’.

Combinations of *-sk* which is replaced by *-ks* and *-fl* which is replaced by *-fr* create another problem in middle and initial positions: Москва-Моксва, Флор-Фрол [*Maskva-Maksva, Flor-Frol*].

The incorrect use of stress leads to confusion when we deal with homographs. The meaning depends on the correct stress: Уже-ужЕ [*Uzhe-uzhE*] (more narrow-already), замОк-замОк [*zAmok-zamOk*] (palace-lock), городА-гОрода [*garadA-gOrada*] (cities [plural noun]-of a city [genitive case of singular noun]). In unstressed positions phoneme *-o* is pronounced [a], while in stressed positions — [o]. Therefore, we present Russian pronunciation in English transcribed examples.

On lexical level, when addressing a lecturer or senior officers students use Sir/Madam or Mr./Ms which is not typical of Russian though these forms exist *господин/госпожа* [*gaspadin/gaspazha*] but they are used in addressing foreigners rather than locals: *господин Брайтон/госпожа Брайтон* [*Mr./Ms Brighton*].

Three-component name is used in the Russian language (first name, middle name [father’s name with a certain suffix], last name): Иван Романович Соколов/Мария Ивановна Соколова [*Ivan Ramanovich Sakalov (m)/Mariya Ivanavna Sakalova (f)*]. Accordingly, middle names can be divided into groups:

Male names ending in a consonant [b, l, m, n, r, s, t] (б, л, м, н, р, с, т): Иванович/Ивановна [*Ivanavich/Ivanavna*] (father’s name is Ivan [Иван]). Masculine forms are used with a final form *-ovich*, feminine *-ovna* (spelling is used with phoneme *-o*).

Male names ending in the combination *-iy* (ий): Васильевич/Васильевна [*Vasilyevich/Vasilyevna*] (father’s name is Vasily [Василий]). In these forms the stem of a father’s name is taken into account *Vasil-* (*Васил-*) and soft sign with a final form *-yevich (m)/-yevna (f)* are added.

Male names ending in -*eu*(ей): Андреевич/Андреевна [Andreyevich/Andreyevna] (father's name is Andrey [Андрей]). The stem of a father's name *Andre-* (Андре-) and a final form -*evich* (m)/-*evna* (f) are used.

Male name Павел [Павел] has the following structure: Павлович/Павловна [Pavlavich/Pavlavna]. The last but one vowel -*e* is dropped before final forms -*ovich* (m)/-*ovna* (f) (spelling is used with phoneme -o).

The lexeme “please” is borrowed from local language through English into Russian, even though it is out of use: Do you have a book? — No, please. У тебя есть книга? — Нет, пожалуйста. [U tebya yest kniga? — Net, pazhalusta.]

The following English nouns have similar equivalents in the Russian language: *a planet-планета, a problem-проблема, a minute-минута, a second-секунда*. When comparing with the English version, students are deceived because they use the same form as it appears in the English language. Even though, the forms are similar but they are not identical. Russian nouns of this group have ending [a] which shows that the gender of the nouns is feminine. Using English form states the masculine gender which is incorrect.

Approximate lexemes lead to typical mistakes, too. In the following questions

Какое домашнее задание у Вас будет на завтра? [Kakoye damashnyee zadaniye u Vas budet na zaftra?] (1)

Что у Вас будет на завтрак? [Shto u Vas budet na zaftrak?] (2)

we can notice the similar forms at the end of the questions. They are used with the same prepositions. Unfortunately, the words are not synonyms and have different meaning. In sentence (1) we deal with adverb, while sentence (2) has noun in its structure.

Sentence (1): What homework assignment will you have for tomorrow?

Sentence (2): What will you have for breakfast?

Sentence extension can help to work out the meaning of the lexemes:

Что у Вас будет завтра на завтрак? [Shto u Vas budet zaftra na zaftrak?] (3)

Sentence (3): What will you have for breakfast tomorrow?

Seeing two approximate forms within the sentence boundaries, students might be alert that it is impossible to use the same lexemes: obviously, these should be if not different parts of speech, then different nouns.

The Russian language possesses two forms of the pronoun *you*: official and unofficial. It is easy to understand the phenomenon for those students who did French course before, since forms *tu/vous* exist in the French language. Russian form *ты* [ty] is used to address friends or family members that are in close relations, while *вы* [vy] is used when addressing older people, teachers, officers and also two or more people. For English-speaking students it is difficult to differentiate between these forms at the beginning. They often make mistakes. It should be taken into account that it is not polite, or rather rude, if a person uses wrong forms in wrong situations in Russia, e.g. when addressing a lecturer, a student uses *ты* [ty]-form instead of *вы* [vy].

It often happens that foreign students mix up -*и/ы*, or *и/й*; it leads to typical mistakes because the letters are not identical, and the words might have quite different meanings: пытаться [pytatsa] (*to try*), питаться [pitatsa] (*to eat*); мой друг [moy drug] (*my friend* [singular]), мои друзья [mai druzya] (*my friends* [plural]).

We found out that time clusters are used in incorrect way. If the minute has not reached figure 6, the time is indicated by means of 1) a cardinal numeral in the nominative case;

2) the word ‘1 минута, 2-4 минуты, 5-20 минут’; 3) the genitive case of the ordinal numeral denoting the next full hour: 8:10 — десять минут девятого [*desyat’ minut devyatava*], 1:15 — четверть второго [*chetvert’ vtarova*], 4:02 — начало пятого [*nachala pyatava*] (several minutes past ...).

If the minute hand points to figure 6, the time is indicated by the word ‘половина’ [*palavina*] followed by the genitive case of the ordinal numeral denoting the next full hour: 11:30 — половина двенадцатого [*palavina dvenatsatava*].

If the minute hand has passed figure 6, the time is indicated by 1) the preposition ‘без’ [*bes*]; 2) the genitive case of the cardinal numeral denoting the minutes; 3) the nominative case of the cardinal numeral denoting the next full hour: 7:40 — без двадцати восемь [*bes dvatsati vosem’*] [8].

While learning the foreign language, local way of thinking prevails. Polysemantic units cause confusion for learners. Difficulties occur in translating realia, and often word-for-word interpretation creates the comic effect: закончить школу/университет с золотой медалью/красным дипломом [*zakonchit’ shkolu s zalatoy medalyu/krasnym diplomam*] (to finish secondary school/graduate from the university with honours). Literal translation creates difficulties since it does not make any sense: word combinations are translated “golden medal and red diploma”.

On grammatical level, prepositions of location and direction, three genders (masculine, feminine, neuter) and six cases, as well as declension of nouns, cause difficulties.

Unlike English, the Russian verbs denoting location or direction use the same preposition in post position: It affects the noun since direction requires the accusative case while location requires the prepositional case: Он пошел в школу. Он в школе. Compare: He went to school (direction). He is at school (location). By means of prepositions, the forms are identified.

Normally, gender in Russian is identified by means of the ending: consonants, and some words with soft sign -ь (causes palatalization) are typical of masculine nouns: брат [*brat*] (brother), словарь [*slavar’*] (dictionary); ending -а, -я [a, ya] and soft sign -ь — feminine: сестра [*sistra*] (sister), дочь [*doch’*] (daughter); -о, -е [o, ye] — neuter: окно [*akno*] (window), море [*morye*] (sea).

Some nouns ending in -а, -я belong to masculine gender: папа, дядя, дедушка, юноша. They have feminine endings; therefore, they are declined as feminine nouns but when possessive pronouns or adjectives are added, their endings reflect masculine nouns: мой дядя, хороший папа, красивый юноша [*moy dyadya, haroshyy papa, krasivyy yunasha*] (my uncle, nice daddy, handsome lad). When applying translation, we can be sure that these nouns cannot be feminine. Compare endings of feminine nouns in opposite pairs: моя тетьа, хорошая мама, красивая девушка [*maya tyotyа, haroshaya tаmа, krasivaya devushka*] (my aunt, nice mommy, pretty young lady).

Soft sign makes palatalization occur in words, while hard sign -з helps to separate syllables where it is necessary to avoid joint parts between the consonant and vowel sounds: подъехать [*pad-ye-hat’*] (approach). Without hard sign, the word will sound [*pa-de-hat’*] which is not typical of the Russian language; sometimes hard sign separates prefixes from the root of the word. Prefixes add new meaning to the words: ехать [*yehat’*] (to go using transport), поехать [*payehat’*] (to leave), подъехать [*padyehat’*] (to approach), приехать [*priyehat’*] (to arrive), доехать [*dayehat’*] (to reach). Some words can exist in both forms

with different meaning: *сесть* [*s'est'/siest'*] (*to have sat down*), *съесть* [*s-yest'*] (*to have eaten*).

A typical mistake occurs in a pair 'ферма/фирма' [*ferma/firma*] (*a farm/a firm*). In a lexeme 'ферма', [e] is pronounced [3:]. It makes students use a wrong version if they translate it as 'a firm/a company'.

The Russian verb system has a complex structure based on tenses, two conjugations and aspects. For native speakers it is easy to identify the declension by using verbs, third person plural. The correct ending depends on the conjugation: *-u-* or *-e-*. If a verb has ending *-ym/-yom* [*ut, yut*] in third person plural, the verb belongs to Conjugation I and verb endings in all other persons possess *-e* (*-ешь, -ем, -ем, еме*); if ending is *-am/-yam* [*at yat*], it shows Conjugation II and verb endings in all other persons contain *-u* element (*-ишь, -им, -им, -име*). It influences verb endings in all other persons and number. The wrong ending in third person plural will sound clumsy. But for foreign students this technique does not work because foreigners do not have intuitive perception of the language at the primary stage of learning. Sometimes, any form seems correct. The form 'сидю' [*sidyu*] (*to sit*) like some other verb forms is wrongly used even by native speakers, especially from rural areas. The correct version is 'сизжу' [*sizhu*].

Double negation is used in Russian unlike in the English language: Я никого не видел [Ya nikavo ni videl. Compare: I saw no one].

Adverbial modifiers of time in the Russian language borrowed English punctuation: In spring 1992, we moved to Tomsk. Весной 1992 (года), мы переехали в Томск. Vesnoy 1992 goda, my pereyehali v Tomsk. The adverbial modifier of time cannot be separated by means of comma in the Russian sentence: Мы переехали в Томск весной 1992 года.

Here we offer the samples of tests that are used in the University of Ghana in Lexicology (Test 1), Russian Language Skills (Test 2.1, Test 2.2). If the tests are passed, students change the language level to a higher one and they are ready to participate in a year-abroad programme:

Test 1

1. Which of the following words are used in the plural only?

Братья, будни, трактора, берега, прятки, овощи, города, каникулы, листья, макароны, сутки, магазины, шашки, друзья, дрожжи, чернила, ворота, ученики, брюки, апельсины.

2. Find out the Gender of the following words:

Гость, радость, кофе, путь, егоза, насекомое, юла, домище, самоучка, бремя, судья, семья, дитя, дядя, подмастерье, парнишка, здоровье, семья, дедушка, самоучитель.

3. Identify animate and inanimate nouns:

Открыватель, животное, молодежь, староста, лес, фрукт, покойник, учение, русалка, леший, человечество, громкоговоритель, мертвец, птица, платье, институт, кошка, спорт, инженер, множитель.

4. Find words which are reflective adjectives:

Домашний, большой, музыкальный, честный, дорогой, кирпичный, хлебный, злой, деревянный, глупый, автобусный, умный, добрый, книжный, хороший, университетский, красивый, манговый, белый, школьный.

5. Explain the lexical and grammatical peculiarities of the underlined words:

- 1) Какие технические масла ты обычно покупаешь?
- 2) Разве это недоступные высоты?
- 3) Сосед по комнате все берет без спросу.
- 4) Студенты достигли хороших результатов.
- 5) Хор запел.

6. Use the words in brackets in the appropriate case:

- 1) Мы приехали домой ... (самая короткая дорога).
- 2) Мальчик хочет стать ... (физик).
- 3) Я удивляюсь его ... (поведение).
- 4) Другу очень нравится рубашка ... (белый цвет).
- 5) Это очень хороший подход к ... (решение) вопроса.
- 6) Она покраснела от ... (стыд).
- 7) Сестра уехала в Лондон ... (лето).
- 8) Он купил дом благодаря ... (помощь) отца.
- 9) Она не придет на собрание из-за ... (дождь).
- 10) Студент занимался ... (вся ночь).
- 11) Я знаю молодого человека, ... (работающий) на почте.
- 12) Кофи получил деньги от сестры, ... (живущий) в Мадине.
- 13) Все это случилось при ... (Нкрума).
- 14) Есть хочется, можно попросить ... (хлеб).
- 15) Говорят, что сегодня ... (времена) будет дождь в городе.

The practical course of the Russian language includes two parts of testing: Grammar (Test 2.1) and Orals (Test 2.2):

Test 2.1

1. Answer the following questions using words instead of figures in brackets and the right preposition (10 marks):

- 1) Когда у вас начинаются лекции в университете? (9:00)
- 2) Когда в университете кончаются занятия? (14:00)
- 3) Когда начинается фильм? (16:30)
- 4) Когда начинает работать библиотека? (10:00)
- 5) Когда вы обычно обедаете? (12:15)
- 6) Когда вы встаете? (7:30)
- 7) Когда по радио передают новости? (13:00)
- 8) Когда брат кончает работать? (18:45)
- 9) Когда дети ложатся спать? (21:50)
- 10) Когда начинают работать магазины? (8:00)

2. Answer the following questions using the words in brackets in the required case. Write out the whole sentences (10 marks):

- 1) По какому парку гуляли дети? (большой парк)
- 2) В каком городе вы живете? (красивый город)
- 3) В каком море хорошо плавать? (теплое Черное море)
- 4) С кем они разговаривали? (молодой переводчик)
- 5) Какой мультфильм показывали в воскресенье? (новый интересный мультфильм)

- 6) Какой костюм он купил? (вечерний костюм)
- 7) Какого человека вы встретили? (тихий приветливый человек)
- 8) Какое яблоко взял ребенок? (большое красное яблоко)
- 9) Какой фильм надо смотреть? (хороший фильм)
- 10) Около какого дома построили магазин? (высокий дом)

3. Answer the questions using words in brackets in the appropriate case. Write out the whole sentences (10 marks):

- 1) В какой тетради вы пишете? (толстая синяя тетрадь)
- 2) В какой школе учится ее сын? (новая средняя школа)
- 3) На какой фабрике работает девушка? (большая современная фабрика)
- 4) Какую погоду вы любите? (теплая весенняя погода)
- 5) Какую рубашку он наденет завтра? (летняя светлая рубашка)
- 6) Какую газету он читает? (свежая утренняя газета)
- 7) Кому отец купил подарок? (младшая дочь)
- 8) По какой улице едут машины? (новая широкая улица)
- 9) Кем гордится профессор? (талантливая ученица)
- 10) В какой вазе стояли цветы? (новая ваза)

4. Complete the sentences using the verbs *ехать/ездить; идти/ходить* in the past tense. Write out the whole sentences (10 marks):

- 1) Вчера мы ... к знакомым, которые живут далеко от нашего дома.
- 2) Туда мы ... на метро, а обратно на такси.
- 3) Летом мои друзья ... на юг на поезде.
- 4) Вчера мы долго ... по лесу пешком.
- 5) Туристы ... на экскурсию в старинный русский город.
- 6) Целый день они ... по музеям города.
- 7) Недавно студенты ... в деревню.
- 8) Сначала они ... на машине, потом на автобусе.
- 9) А потом они ... пешком.
- 10) Когда они ..., они пели веселые песни.

5. Translate into Russian (10 marks):

- 1) Tom is going to the doctor's.
- 2) My friend received a letter from his friend.
- 3) They went to the shop in the morning.
- 4) Zhenya is at his friend's now.
- 5) Apples are more delicious than pears.

Test 2.2

Read carefully the text:

ТЕХТ 1

Русские традиции

Традиции — это не только то, что отличает один народ от другого, но и то, что объединяет самых разных людей. Семейные традиции русского народа — наиболее интересная часть истории и культуры Российского государства, которая знакомит нас с опытом наших предков. Семейные традиции России никогда не обходились без генеалогии: было стыдно не знать родословную, а самым обидным прозвищем считалось «Иван, не помнящий родства». Когда появились фотоап-

параты, люди стали составлять, а потом и хранить семейные альбомы. Этот обычай успешно дошел и до наших дней — наверное, у большинства имеются старые альбомы с фотокарточками дорогих сердцу родных. Давней русской традицией можно назвать и передачу вещей, принадлежащих далеким (и не очень) предкам, своим потомкам. Например, прабабушкина шкатулка или прадедушкины часы — семейные реликвии, которые хранятся долгие годы в уголке дома. История вещей становится историей народа.

Существует также прекрасный обычай называть ребенка в честь кого-нибудь из членов семьи (есть так называемые «семейные имена»). Когда малыш рождается, он тут же получает часть имени рода по «прозванию» своего отца. Отчество отличает человека от тезки, проливает свет на родство (сын-отец) и выражает почтение. Семейные традиции, примеры которых в настоящее время практически не найти, это старинные профессиональные династии (то есть когда все члены семьи занимались каким-то одним видом деятельности). Известны целые династии потомственных пекарей, артистов. И, конечно же, самым любимыми являются семейные праздники, поскольку все еще сильны в нас традиции древнерусского застолья.

На Руси к приему гостей готовились, убирая не только дом, но и двор. Всех входящих гостей встречали хлебом-солью, затем выходила хозяйка, кланялась всем, а гости отвечали ей тем же. Потом все садились за общий стол, пели песни, а хозяева угощали всех кашей, щи, рыбой, ягодами, медом. Стоит отметить, что для сервировки стола использовались скатерти, полотенца и посуда, хранимые в сундуках и буфетах для торжественных случаев. Любопытно, что многие современные хозяйки соблюдают некоторые обычаи из старых времен [9].

Vocabulary:

Народ — nation

Отличать — differentiate

Объединять — unite

Государство — state

Родословная — family tree

Обычай, традиция — tradition

Предки — ancestors

Почтение — respect

Шкатулка — small box

Пекарь — baker

Хозяйка — mistress

Скатерть — table cloth

Праздники — holidays

ТЕХТ 2

Обучение иностранцев в России

Система обучения в России имеет хорошую традицию и всегда была открыта для талантливой молодёжи. Людей, которые учились в России, всегда ценили за образование и знания. Большой приток иностранных студентов был в советское время. Те, которые получили образование в России и полюбили её, готовы по-

могать престижу российской высшей школы. В современном мире авторитет государств определяется их интеллектуальным потенциалом, развитием науки и высшей школы. Сегодня функционируют 45 российских центров науки и культуры в 40 странах. Обучение на курсах русского языка может стать первым шагом к получению иностранцами высшего образования в России. В свою очередь, Россия гордится теми, кому она помогла получить путевку в профессиональную жизнь. Во время жизни и учебы в России иностранные студенты знакомятся с российской историей и культурой, приобретают друзей на всю жизнь, а заканчивая учёбу и возвращаясь домой, большинство из них становятся посланниками России в самых отдаленных уголках планеты.

Для сотен тысяч людей языком общения стал русский язык — язык Пушкина и Лермонтова, Толстого и Достоевского, Чехова и Бунина, язык сказок и песен. У большинства выпускников вместе с языком выработан русский менталитет и, встречаясь где-то в Европе, или на другом континенте, они всегда очень рады друг другу, как будто встретились братья. Укрепление позиций русского языка и русской культуры за рубежом вызывает все больший интерес мировой общественности к России, ее истории и сегодняшней жизни, политике и экономике. Студенты самых разных стран, живя в России, накапливают опыт других студентов, приехавших из стран с различным уровнем развития, а главное — учатся жить вместе в мире и дружбе с разными народами. Это интернациональное воспитание вместе с качественной профессиональной подготовкой позволяет иностранным студентам после окончания обучения в России возвратиться на Родину и на деле доказывать высокий уровень российской высшей школы. И, прежде всего, бывшие студенты российских вузов являются в своих странах тем классом, который формирует готовность местных элит, деловых кругов, культурной общественности сотрудничать с российскими организациями и Россией. Много выпускников поддерживают постоянную связь с Россией, давшей им образование [10].

Vocabulary:

Талантливая молодежь — talented youth

Приток — flow

Развитие науки и обучения / высшей школы — development of science and higher education

Ценить и гордиться — appreciate and be proud

Сотрудничать, жить в мире и дружбе — cooperate, live in peace and friendship

Выпускник — graduate student

Посланник — messenger

Деловые круги — business elite

Связь, отношения — relations

Общественность — society

Менталитет — mentality

After reading the text, the students are asked to answer some questions and discuss the topics related to the main ideas in the texts that students read.

3. SUMMING UP

Common errors determine the peculiarities of teaching Russian, help to choose the appropriate methods, modify the structure of classes. Teaching Russian in Ghana takes an important place in popularization of Russian culture and traditions.

© Yuriy Dzyadyk, 2017

REFERENCES

- [1] Dzyadyk Yuriy, Chajbok-Tverefu II'diko Prepodavanje russkogo yazyka v angloyazychnoj srede Gany [Teaching Russian in English-speaking context of Ghana]. *Russkij yazyk za rubezhom*. № 1. 2016. P. 124—128.
- [2] Dzyadik Yu. Anglijs'kij pidzhin Nigerii ta Gani: istoriya ta suchasnist'. *Visnik L'vivs'kogo universitetu. Seriya mizhnarodnih vidnosin*. 2012. Vip. 30.
- [3] Dako, K., Yitah, H., 2012, Pidgin, 'Broken' English and 'Othering' in Ghanaian Literature. *Legon Journal of Humanities*. Spec. Edit. URL: <http://klub-drug.ru/deti/semeynye-tradicii-v-rossii-cennosti-russia.html> (data obrashcheniya 05.12.2016).
- [4] Bialystok, E., 2011, Reshaping the Mind: The Benefits of Bilingualism. *Canadian Journal of Experimental Psychology*, Vol. 65, No. 4, pp. 229—235.
- [5] Bialystok, E., Craik, F.I.M., 2010, Cognitive and Linguistic Processing in the Bilingual Mind. *The Current Directions in Psychological Science*, pp. 19—23.
- [6] Bialystok, E., Craik, F.I.M., Luk, G., 2012, Bilingualism: Consequences for Brain and Mind. *Trends in Cognitive Science*, Vol. 16, Issue 4, pp. 240—250.
- [7] Lam, E., Rosario-Ramos, E., 2009, Multilingual Literacies in Transnational Digitally-Mediated Contexts: An Exploratory Study Of Immigrant Teens in the U.S. *Language and Education*, 23(2), pp. 171—190.
- [8] Maddux, W.W., Adam, H., Galinsky, A.D., 2010, When in Rome, Learn Why The Romans Do What They Do: How Multicultural Learning Experiences Facilitate Creativity. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 36, pp. 731—741.
- [9] Paradowski, M.B. *The Benefits of Multilingualism*. URL: <http://www.multilingualliving.com/2010/05/01/the-benefits-of-multilingualism-full-article/>, Access: April 25, 2016.
- [10] Vasilenko E., Lamm EH. Russkij — samostoyatel'no [Self-learned Russian]. M.: *Russkij yazyk*, 1986. P. 274—275. URL: http://ukc-sputnik.ru/obrazovanie_v_rossii (data obrashcheniya 07.05.2016).

Article history:

Received: 03.11.2016

Accepted: 06.01.2017

Moderator: V.P. Sinyachkin

For citation:

Dzyadyk Yu. (2017). Russian in Ghana and Students' common errors. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 14 (1), 28—42.

Bio:

Dzyadyk Yuriy is language tutor of the Department of Foreign Languages, University Of Ghana.
E-mail: ydzyadyk@ug.edu.gh

КУРС РУССКОГО ЯЗЫКА В УНИВЕРСИТЕТЕ ГАНЫ И ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ СТУДЕНТОВ

Ю. Дзядык

Университет Ганы
Почтовый ящик 207, Аккра, Легон, Гана

Общество, культурное наследие нации влияют на изучение иностранных языков. Русский язык был введен в программу Университета Ганы несколько десятилетий назад. Чтобы говорить о преимуществах и недостатках изучения русского языка в Гане, необходимо понимать языковую политику правительства Ганы на протяжении всего этого периода.

Цель настоящей работы — показать, как общие языковые структуры влияют на изучение русского языка и до какой степени происходит влияние официального английского и местных языков на преподавание русского языка как иностранного. Типичные ошибки были обнаружены в процессе тестирования студентов.

Ключевые слова: мотивация, Гана, Россия, типичные ошибки

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Дзядык Юрий, Чайбок-Тверефу Ильдиго. Преподавание русского языка в англоязычной среде Ганы // Русский язык за рубежом. № 1/2016. С. 124—128.
- [2] Дзядык Ю. Англійський піджин Нігерії та Гани: історія та сучасність // Вісник Львівського університету. Серія міжнародних відносин. 2012. Вип. 30.
Электронный ресурс: URL: <http://klub-drug.ru/deti/semeynye-tradicii-v-rossii-cennosti-russia.html> (дата обращения 05.12.2016).
- [3] Dako, K., Yitah, H., 2012, Pidgin, 'Broken' English and 'Othering' in Ghanaian Literature. *Legon Journal of Humanities*. Spec. Edit.
- [4] Bialystok, E., 2011, Reshaping the Mind: The Benefits of Bilingualism. *Canadian Journal of Experimental Psychology*, Vol. 65, No. 4, pp. 229—235.
- [5] Bialystok, E., Craik, F.I.M., 2010, Cognitive and Linguistic Processing in the Bilingual Mind. *The Current Directions in Psychological Science*, pp. 19—23.
- [6] Bialystok, E., Craik, F.I.M., Luk, G., 2012, Bilingualism: Consequences for Brain and Mind. *Trends in Cognitive Science*, Vol. 16, Issue 4, pp. 240—250.
- [7] Lam, E., Rosario-Ramos, E., 2009, Multilingual Literacies in Transnational Digitally-Mediated Contexts: An Exploratory Study Of Immigrant Teens in the U.S. *Language and Education*, 23(2), pp. 171—190.
- [8] Maddux, W.W., Adam, H., Galinsky, A.D., 2010, When in Rome, Learn Why The Romans Do What They Do: How Multicultural Learning Experiences Facilitate Creativity. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 36, pp. 731—741.
- [9] Paradowski, M.B. The Benefits of Multilingualism. URL: <http://www.multilingualliving.com/2010/05/01/the-benefits-of-multilingualism-full-article/>, Access: April 25, 2016.
- [10] Василенко Е., Ламм Э. Русский — самостоятельно. М.: Русский язык, 1986. С. 274—275.
Электронный ресурс: URL: http://ukc-sputnik.ru/obrazovanie_v_rossii (дата обращения 07.05.2016).

История статьи:

Поступила в редакцию: 03.11.2016

Принята к публикации: 06.01.2017

Модератор: В.П. Синячкин

Для цитирования:

Дзядык Ю. Русский язык в Гане и типичные ошибки студентов // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность.* 2017. Т. 14. № 1. С. 28—42.

Сведения об авторе:

Юрий Дзядык, преподаватель русского языка кафедры иностранных языков Университета Ганы. E-mail: ydzyadyk@ug.edu.gh

УДК 372.881.161.1

DOI 10.22363/2312-8011-2017-13-1-43-53

КУРС ИНТЕНСИВНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ АДАПТАЦИИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ СОДЕРЖАНИЯ ОБУЧЕНИЯ

Н.Л. Тихомирова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
ул. Академика Волгина, д. 6, Москва, Россия, 117485

В статье описан новый курс в методике преподавания РКИ — курс интенсивной коммуникативной адаптации, отвечающий потребностям людей, живущих и работающих в России. Даны его основные характеристики, приведена таблица дополнений к традиционным темам изучения русского языка в рамках начального уровня, а также описана система упражнений, способствующих формированию межкультурной компетенции. *Методы исследования:* анкетирование респондентов, метод моделирования процесса обучения РКИ с учетом пожеланий иностранных учащихся, анализ полученных данных. В анкетировании и апробации упражнений курса приняли участие иностранцы более чем из 15 стран мира, живущие в России и работающие в международных компаниях и дипломатических представительствах.

Ключевые слова: курс интенсивной коммуникативной адаптации, снижение, межкультурный, система упражнений, формирование, компетенция, практика преподавания РКИ

1. ВВЕДЕНИЕ

Соотношение языка и речи (единиц языка и способов их употребления) с коммуникативно значимыми фактами культуры на уроках РКИ является актуальным вопросом методики преподавания. В ответ на увеличение числа иностранцев, приезжающих работать в России и параллельно с работой изучать русский язык, возникла необходимость в новом типе курса, основанного на принципах интенсивной коммуникативной адаптации студентов к новой для них языковой среде.

Курс интенсивной коммуникативной адаптации (курс ИКА) — это форма обучения иностранным языкам, получившая распространение благодаря общественному запросу на новые интенсивные формы обучения языку и коммуникативной адаптации. Курс направлен на снижение межкультурного непонимания, социальную адаптацию слушателей, живущих в стране изучаемого языка, и обеспечивает их реальные коммуникативные потребности.

Методы и материалы: анкетирование респондентов, метод моделирования процесса обучения РКИ с учетом пожеланий иностранных учащихся, анализ полученных данных. Разработанные методические материалы (система упражнений) проходят апробацию в группах студентов из разных стран мира (Южной Кореи, Новой Зеландии, Японии, Италии, Китая, Вьетнама, Алжира и др.)

2. КУРС ИНТЕНСИВНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ АДАПТАЦИИ

Основные характеристики курса ИКА

1. Интенсивность занятий и их результативность. Интенсивность и содержательность курса позволяют за сравнительно небольшое количество уроков и не большое время обучения достичь уровня А1 (А2).

2. Ограниченный круг тем общения. Приоритетом для учащихся нулевого уровня становится умение говорить по-русски в различных ситуациях общения, прежде всего в ситуациях бытового общения, что определяют цели и круг тем на курсе ИКА.

3. Системная организация языкового и речевого материала.

4. Вариативный характер курса, гибкость обучения: в зависимости от потребностей и личных интересов учащихся (сферы работы, психологических и возрастных характеристик) цели курса могут меняться. Учет интересов учащихся повышает их мотивацию, помогает максимально удовлетворить их потребности в овладении языком.

5. Небольшая продолжительность урока и его насыщенность разными видами и формами работы.

6. Обучение реальным речевым моделям или моделям, максимально приближенным к реальным: изучаются сценарии обиходной коммуникации и некоторые ситуации профессионального общения.

Организационные характеристики курса ИКА

1. Самостоятельность курса. Занятия носят самостоятельный характер и не являются дополнительными по отношению к любым другим видам обучения.

2. Непродолжительные сроки обучения.

3. Минимальное время на самостоятельную подготовку, домашние задания слушателей в силу их занятости. Программа курса проводится (за редким исключением) в аудиторное время.

4. Использование английского языка (или другого языка) в качестве языка-посредника для большей эффективности учебного процесса.

5. Высокая мотивация и добровольный характер обучения. Сознательное и мотивированное овладение языковыми средствами.

6. Нулевой уровень русского языка у учащихся курса. Из отсутствия начальной подготовки слушателей возникает необходимость приобретения новых навыков и умений во всех видах речевой деятельности.

7. Использование разных видов речевой деятельности и разных форм работы.

8. Соответствие уровней обучения курса ИКА уровням ФГОС. Прежде всего речь идет об обучении иностранцев нулевого уровня до уровня А1 (А2).

9. Сочетание обучения слушателей курса с работой в стране изучаемого языка; их непосредственное соприкосновение с корпоративной культурой России, русскими коллегами и жизнью за пределами аудитории.

10. Обучение языку связано со знакомством с историей страны и ее культурой. Курс направлен на повышение качества межкультурного взаимопонимания, на социальную адаптацию слушателей, живущих в стране изучаемого языка. По-

следовательность изучения лингвокультурологических факторов определяется реальными сферами общения и трудностями, возникающими в них.

В результате многолетней работы на курсе ИКА с группами студентов из разных стран мира была сформирована таблица пожеланий/предпочтений/мнений, которые отражают интерес учащихся не только к единицам языка, но и к внеязыковым реалиям России.

Как справедливо отмечает Е.И. Пассов, применительно к иностранному языку функциональная грамотность означает «умение объясниться в дороге, понять, что тебе сказали в аэропорту, т.е. известный *survival language* (язык для выживания). С такой “компетентностью” диалога культур не получится» [1. С. 15]. Не ставя под сомнение важность умений объясниться в дороге, согласимся, что даже на базовом уровне владения языком, в самых простых ситуациях, *survival*-компетенции недостаточно. И это чувствуют не только преподаватели языка, но и учащиеся курсов.

Формирование межкультурной компетенции

Межкультурная компетенция — «способность человека существовать в поликультурном обществе, достигать успешного понимания представителей других культур и представителей своей культуры» [2. С. 134].

Ниже представлена таблица, отражающая формы межкультурной компетенции на основе тем, изучаемых на уровне А1, и предпочтений учащихся курса ИКА в выборе лингвокультурологического материала.

Тема	Умения, традиционно вырабатываемые в результате изучения темы	Предложенные дополнения слушателей к изучаемой теме
Наша семья	Умение рассказать о своей семье: кто чем занимается, кто что делает сейчас, кто что любит делать	До какого возраста русские живут с родителями, как часто общаются с родителями, кто считается главой семьи, работают ли замужние женщины, ухаживают ли за престарелыми родителями, считаются ли нормальными разведенные семьи, сколько детей обычно в русской семье, с кем живет ребенок в случае развода родителей
Транспорт, прогулка по городу	Уметь спросить, как дойти/доехать до нужного места в городе, как пройти/проехать к определенному пункту в городе; уметь ориентироваться в городе, спросить маршрут автобуса/метро, понять ответ, уметь объясниться с таксистом	Как обычно люди добираются на работу (пешком, на общественном транспорте, на велосипеде), какое время на дорогу до работы считается приемлемым; пояснить, что такое маршрутные такси, есть ли «нелегальное» такси. Какое количество машин в русских семьях, любят ли русские ходить пешком, а также объяснение понятия «недалеко пешком»: для жителей Москвы «недалеко от метро» означает 20—25 минут ходьбы пешком или несколько остановок на общественном транспорте, что совершенно немыслимо для жителей почти всех небольших стран мира. Можно ли курить и распивать спиртные напитки в общественных местах и почему все пьют на улицах, если это запрещено? Есть ли специально отведенные места в транспорте для пожилых людей, инвалидов, беременных женщин и принято ли уступать им место?

Хобби, спорт	Умение рассказать о своих хобби и спортивных предпочтениях	Информация о том, какие хобби есть у русских, какие виды спорта наиболее популярны в России, как русские проводят свое свободное время летом и зимой: шопинг, посещение музеев, ресторанов, клубов, кинотеатров, театров, русская баня, рыбалка, охота...
В ресторане, еда	Умение понять меню, сделать заказ в ресторане, оплатить счет, заказать столик на определенное время, пригласить друга в ресторан	Как часто русские ходят в кафе/рестораны или чаще готовят дома, кто оплачивает счет (имениник, пригласивший мужчину). Этикетные фразы во время официального ужина. Что русские обычно едят на завтрак/обед/ужин, принято ли приносить что-то из еды с собой в дом, куда тебя пригласили? Нужно ли доедать всю еду с тарелки или следует оставлять немного?
В магазине	Умение совершить покупку, спросить стоимость товара, попросить нужный размер	Можно ли примерять одежду в магазине, можно ли возвращать одежду, если она не подошла? Цвета, сочетания цветов, допустимые в одежде в России
Мой дом	Уметь рассказать о своем доме, комнатах в нем, о мебели, показать свой дом гостям	Где русские любят жить — в домах или квартирах, что такое «большая квартира/дом» для русского сознания, у всех ли есть дачи; почему принято разуваться при входе в дом, отметить традиции (суеверия), с которыми считаются русские при расположении мебели в доме
Праздники, день рождения	Уметь поздравить с праздником, с днем рождения	Как русские обычно отмечают день рождения и другие праздники, что желают и дарят на день рождения, Рождество, Новый год, почему у русских два Новых года и Рождество не 25 декабря; самые популярные праздники в России, традиционные блюда и занятия на праздниках
Отпуск	Уметь поговорить об отпуске, рассказать, где были и что делали, о планах на будущий отпуск, забронировать номер в отеле	Сколько времени длится отпуск в России, куда русские любят ездить отдыхать (дачи, море), какой отдых предпочитают, почему русские продолжают ездить на поездах, ведь это очень долго (сутки в поезде до Черного моря); любимые направления для путешествий
В больнице, у врача	Уметь рассказать, что болит, поговорить о здоровье, купить лекарства в аптеке	Как работает система здравоохранения в России: платные клиники, бесплатные клиники, страховая медицина. Сколько стоит вызов экстренной помощи/врача на дом?

В приведенной таблице мы описали набор стандартных умений, овладение которыми, как правило, описывается в традиционном содержании обучения краткосрочных курсов РКИ. В правой графе приведены предпочтения в выборе материала самих студентов, которые отвечают их потребностям и интересам и изучаются на курсе ИКА.

Нами была разработана и апробирована на курсе ИКА система упражнений для формирования межкультурной компетенции, которая во многом опирается на приведенные в таблице рекомендации учащихся курса. Данные упражнения повышают их мотивацию и эффективность курса в целом.

Система упражнений для формирования межкультурной компетенции

Упражнения для формирования межкультурной компетенции способствуют извлечению информации о различных культурных компонентах слова из текстов учебника, диалогов повседневного общения; расширяют межкультурный кругозор учащихся; способствуют верному осмыслению внеязыковой информации; учат понимать «чужое», «непохожее»; позволяют непосредственно сопоставлять разные культуры.

А. Упражнения для формирования межкультурных лексических навыков

Упражнения для формирования межкультурных лексических навыков необходимы для актуализации знаний о культуре, которые отражены в лексике. В первую очередь трудности в преподавании вызывает безэквивалентная лексика, т.е. лексические единицы, не имеющие соответствий в родном языке учащихся или в языке-посреднике (дача, квас и др). Однако в русском языке такой лексики немного, всего 6-7% [3. С. 51].

Кроме того, трудности в преподавании вызывает фоновая лексика — слова, отличающиеся в родном и изучаемом языках культурными фонами (внеязыковыми компонентами значения). Так, слово *хоккей* в русском языке устойчиво вызывает ассоциацию *хоккей на льду*, а в Австралии, Новой Зеландии и странах Азии играют в *хоккей на траве*. Разными «компонентами» значения обладает пространственно-временная лексика (слова *близко-далеко*, *долго-быстро* понимаются по-разному в разных культурах, часто зависят от величины территории и географического положения страны). Несмотря на распространенное в науке положение о том, что «семантика слова лексическим понятием не исчерпывается» [3. С. 25], в условиях традиционных курсов у преподавателей не всегда хватает времени обратить внимание на культурные различия вводимой лексики. Более того, преподаватель может не знать всех особенностей функционирования лексики в языке студента, внеязыковых компонентов значений. Однако студенты транспортируют эти компоненты из одной лингвосистемы в другую, перенося их на слова в изучаемом языке: так, корейцы при слове-стимуле *ресторан* представляют место, где посетители, разувшись при входе, сидят на полу за столами и сами жарят мясо. Совсем иные ассоциации вызывает слово *ресторан* в русском языковом сознании. Итак, некомментируемые внеязыковые компоненты значения (лакуны) могут снижать взаимопонимание, поэтому важно на этапе изучения лексики знакомить студентов с тем, какие ассоциации вызывает у представителей русской культуры то или иное слово. При работе с ассоциациями можно пользоваться словарями ассоциаций, например: <http://www.slovesa.ru/>

Упражнение 1. Ассоциации

На уроке, в процессе которого вводится новая лексика, преподаватель просит зафиксировать ассоциации, возникающие у студента на слово-стимул из родной или осваиваемой (русской) культуры.

Например, к слову *обед* учащиеся курса ИКА смогут подобрать ассоциации из наиболее распространенных блюд к обеду (первые жидкие блюда, салаты, алко-

гольные напитки, хлеб, вторые блюда), времени обеда (с 12:00 до 15:00 в русской культуре), продолжительности обеда, послеобеденного отдыха, состава людей, обедающих вместе, места обеда, этикетных фраз при заказе еды, тем обсуждения за столом и т.д.

В рамках этой более широкой темы «Еда» полезно делать таблицы ассоциаций и к другим изучаемым словам: *завтрак, ужин, ресторан, кафе* и т.д.

Одним из возможных способов проверки понимания значения слов на следующем уроке будет просьба преподавателя объяснить возникающие ассоциативные связи, составить предложения с вышеприведенной лексикой, задавать возникающие вопросы.

Упражнение 2. Собственное определение значения слова (автосемантизация)

Для выявления межкультурных различий в семантике вводимой лексики студентам предлагается заполнить таблицу с собственным пониманием значения слов и примерами функционирования лексических единиц в русском языке.

Новое слово	Примеры употребления	Объяснение
Новый	Новый друг Новая машина	«Непроверенный»: старый друг лучше новых двух Хорошая машина
Старый	Старый друг Старая машина	Хороший друг: старый друг лучше новых двух Плохая, ненадежная машина
Далеко	Идти далеко	> 30 минут пешком
Недалеко	Недалеко от метро	20—25 минут пешком, две остановки на транспорте

Упражнение 3. Поисковые вопросы. Семья

Цель: научить студентов задавать вопросы о новом понятии, самостоятельно находить культурно-маркированные слова, строить предположения о значении слова в изучаемом языке.

Студенты самостоятельно задают вопросы преподавателю и друг другу относительно фактов культуры в рамках избранной темы общения, сопоставляя эти факты с фактами родной культуры.

1. Как долго русские живут с родителями?
2. Сколько детей обычно в русских семьях?
3. В каком возрасте принято выходить замуж/жениться?
4. Традиционная русская свадьба — это?..
5. Кто глава семьи?
6. Думают ли русские, что развод — это нормально?
7. С кем живет ребенок, когда родители развелись?
8. Кто из родителей обычно воспитывает ребенка: мать/отец?
9. Где обычно живут пожилые родители? Как с ними общаются дети?
10. Помогают ли родители детям материально и дети родителям?

Б. Упражнения для формирования межкультурных грамматических навыков

Грамматика русского языка имеет большие возможности для выражения внеязыкового содержания высказывания: союзы, предлоги, порядок слов. Даже на начальном этапе обучения обучающиеся замечают, что русская грамматика богата пассивными конструкциями («У меня есть...», «Мне нравится», «Мне холодно

но» и т.д.), которые выражают события/явления, случившиеся с семантическими субъектами предложения помимо их воли. С.Г. Тер-Минасова объясняет это «коллективизмом русского менталитета, стремлением не представлять себя в качестве активного действующего индивидуума (это, кстати, и снимает ответственность за происходящее)» [4. С. 214].

Кроме того, преподавателю следует обращать внимание на следующие особенности русской грамматики: уменьшительно-ласкательные суффиксы (стол — столик, карандаш — карандашик), которые не только затрудняют узнавание слова в потоке речи, но и отчасти меняют значение слова, выбор между вокативами «Ты» и «Вы», распространенное использование восклицательной интонации, отсутствие грамматической категории артикля. Употребление форм повелительного наклонения своей категоричностью часто ставит студентов в тупик. «Обращаясь с просьбой, англичане избегают говорить прямо *Do that, please* (сделай/те это, пожалуйста), наиболее конвенциональным способом выражения просьбы в английском языке является вопрос с модальными глаголами *can/could, will/would: can/could/will/would you do that, please?* (Можете/Могли бы Вы сделать это, пожалуйста?)» [5. С. 176].

Приведем примеры упражнений, направленных на снятие трудностей в понимании описанных выше особенностей русской грамматики.

Упражнение 1. Императив. Советы иностранцам в России

Цели: сформировать представление о том, что императивы типа «Не курить!», «Закройте дверь!» (без добавления *пожалуйста*) в русском языковом сознании не воспринимаются так грубо, как их могут воспринимать иностранные студенты; отработать грамматические навыки и умения использования императива в речи.

В учебнике Чернышова С.И. «Поехали! Русский язык для взрослых» [6. С. 222] есть пример такого задания: в виде императивов описаны советы иностранцам в России («Не ешьте мороженое на улице зимой!», «Не пейте воду из крана!» и др.).

Далее, студенты получают задание самим дать советы: а) иностранцам в России; б) иностранцам в родной стране, используя данную грамматическую модель. Важно выработать понимание, что подобная форма выражения совета вполне приемлема, а в некоторых ситуациях общения наиболее уместна в русском языке. Ср., например, на таможне: «Откройте, пожалуйста, вашу сумку» или «Ваш паспорт, пожалуйста» — и в английском языке: «*Will you kindly open your handbag?*», «*Can I see your passport?*» («Вы любезно откроете сумку?», «Могу я увидеть ваш паспорт?») [5. С. 177].

Упражнение 2. Хочу, могу, должен, можно, нельзя

Используя модальные глаголы в речи, студенты должны понимать, что такие фразы, как «Ты должна рассказать мне эту историю» для русского языкового сознания не звучат так категорично, как, например, при переводе на английский язык: «*You must tell me that story...*»

Кроме того, просьба в кафе «*Can I have a cup of coffee, please?*» («Могу я иметь чашечку кофе?»; «Можно мне чашечку кофе?») в русском языке получает выражение прямого побуждения: «Мне, пожалуйста, чашечку кофе»; значительно реже используется модальный глагол — «Можно мне чашечку кофе?».

В рамках каждой изучаемой темы на занятиях студенты должны уметь уместно использовать модальные глаголы и задавать вопросы о значении той или иной грамматической конструкции изучаемого языка.

В. Упражнения для формирования межкультурных речевых умений

Совокупность межкультурных речевых умений подробно описана в методической литературе [7. С. 63—68]. Для нас самое главное умение здесь — это умение общаться на неродном языке. Приведем несколько упражнений, которые используются на курсе ИКА.

Упражнение 1. Ситуации. Прием гостей

Цель: разыграть привычные ситуации, выявить отличия между обыденными ситуациями в русской культуре/в своей культуре.

Студенты получают задание: «Вы готовитесь принимать гостей. Составьте список блюд, приготовленных для приема гостей в России/в родной стране».

«Разыграйте ситуации “Гости пришли в дом”: а) в вашей стране; б) в России».

Обсуждение. Какие блюда приготовлены? Какие блюда не приготовлены? Что удивляет Вас? Какие напитки на столе? Что приносят с собой гости? Что говорят хозяева при встрече гостей? Как долго происходит прием? О чем идет диалог в гостинной? Принято ли ждать опаздывающего гостя? Если гость дарит подарок, нужно ли открывать коробку сразу?

Упражнение 2. Рассказ-сопоставление. Мой город

Цель: составить рассказ-сопоставление культурных реалий.

Задание: Сопоставить образ жизни в родном городе и городе в России, описать общественный транспорт; способы, какими люди обычно добираются на работу; где обычно работают люди; рассказать о достопримечательностях города и о занятиях людей, живущих в нем.

Описанные выше упражнения формируют межкультурные лексические навыки, формируют лексические/грамматические умения, способствуют отработке речевых умений, дают представления о культурных различиях как о норме окружающей действительности.

При постоянной отработке упражнений можно добиться того, что обучающиеся начнут сами замечать, вычленять, осознавать межкультурные компоненты информации, без которых невозможно адекватное понимание происходящего. В предложенных упражнениях присутствует лингвокультурологический компонент содержания обучения курса ИКА, который повышает интерес студентов к русскому языку, их мотивацию, эффективность учебного процесса.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В исследовании описан новый курс в методике преподавания РКИ — курс интенсивной коммуникативной адаптации, отвечающий потребностям людей, живущих и работающих в России, и даны его основные характеристики. Иностранцам, изучающим русский язык на курсе ИКА, задавался вопрос о предпочтениях в выборе лингвокультурологического материала. С учетом пожеланий

слушателей курса ИКА была разработана система упражнений для формирования межкультурных лексических, грамматических навыков и межкультурных речевых умений. Данная система упражнений была опробована в процессе работы со студентами из более чем 15 стран, людей разного пола и возраста, экспатов, работающих в международных компаниях и дипломатических представительствах.

© Тихомирова Н.Л., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Пассов Е.И., Кузовлева Н.Е.* Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования: методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного. М.: Русский язык. Курсы, 2010. 568 с.
- [2] *Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. 448 с.
- [3] *Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. М.: Индрик, 2005. 1038 с.
- [4] *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2008. 264 с.
- [5] *Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 512 с.
- [6] *Чернышов С.И.* Поехали! Русский язык для взрослых. Начальный курс. 7-е изд. СПб.: Златоуст, 2009. 280 с.
- [7] *Бердичевский А.Л., Гиниатуллин И.А., Лысакова И.П., Пассов Е.И.* Методика межкультурного образования средствами русского языка как иностранного / под ред. А.Л. Бердичевского. М.: Русский язык. Курсы, 2011. 184 с.

История статьи:

Поступила в редакцию: 10.12.2016

Принята к публикации: 10.01.2017

Модератор: С. Дмитрюк

Для цитирования:

Тихомирова Н.Л. Курс интенсивной коммуникативной адаптации: лингвокультурологический компонент содержания обучения // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность.* 2017. Т. 14. № 1. С. 43—53.

Сведения об авторе:

Тихомирова Надежда Леонидовна, соискатель кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина.
E-mail: nadia_87@inbox.ru

INTENSIVE COURSE OF COMMUNICATIVE ADAPTATION: LINGUOCULTURAL COMPONENT OF LEARNING

N.L. Tikhomirova

The Pushkin State Russian Language Institute
Volgin Academician str., 6, Moscow, Russia, 117485

The article describes a new course in teaching Russian as a Foreign Language — a course of intensive communicative adaptation, which responds to needs people who study Russian language, living and working in Russia. The paper describes the main characteristics of the course, represents a case for students, that includes traditional themes of studying at the basic level of Russian. It is also describes the system of exercises training the intercultural competence. Foreigners from more than 15 countries, living in Russia and working in international companies and diplomatic missions took part in the survey and have tested the course exercises.

Key words: The course of intensive communicative adaptation, reduction of cross-cultural misunderstandings, exercise system, intercultural competence, teaching practice

REFERENCES

- [1] Passov E.I., Kuzovleva N.E. Osnovy kommunikativnoj teorii i tehnologii inozazychnogo obrazovaniya: metodicheskoe posobie dlja prepodavatelej russkogo jazyka kak inostrannogo [Basics of communication theory and technology of foreign language education: guidance manual for teachers of Russian as a foreign language]. Moscow, Russkij jazyk. Kursy Publ., 2010. 568 s.
- [2] Azimov E.G., Shchukin A.N. Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponjatij (teorija i praktika obuchenija jazykam) [New Dictionary of methodological terms and concepts (the theory and practice of language teaching)]. Moscow, IKAR Publ., 2009. 448 s.
- [3] Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Jazyk i kul'tura [Language and culture]. Moscow, Indrik Publ., 2005. 1038 s.
- [4] Ter-Minasova S.G. Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija [Language and Intercultural Communication]. Moscow, Slovo / Slovo Publ., 2008. 264 s.
- [5] Larina T.V. Kategorija vezhливosti i stil' kommunikacii: Sopostavlenie anglijskikh i russkikh lingvokul'turnyh tradicij [Category courtesy and style of communication: A comparison of British and Russian linguocultural traditions]. Moscow, Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi Publ., 2009. 512 s.
- [6] Chernyshov S.I. Poehali! Russkij jazyk dlja vzroslyh. Nachal'nyj kurs. 7-e izd. [let's go! Russian language for adults. Initial course. 7th ed]. Saint-Petersburg, ZlatoustPubl., 2009. 280 s.
- [7] Berdichevskij A.L., Giniatullin I.A., Lysakova I.P., Passov E.I. Metodika mezhkul'turnogo obrazovaniya sredstvami russkogo jazyka kak inostrannogo. [Methods of intercultural education by means of Russian as a foreign language]. Pod red. A.L. Berdichevskogo. Moscow, Russkij jazyk. Kursy Publ., 2011. 184 s.

Article history:

Received: 04.12.2016

Accepted: 10.01.2017

Moderator: Sergey Dmitryuk

For citation:

Tikhomirova N. Intensive course of communicative adaptation: linguocultural component of learning. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 14 (1), 43—53.

Bio:

Nadezda Tikhomirova is the Graduate student of Department of Russian language and intercultural communication of The Pushkin State Russian Language Institute. E-mail: nadia_87@inbox.ru

УДК 81'27

DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-1-54-77

ЛОЯЛЬНОСТЬ К ЧУВАШСКОМУ ЯЗЫКУ В ДИАСПОРНОЙ ГРУППЕ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА

М.В. Куцаева

Московский государственный лингвистический университет
Остоженка 38, стр. 1, г. Москва, Россия, 119034

Рассматривается категория «лояльность» на примере чувашского языка, который в настоящее время наряду с русским является титульным языком Чувашской Республики. В силу исторических факторов значительная часть этноса проживает в диаспорных группах вне метрополии. *Методы исследования:* интервьюирование респондентов, документальная фиксация ответов, статистический анализ, экстралингвистическая дескрипция. В социолингвистическом исследовании приняли участие сто респондентов, этнических чувашей, проживающих в Москве и Московской области. Были изучены и оценены такие аспекты языковой лояльности, как признание языка своего этноса родным; роль этнической принадлежности при выборе супруга/супруги; языковая трансмиссия; престиж и статус чувашского и других языков по оценке членов чувашской диаспоры. Диагностированы две тенденции в отношении чувашского языка: желание укрепить его в символической функции и расширить его коммуникативный диапазон.

Ключевые слова: языковая лояльность, чувашский язык, диаспора, родной язык, этнический язык, этническая идентичность, символическая функция языка

1. ВВЕДЕНИЕ

Языковая лояльность — это положительное отношение к языку, гордость и доверие, которую члены языкового коллектива испытывают к нему, престиж и статус языка. Языки приходят в упадок при отсутствии положительных установок [1. Р. 81]. Языковая лояльность, представляющая собой «совокупность внутренних оценок членов языкового коллектива коммуникативной пригодности и престижности языка своего этноса», определяет «степень приверженности к данному языку» [2. С. 261], а также является способностью «носителей языка противостоять давлению со стороны более мощных языков и сохранять использование своего языка» [3. С. 294].

Исследователи данной проблематики выделяют признаки, по которым можно судить о языковой лояльности народа, как-то: признание родным своего этнического языка, выбор языка в качестве средства общения и обучения, стремление к расширению социальных функций родного языка, изучение и сохранение культурного наследия на своем языке, передача языка подрастающим поколениям и др. При этом особо оговаривается, что языковая лояльность не одинакова для разных групп, определяется степенью урбанизированности (сельская/городская среда),

возрастным параметром (старше поколение/молодое поколение) и гендерным (мужские/женские показатели языковой лояльности), также меняется в определенный исторический период под воздействием экстралингвистических факторов (изменения демографической ситуации и национально-языковая политика [4. С. 185—188]).

С точки зрения некоторых лингвистов, уровень и тип лояльности к языку является «важнейшим критерием витальности языка» [4. С. 479]. Один из подходов к типологии языковой лояльности, разработанный каталанскими исследователями на основе двух параметров (речевые компетенции и сферы использования языка), учитывает четыре типа языковой лояльности: инструментальная первичная, инструментальная вторичная, инструментальная письменная и эвалюативная (оценочная) лояльность. Данные типы лояльности комбинируются друг с другом в пять типов отношения к языку:

- лояльные (высокий уровень лояльности по компетентности и эвалюативной лояльности);

- пользователи (высокая инструментальная лояльность, негативная лояльность по шкале письменной компетенции при позитивной эвалюативной лояльности);

- компетентные (достаточный уровень владения языком, но с отрицательными типами инструментальной и эвалюативной лояльностей);

- отношения идеализации (негативная лояльность во всем, кроме оценки эвалюативной лояльности);

- группа ассимилированных (никаких типов лояльности, которые бы оценивались положительно, плюс оценочная лояльность показывает, что они против языкового планирования в векторе нормализации) [4. С. 482—483].

Опираясь на предложенный подход, в настоящей статье мы ставим своей задачей описать языковую лояльность чувашей, проживающих в Москве и Московской области, в отрыве от основного «ядра» этноса, к чувашскому языку.

Методы и материалы. Референтная группа исследования включает более ста человек, которые идентифицируют себя как этнические чуваша. На основе ответов, полученных в ходе интервью, составлены таблицы по возрастным когортам для представителей первого и второго поколения. Ответы респондентов зафиксированы в точном соответствии с устной речью адресатов. Порядок слов, интонация и другие особенности речи представителей референтной группы сохранены.

Исторический комментарий. Чуваша — пятый по численности народ, проживающий на территории Российской Федерации. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в стране насчитывается 1 млн 436 тыс. чувашей.

В способе расселения чувашского народа этнографами традиционно выделяются некоторые важные особенности. С одной стороны, «чуваша являются одним из наиболее весомо представленных в своей республике титульных этносов» [5. С. 67]: это 43,3% всех чувашей, составляющих большую часть населения (67,7%) [6. С. 30]. С другой стороны, чуваша — один из наиболее дисперсно расселенных народов: вне Чувашской Республики проживает более половины этноса (50,8%). Крупные массивы чувашского населения, проживающего наиболее компактно, сосредоточены в Татарстане, Башкортостане, Самарской и Ульяновской областях.

Значительные группы чувашей расселены, хотя и менее компактно, в Красноярском крае, в Оренбургской, Саратовской, Тюменской, Свердловской, Пермской, Московской и Нижегородской областях [6. С. 3]. В Москве и области, согласно данным переписи 2010 г., зафиксировано порядка 14 тыс. человек, не образующих локально-территориальных ареалов. Таким образом, половина чувашей рассредоточена небольшими группами, а чаще всего диффузно на территориях целого ряда регионов России [5. С. 25].

Впервые о чувашской диаспоре наряду с другими заговорили в конце 1980-х гг., когда в связи с распадом СССР само понятие «диаспора» было пересмотрено. Была выделена новая типология диаспор, дифференцирующая их на внешние и внутренние (такие, как чувашская). Сегодня под «диаспорой» понимается «устойчивая совокупность людей единого этнического происхождения, живущая в иноэтническом окружении за пределами своей исторической родины (или вне ареала расселения своего народа) и имеющая социальные институты для развития и функционирования данной общности» [7. С. 33]. По убеждению В. Иванова, понятия «диаспора» и «метрополия» по отношению к чувашскому населению России имеют право на применение, так как этнической территорией (исторической родиной) для всех чувашей страны является Чувашская Республика. Чувашей, проживающих за пределами условных границ современной Чувашской Республики в других регионах России, следует рассматривать как «диаспорные группы этноса». Они образуют (скорее, конечно, условно, чем реально) самостоятельные этнотерриториальные группы, которые правильнее было бы маркировать по административно-региональным признакам («пензенские», «саратовские», «красноярские», «московские» и др.). При всем отличии по ряду культурно-языковых характеристик диаспорные группы сохраняют единство со всем народом в языке, этносознании, психологии и традиционной культуре [5. С. 309].

2. АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ

2.1 Этническая идентификация при выборе супруга

подавляющее большинство опрошенных нами — выходцы из Чувашии или из регионов компактного проживания чувашского населения. Представители как первого, так и второго поколения родились в основном в семьях, где оба родителя по национальности чуваша. Все опрошенные назвали себя этническими чувашами.

63 человека, представители первого поколения, состоят в браке, при этом у респондентов 30–40 лет и 50–60 лет заметно чаще супруг/супруга является чувашем/чувашкой (табл. 1). Как правило, они приехали в Московский регион, уже оформив брак в Чувашии; «привезли» будущего супруга с «малой родины» или «по счастливой случайности» познакомились с будущим супругом позже, в Москве. В настоящее время такие знакомства происходят чаще благодаря, например, интернет-сайту «Московские чуваша», где размещаются объявления о знакомствах; на чувашских вечеринках, которые регулярно проводятся группой активистов на различных танцевальных площадках столицы. По словам одной из активисток, за последние годы на подобных мероприятиях сложилось много чу-

вашских пар, позже сочетавшихся браком. Немало опрошенных нами в процессе исследования отметили, что с супругом одной национальности их сближает «сходство характеров», «привычный и знакомый уклад жизни», «душевная теплота», но прежде всего тот факт, что они — «земляки». Один из опрошенных, супруга которого русская по национальности, отметил, что для него чрезвычайно важно, что она родилась в Чувашии и они «оба из одного региона, в котором и теперь проживают их родители».

Чуваши, состоящие в браке с русскими и участвовавшие в нашем опросе (в старшей возрастной когорте), приехали в регион либо как молодые специалисты, либо как военнослужащие. Соответственно, с будущим супругом они познакомилась в Москве.

Чуваши младшей когорты (20—30 лет), как правило, получили высшее образование в Москве и по окончании учебы остались работать в столице, что в некоторой степени определило национальный состав их будущей семьи.

Таблица 1 / Table 1

**Всего опрошено: 81 чел. — первое поколение, их них 63 — состоят в браке /
81 persons had been interviewed, 63 of them are married.**

Национальность / Nationality	Возраст / Age 20—30	Возраст / Age 31—40	Возраст / Age 41—50	Возраст / Age 51—60	Возраст / Age 61—85
Чуваш / Chuvash	1	12	3	12	7
Русский/русская / Russian	4	1	7	5	5
Другое / Other	1	3	1	1	

Во втором поколении чуваша не придают принципиального значения национальности супруга.

2.2 Этническая идентификация детей и отношение к браку внутри одного этноса

В анкетировании нами были учтены также ответы на вопрос о национальности детей (табл. 2). В первом поколении 55 человек имеют детей. В чувашских браках национальная идентификация детей не вызывает сомнения: «Это одна кровь», «Как же может быть иначе, если родители — чуваша». В смешанных чувашско-русских браках в возрастном диапазоне от 40 до 50 лет дети чаще «вырастают» русскими или «россиянами», «гражданами РФ». Наиболее интересными, впрочем, представляются возрастные группы 30—40 лет и 61—85 лет. Первые проявляют высокое этническое самосознание, обозначая, что их дети, родившиеся в Москве, «все равно чуваша». Вторые называют своих детей в большей мере «русскими» по национальности, даже если оба родителя — чуваша.

Таблица 2 / Table 2

Кто по национальности ваши дети? / What is your children's nationality?

Национальность/ Nationality	Возраст / Age 20—30	Возраст / Age 31—40	Возраст / Age 41—50	Возраст / Age 51—60	Возраст / Age 61—85
Чуваши / Chuvashes	2	7	3	12	5
Русские / Russians		1	5	6	8

Окончание табл. 2 / Table 2

Национальность/ Nationality	Возраст / Age 20—30	Возраст / Age 31—40	Возраст / Age 41—50	Возраст / Age 51—60	Возраст / Age 61—85
Россияне / Russian People		4	1		
Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer				1	

Результаты, отраженные в табл. 3, свидетельствуют о том, что в подавляющем большинстве случаев опрошенные считают непринципиальным вопрос о том, с кем предпочтителен брак для их детей.

Среди тех, кто отдал бы предпочтение чувашам, были только женщины.

«Да, хотела, когда они подросли. Мне так хотелось! Чтобы вот они... хотела просто — для себя мне хотелось... Чтобы вот зять у меня был чувашин, чтобы вот общение на одном языке.... Но Господь не дал!» (Анна М., 65 лет)

Сын Зои А., выросший в Московской области, напротив, познакомился в Москве с девушкой, которая была родом из Чувашии:

«Конечно, как узнала, что она из Вурнары, обрадовалась! По-чувашски разговариваем и это... Ну вот... Не женился. Но она вот... проще, как будто свое было все равно!» (Зоя А., 58 лет).

Неожиданными кажутся ответы молодых родителей из когорты 30—40 лет, среди которых наибольшее число женщин заявило о желании иметь в будущем чувашскую сноху.

«Я за чувашку — только “за”! Знаете, почему? Сколько сейчас я вижу знакомых парней, которые женились на русских, они все равно приходят на вечеринки и говорят, что чего-то прямо не хватает... Понимания. Может, даже поругаться на чувашском». (Эльвира Е., 37 лет)

«С чувашкой, наверное. Я не буду настаивать. Это его право, я не настаиваю, но я думаю, что с чувашкой будет проще, потому что так... проще. Ну, во-первых, родители чуваша, все равно какие-то принципы. Но я люблю как бы общаться с людьми, которые не чуваша, и люблю рассказывать о нашей национальной какой-то культуре. Мне это нравится. Русскую могу сделать чувашкой, но по чуть-чуть.. наполовину хотя бы сделаю. Принципы я передам. Основы». (Татьяна И., 35 лет)

Таблица 3 / Table 3

**С кем предпочтителен брак для Ваших детей?
Первое поколение, 55 человек из 81 имеют детей /
Who is preferable for marriage for your children?
The first generation, 55 people of 81 have children**

Национальность/ Nationality	Возраст / Age 20—30	Возраст / Age 31—40	Возраст / Age 41—50	Возраст / Age 51—60	Возраст / Age 61—85
Чуваш / Chuvash		4	1	3	2
Русский / Russian			1		
Чуваш или русский / Chuvash or Russian		2	1		
Все равно / It doesn't matter	2	6	6	16	11

Во втором поколении семь из девяти родителей указали, что данный вопрос им кажется также непринципиальным. Двое, наоборот, выразили желание, чтобы это был человек из Чувашии.

«Ну... если бы они потом женились на чувашке... я была бы не против! Ну как-то ближе, роднее. Ну вот... душой как-то». (Татьяна А., 35 лет)

Во втором поколении был единственный в нашей выборке мужчина, который хотел бы,

«чтобы они... связали свою жизнь с чувашами. Как-то мне вот нравится быть чувашем, я бы тоже хотел, чтобы они тоже...» — «А они как?» — «Им, кажется, совершенно параллельно!» (Александр, 49 лет)

Таблица 4 / Table 4

С кем предпочтителен брак для Ваших детей? Вторая волна, 9 из 14 человек имеют детей / Who is preferable for marriage for your children? The second generation, 9 people of 14 have children

Национальность / Nationality	Возраст / Age 15—30	Возраст / Age 31—40	Возраст / Age 41—50	Возраст / Age 51—60	Возраст / Age 61—85
Чуваши / Chuvash		1	1		
Русские / Russians				1	
Чуваш или русский / Chuvash or Russian					
Все равно/ It doesn't matter	1	2	2		1

Эти данные свидетельствуют об этнической идентичности представителей нашей выборки; некоторые ответы проливают свет и на языковую лояльность части чувашской диаспоры, поскольку считается, что «владение национальным языком оказывается, не единственным, но решающим фактором этнической идентификации» [2. С. 72—73].

2.3. Языковая лояльность

Перейдем непосредственно к вопросу языковой лояльности, проявляющейся, в частности, «в признании родным своего этнического языка» [2. С. 262].

Родным принято называть «язык, усвоенный в детстве, навыки использования которого в основном сохраняются и во взрослом возрасте» [8. С. 17], это «язык колыбели» [2. С. 187]. Бывают случаи, когда человек усваивает и другие языки, которые становятся для него функционально первыми, основными [2. С. 187; 8. С. 17]. Таким образом, данное определение «родного языка» выступает синонимом «первого функционального языка». «В строгом смысле слова, родным языком вправе называться тот язык, которым человек преимущественно пользуется в семье и в воспитании детей, на производстве и в учебе, язык, на котором он свободно мыслит, творит и развивается» [9. С. 136]. Наконец, «родной язык» может совпадать с «этническим языком», выступать одним из основных показателей национальной принадлежности независимо от степени владения данным языком.

Обширный диапазон дефиниции объясняется по крайней мере двумя факторами. Во-первых, несмотря на использование термина «родной язык» в юриди-

ческих актах (ст. 26 и п. 3 ст. 68 Конституции РФ), само понятие не определено законодательно в Конституции Российской Федерации [10. Р. 152].

Во-вторых, категория «родной язык» хотя и нашла широкое отражение в переписях населения в советский период и в современной России, была, однако, неоднозначной. Если в переписи 1926 г. родным признавался тот язык, «которым опрашиваемый лучше всего владеет или на котором обыкновенно говорит», то в ходе проведения последующих переписей «фиксируется название языка, который сам опрашиваемый считает своим родным языком». Предполагалось, что опрашиваемый сам вправе решать, какой язык для него родной. Основания у респондентов назвать тот или иной язык родным были различны. Нечеткая и допускающая толкования категория «родной язык» приобрела вполне определенный смысл, констатирует В. Тишков. Во-первых, у человека обязательно должен быть родной язык, и притом только один; во-вторых, абсолютной нормой является совпадение языка и национальности; в-третьих, невладение родным языком или расхождение между родным языком и национальностью свидетельствуют о процессе ассимиляции и являются отклонением от нормы. В конечном счете, продолжает В. Тишков, советский человек, обученный пропагандой и подсказками переписчиков, упорно и убежденно называл родным язык своей крови, а итоговые данные однозначно трактовались не только политиками, но и учеными-лингвистами как реальная картина языковых процессов [11].

По сути, ответ на вопрос о родном языке несет в себе данные «об одной из субъективных сфер этнической жизни» и говорит не только «о реальном языковом поведении, но и об эмоциональном отношении к национальному языку, о ценностной ориентации по этому поводу, о признании или непризнании языка своим, близким, одним словом, родным» [11. С. 95]. И «никакие инструкции не помогут составить абсолютно объективную картину, так как сами понятия *национальность, родной язык, свободное владение языком* и т.п. субъективны. Задача статистики в таких случаях — создание объективной картины субъективных мнений» [12. С. 13]. Обратимся к табл. 5, в которой представлены результаты ответов на вопрос о родном языке среди участников нашего исследования.

Таблица 5 / Table 5

**Ваш родной язык? Первое поколение, 81 человек /
What is your native language? The first generation, 81 persons**

Родной язык / Native language	Возраст / Age 20—30	Возраст / Age 31—40	Возраст / Age 41—50	Возраст / Age 51—60	Возраст / Age 61—85
Чувашский / Chuvash	7	15	6	14	5
Русский / Russian	6	3	2	3	6
Чувашский и русский / Chuvash and Russian	3	4	1	4	2

Более половины опрошенных признали чувашский родным языком, на втором месте оказался русский язык, наконец, для ряда людей оба языка — и чувашский, и русский обозначены как родные. В каждой возрастной когорте, за исключением самой старшей, чувашский, безусловно, лидирует.

Однозначно чувашский язык признало очевидное большинство в когортах 30—40, 40—50, 50—60 лет, большинство их них — выходцы из деревень. В более

старших когортах это люди со средним специальным образованием, в самой младшей — люди с высшим образованием, в некотором роде «продукт» политики последних десятилетий в отношении поднятия престижа чувашского языка и возрождения чувашской культуры. Причины назвать чувашский родным варьируются. С одной стороны, это язык детства:

«У меня изначально был чувашский язык, значит, он родной» (Алексей Х., 30 лет); язык малой родины:

«Родной язык, если я в Чувашии родился, какой может быть язык? Ну... то есть чувашский». (Владимир М., 62 г.)

С другой стороны, в ответах опрошенных встречались и такие, весьма условные и даже неопределенные:

«Чувашский — считается родным, в школе, когда мы учились, нам так говорили, но сейчас, конечно, используется минимально» (Елена Т., 34 г.); «Ну считается чувашский ... как бы» (Аркадий П., 51 год); «Родной язык — чувашский, получается» (Леонид П., 62 г.); «Но я себя ощущаю и ощущала русской!» (Кристина, 23 года)

Несколько респондентов, в основном женщины, заявили следующее:

«Я все равно считаю, что чувашский, хотя я его не знаю» (Любовь Я., 58 лет). «Ну, родной язык, считается, чувашский. — А Вы как считаете? — Я, наверное... Ну вот сейчас с людьми общаемся когда, я говорю, что чувашский — это наш родной язык, но все равно сейчас, наверное, это началось после того, как в город переехали, в Чебоксары, на учебу, начинаешь уже больше говорить на русском, думать на русском... Некоторые слова уже забываются. Но в переписи я бы поставила, что только чувашский» (Анна М., 38 лет).

Другая группа людей признала оба языка родными. В основном это люди 20—30 лет, выходцы из деревень, получившие образование в городе и уже, вероятно, информированные о ценностях двуязычия — такая работа, как мы знаем, активно ведется в Чувашской Республике в последнее время [13].

«Наверное, все-таки... ну тоже два родных языка, у меня нет как-то таких различий, я и на этом, и на том могу одинаково хорошо говорить, и примерно 50 на 50. И со своими, ну те, кто там живут, на своем... лексиконе, жаргоне, ну да, языке». (Сергей Т., 21 год)

Ответы людей старшего возраста, занесенные в категорию «чувашский и русский как родные языки», впрочем, приходилось дополнительно «расшифровывать», поскольку в нашей стране в силу указанных выше обстоятельств родным принято считать только один язык, и многие информанты, называя чувашский родным, поспешно делали оговорку: русский в их жизни также играет немаловажную роль. Так, известно, что служба в Советской армии в немалой степени способствовала распространению русского языка в СССР. В ходе исследования мы получили этому подтверждение:

«Ну вот в анкете же пишешь, когда на профпригодность проверяют, там же требование к офицеру — ты должен знать русский язык; «А какие другие языки народов СССР знаете?» — спрашивают. Я, конечно, пишу: чувашский». (Вячеслав И., 56 лет)

Референтная группа в возрасте 30—40 лет, включающая людей с высшим профессиональным образованием, имеет тенденцию разделять два языка:

«Теоретически чувашский, а в принципе — русский. Сейчас я только на русском, я хорошо понимаю чувашский, но в связи с тем, что практики мало — именно говорить чтобы. А в переписи я бы указала все равно чувашский — национальный дух какой-то все-таки есть! (Наталья Я., 32 г.); «Первый — чувашский, это в детском возрасте, язык мамы, но в переписи я бы указала все же русский язык, потому что общение и возможность выражать свои мысли и эмоции — этих возможностей сейчас больше на русском» (Татьяна Ю., 36 лет). «У меня родной язык чувашский, я считаю так, но получается, что русский тоже — он как бы не совсем чужой. Но все равно — чувашский родной, потому что мы с родителями разговариваем по-чувашски, значит, он родной и есть» (Татьяна Т., 36 лет).

Симптоматично, что в нашей выборке женщины более старшего возраста, которые фактически используют русский язык, указывают следующее:

«Мой родной язык всегда останется мой чувашский! Хотя я со всеми разговариваю по-русски, работаю со всеми, но — чувашский!» (Надежда, Л., 53 года). «Родной? Ну конечно, теперь — русский! А вообще чувашский родной! Ну конечно, свой — чувашский! А сейчас-то я уже совсем по-чувашски не разговариваю, дома-то у меня никто не разговаривает». (Роза О., 45 лет)

Действительно, категория «родной язык» при всей размытости и многоаспектности понятия (материнский, функционально первый, этнический язык), тем не менее, для большинства тюркоязычных этносов (включая чувашей) связана с понятием *своей народности* независимо от степени владения этим языком и является одним из основных показателей национальной принадлежности [15. С. 60]. Одной из причин признания этнического языка родным вопреки реалиям жизни и использованию другого (чаще русского языка в качестве функционально первого) представляется желание символической идентификации себя со своим этносом, причем «вне окружения своих соплеменников это происходит чаще» [8].

На деле, однако, различные факторы, как-то: социальная принадлежность, образование, способ расселения (преимущественно город и ПГТ), а также религиозная принадлежность (распространение православия среди чувашей, например, способствующее интеграции культур обоих народов), дисперсный способ расселения за пределами основной территории проживания ядра этноса — оказывают существенное влияние на «увеличение доли представителей тюркских и прочих народов, у которых национальная принадлежность не совпадает с языками, признаваемыми им в качестве родных [15. С. 60].

В рамках нашей выборки стало очевидным, что наибольшее в пропорциональном плане число респондентов, указавших русский в качестве родного, приходится на самую старшую возрастную когорту, в основном, видимо, в силу продолжительного проживания вне малой родины:

«Теперь, ну конечно, русский, чувашского нет, годам к тридцати кончился» (Раиса К., 83 г.); «Ну я не знаю... чу... конечно, русский! Я сейчас столько лет разговариваю! Дети — по-русски, жена... (Василий Л., 76 л.); «Ну я теперь считаю... русский, наверное. Потому что... основной.. мы разговаривали только на русском языке» (Юлия А., 84 года).

Другие свой ответ мотивировали принципами советской образовательной системы, допускавшей преподавание языков народов СССР лишь в национальных школах в деревнях.

«Ну у меня родной язык — я пишу, русский. Почему? Потому что.. можно было и чувашский написать, но в школе... так получилось, что Вурнары — есть такое место, район, где у нас школа... не чувашская, вернее, чувашская, но чувашский язык не изучался. А чтобы сказать, что я чуваш, надо знать язык досконально, хорошо» (Анатолий Г., 73 года); «Русский. Не учил просто чувашский, поэтому!» (Евгений С., 36 лет).

Наиболее эмотивным кажется признание Александра М., 44 г.:

«Родной язык... русский. Когда родился, разговаривали в деревне по-чувашски. Потом, соответственно, два года в детском садике был. Перешли родители на русский, чтобы не было мне дискомфорта там. В новой среде, да. Детский сад и школа — это все было в городе. В Чебоксарах. В Советском Союзе... даже стеснялись не то, что говорить... вообще говорить, что чувашаи даже. Был такой период в самой Чувашии в Чебоксарах. Но вот раньше...по сути, такая политика была. Я с негативом, с очень большим негативом отношусь к этой политике, которая проводилась вообще у нас в Советском Союзе. По отношению к языкам. Потому что, конечно, сейчас смотришь на 80-е годы, ну вот... я вот говорил... Ну вот стыдно было говорить, что я чуваш! Там вот дразнили. В городе. В детском садике вот дразнили... может быть, я детское впечатление... от детского садика и ранней школы. Ну вот, может быть, детское, но мне так запало... Вот. Ну ко мне подошли: «Покажи язык!» Ну сказали мне. Ну я вот показал. — «Ну вот ты чуваш!» — «А с чего вы взяли?» — «А вот», — говорят, — «кто показывает русский — у него такой тонкий язык. Тонкий получается. А у тебя такой круглый...» Ну было что-то такое, у нас ходили все в первом классе... «Покажи язык!» Я, говорю, даже старался подогнуть, чтобы думали, что я русский... Ну там еще много других было моментов, когда дразнили. Я даже не говорил, когда в школу пришел, что я из деревни. Потому что... как-то сразу начинали дразнить. И вот еще такое впечатление. Я в северо-западном районе жил, и у нас буквально через дорогу была небольшая деревенька. Самое интересное — там даже остались некоторые люди, говорили на чувашском... говорили частично, особенно старое поколение. И вот у нас учились оттуда, их дразнили: «Вот там... чувашаи-чувашаи!» (Александр М., 44 года)

Безусловно, в настоящее время зафиксировано более положительное отношение среди горожан к чувашскому языку по сравнению с предыдущим поколением ввиду того, что чувашский язык получил статус государственного и имеет большое число говорящих [14. С. 86]. Один из опрашиваемых, уроженец Новочебоксарска, указавший русский язык в качестве родного, сказал:

«Я думаю, чувашский язык все время мне будет встречаться. Изучить его, посмотреть что-то в словаре — это же не сложно. Если вдруг где-то слово незнакомое услышу, я его запомню. Со школы что-то осталось в голове все-таки, каркас какой-то. Чувашский использовать для меня — это если приятному родственнику сказать, например». (Алексей, 29 лет)

Другой респондент, родившийся в Чебоксарах и назвавший родным русский, тем не менее в беседе с нами признался, что даже сейчас чувствует «особую радость

от того, что с детства, выезжая на лето в деревню, говорил на двух языках» (Дмитрий Т., 24 года):

«Я думаю, все это сильно развило мой мозг. Этому я благодарен. Одно дело, когда во взрослом состоянии пытаешься учить язык, а другое дело — когда с детства умеешь говорить на двух языках. Мне кажется, это очень хорошо для развития человека».

В обыденном сознании носителей до сих пор твердо убеждение в том, что чувашский язык — это язык деревенский. Это подкрепляется тем фактом, что обучение на чувашском языке проводится исключительно в деревенских школах республики. Лингвисты выявили следующее: «чувашеговорящие чаще всего занимаются трудом малоквалифицированным, с низкими доходами», по крайней мере так считают опрошиваемые [13. С. 74]. Естественно, чем более сильной является идентификация между чувашским языком и деревней, тем более склонными к русификации будут горожане [14. С. 16]. Этим, по-видимому, можно объяснить и ответы в когорте 20–30 лет: из них почти столько же человек назвали родным русский, сколько и чувашский, с той лишь разницей, что в данном случае это представители городской среды, родившиеся или выросшие в Чебоксарах, крупных и малых городах Чувашии, а также ПГТ. Сами опрошенные свой ответ ничем не мотивировали. Лишь один из них, уроженец Чебоксар, заявил:

«Чувашский язык даже на слух мне крайне неприятен» (Никита Ф., 31 год).

Во втором поколении результаты следующие (табл. 6).

Таблица 6 / Table 6

**Родной язык — второе поколение, всего: 14 человек /
Native Language: the second generation, total: 14 people**

Родной язык / Native language	Возраст / Age 15–30	Возраст / Age 31–40	Возраст / Age 41–50	Возраст / Age 51–60	Возраст / Age 61–85
Чувашский / Chuvash	1		1		
Русский / Russian	5	3	1	1	1
Чувашский и русский / Chuvash and Russian			1		

Подавляющее большинство представителей чувашской национальности в нашей выборке во втором поколении родным признает русский язык, поскольку

«мой родной язык — тот, на котором я разговариваю, а значит — русский» (Алексей А., 32 года). «Я не знаю чувашский, поэтому я могу только сказать то, что русский — мой родной язык. Я говорю на русском» (Татьяна С., 27 лет).

Лишь две женщины признали чувашский родным: одна из них овладела чувашским в детстве, на лето уезжала в деревню, а в Москве, по ее словам, по собственной инициативе посещала кружок чувашской культуры и языка; другая была вынуждена освоить чувашский язык, уже будучи взрослой, когда вышла замуж за чуваша первого поколения:

«Потом мне очень хотелось со свекровью говорить. Научилась. Свекровь меня не признавала, что я не совсем чувашка, раз чувашского не знаю. Ее это волновало... Она меня в штыки приняла! Она из принципа на русском никогда не разговаривала! Во-

обще. Ни с кем. Но я каждое лето с детьми к свекрови ездила. Мы становились дружнее, дружнее. Даже за два дня до ее смерти мы с ней очень хорошо, тепло поговорили по телефону на чувашском. Она была очень радостная от этого». (Людмила О., 47 лет)

Немаловажным представляется и то, как люди, признавшие чувашский родным языком, оценивают свои шансы сохранить язык вдали от малой родины. Рассмотрим полученные данные в табл. 7. Нами учтены ответы 47 человек с родным чувашским и 14 человек с чувашским как одним из двух родных языков; итого — 61 человек.

Таблица 7 / Table 7

Есть ли у Вас страх потерять родной язык? / Are you afraid of losing your Native Language?

Страх потерять родной язык / The fear of language loss	Возраст / Age 20—30	Возраст / Age 31—40	Возраст / Age 41—50	Возраст / Age 51—60	Возраст / Age 61—85
Да, есть / Yes, I feel it	3	1	1	2	
Нет / No, I don't worry about it	7	18	6	14	5
Все равно / It doesn't matter				2	2

Как показывают результаты табл. 7, у большинства чувашей, проживающих в Московском регионе, отсутствует страх потерять родной чувашский язык:

«Это язык матери», «Этот язык у нас с детства», а значит — «Его невозможно забыть», — неоднократно подчеркивают они.

Опрошенные уверены в своем знании языка:

«Я не забуду, в себе я уверенный» (Петр А., 59 лет).

Попутно отметим, впрочем, что реальный уровень владения языком нами не учитывался, в таблицу внесены субъективные ощущения опрошенных. Представители более молодого поколения уверены не столько в себе и своем знании языка, сколько в возможностях, предоставляемыми современными телекоммуникациями:

«Забыть родной язык в условиях интернета и прочих коммуникаций просто невозможно!» (Дмитрий М., 29 лет)

Однако некоторые представители диаспоры замечают, что их уровень владения языком постепенно ухудшается.

«Я стала не так красиво говорить, как те, кто живет там, и это, конечно, неприятно». (Ирина, 44 года)

Другая респондентка, когда-то обучавшаяся на факультете чувашской филологии, отметила:

«Литературный язык я не помню уже, помню только свой диалект. Вот это я воспринимаю, а в Канаше как-то услышала в маршрутке у водителя передачу. Думаю: «Что это за язык?» Даже не понимаю! Тем более, это культурная передача — они же стараются литературно разговаривать». (Лилия Е., 36 лет)

Приведем свидетельство одной из немногих адресатов, кто признался, что боится забыть родной чувашский язык:

«Страх появился лет пять назад, когда я поняла, что мой запас чувашского языка понемногу иссякает. Была очень смешная история, когда мы с подружкой долго не могли вспомнить какое-то слово на чувашском. Мне стало безумно стыдно, я поняла тогда, что надо разговаривать, и с тех пор я стараюсь регулярно общаться. Тогда же пришлось обратиться к другу, чтобы вспомнить, как будет по-чувашски «заяц». Если не используешь эту речь, слова понемногу забываются все равно». (Алина, 24 года).

Респонденты с некоторым сожалением отмечают, что страх потери языка касается не их самих, а скорее их детей, которые родной чувашский язык со временем забудут, проживая вне Чувашской Республики. Опасения родителей вовсе не беспочвенны. В ходе исследования респондентам, представителям первой волны, был задан вопрос о том, какие языки, по их мнению, необходимы или понадобятся в будущем им или их детям. Ответы представлены в табл. 8.

Таблица 8 / Table 8

Какой язык/ какие языки, по Вашему мнению, необходимы Вашим детям или понадобятся им в будущем? Первое поколение — 81 человек / Which Language/Languages, in your opinion, are necessary for your children now or in future?

Язык/ языки / Language/ Languages	Возраст / Age 20—30	Возраст / Age 31—40	Возраст / Age 41—50	Возраст / Age 51—60	Возраст / Age 61—85
Русский / Russian		1		10	11
Русский и чувашский / Russian and Chuvash	2	2	3	5	1
Русский и англий- ский / Russian and English	8	9	3	4	1
Русский, чувашский, английский и другие иностраные языки / Russian, Chuvash, English and other foreign languages	6	10	3	2	

Рассмотрим ответы каждой когорты по отдельности. Самое старшее поколение нашей выборки (респонденты старше 60 лет) считает приоритетным знание русского языка, что не удивительно, учитывая их жизнь в условиях языковой политики русификации, проводившейся в СССР с конца 1950-х гг. Был произведен переход от национально-русского к русско-национальному двуязычию (или даже одноязычию) путем ослабления позиций национальных языков и усиления роли русского языка как средства межнационального общения (в образовательной сфере, в ходе индустриализации и урбанизации, охвативших многие регионы страны, в том числе и ЧАССР).

Респонденты 50—60 лет в нашей выборке приоритетным назвали русский язык, однако здесь появляются практически равнозначные по количеству варианты: необходимо знание «чувашского и русского языков» или «русского и английского». Представители возрастной группы 40—50 лет равнозначно расставили приоритеты между различными вариантами. Люди 30—40 лет, уже обзаведшиеся се-

мьями и детьми, считают одинаково необходимым знание либо «русского и английского», либо «русского, английского и чувашского». Представители самого молодого поколения в нашей выборке делают в большинстве своем ставку на английский и русский языки, хотя отмечают важность знания чувашского. Таким образом, позиция чувашского языка, а значит, и его престижность усиливается в младших возрастных когортах, что вполне закономерно и является следствием мобилизованного лингвицизма (М. Губогло) 1980-х гг., принятия законов о языках, реформ в области образования, в частности в отношении преподавания титульных языков.

Отметим роль, которая отводится чувашскому языку. С одной стороны, это идеализированные представления молодых людей о языковой трансмиссии:

«Языки родителей нужно знать, чтобы понимать бабушек и дедушек» (Евгений, 32 года), «Английский, русский, чувашский — они должны знать, что они не совсем как бы русские, что есть свои культурные корни» (Дмитрий Т., 24 года).

В процессе воспитания детей, однако, ситуация меняется. Возникает функциональная языковая асимметрия, когда необходимость в знании родного языка уступает место более широким коммуникативным возможностям русского. Желание, чтобы дети знали родной язык родителей, остается, но оно трудноосуществимо на практике. Вот что отмечают респонденты:

«Хотелось бы, чтобы чувашский они знали, но они понимают немножко... немножко совсем, потому что в городе мы живем» (Владимир С., 59 лет), «Вопросов не возникало — однозначно, только русский первый, иностранный, ну и родной язык родителей надо знать, но усилий особых я для этого не прикладываю» (Татьяна Ю., 33 года). «Чувашский хотелось бы, чтобы дети знали, особенно дочь Анфиса (6 лет), вот когда она родилась, мы еще себе сказали, что постараемся, чтобы она чувашский знала обязательно. Хотя бы чтобы понимала. Но достичь этого практически сложнее, потому что мы не оставляем там ее... Вот если бы, может, на месяца три оставляли, тогда вот... А так мы ездим на месяц, я считаю, конечно, это маловато. Там у нее много двоюродных. Вот она знает «я тебя люблю». А вот как «кошка», «собака», — пока не знает. Но в целом, мы очень хотим, чтобы она знала!» (Наталья С., 32 года).

Механизм языковой трансмиссии, как видим, не налажен, она осуществляется лапидарно, ситуативно. Не наблюдается систематических усилий в передаче родного языка со стороны родителей; интергенеративная трансмиссия осуществляется, чаще всего *через поколение*. Часто языковая преемственность «прикреплена» к деревне, которая долгое время считалась «неисчерпаемой житницей, вечно доставляющей новые поколения чувашеговорящих» [13. С. 74]. Однако тенденция русификации деревни с каждым годом усиливается.

В дальнейшем, когда дети вырастают, у родителей возникает сожаление относительно того, что чувашский язык они не освоили:

«Вопроса не стояло в нашей семье, жена у меня русская, дети, к сожалению, чувашского языка не знают. Только пару слов. «Спокойной ночи», например. Мало ездим. А дети — они ведь быстро схватывают, когда приезжают, общаются. Мы мало ездили, служили, на деревню мало времени оставалось. Но это мое упущение, моя вина в этом. Признаю, что мои дети мой родной язык не знают. Два года назад в последний раз

были, бабушка с внуками на ломаном русском общается, у нее чувашский в основном, русский у нее не чистый, но для общения с внуками хватает. Ну и русский там все знают с малолетства. Сейчас же телевизор, интернет, ну и сами они, к сожалению, чувашским не интересуются» (Сергей И., 47 лет).

Мнение тех, кто не назвал чувашский язык среди приоритетных, подвержено «духу утилитаризма». Они со всей ясностью демонстрируют также типичное отношение к чувашскому языку как языку деревенскому, который вряд ли пригодится в будущем городским жителям (наши респонденты в подавляющем большинстве жители Москвы и крупных населенных пунктов Московского региона).

«Чувашский — не думаю, что он жизненно необходим» (Алексей, 29 лет); «Здесь чувашский не понадобится» (Надежда, 26 лет); «Язык нужен тот, где дети живут, раз здесь, тогда русский и иностранный какой-нибудь» (Дмитрий М., 32 года); «Русский и английский, ну если бы в Чувашии жить, тогда...» (Евгений Б., 27 лет); «Русский — в первую очередь, самый главный язык, потом еще иностранный, конечно, английский. А если в Чувашии, то и чувашский, но я-то здесь!» (Юлиана, 26 лет); «Ну и зачем им чувашский нужен? Они же в деревню жить не едут» (Петр М., 70 лет).

Во втором поколении вырисовывается следующая ситуация с языковыми предпочтениями респондентов (табл. 9).

Таблица 9 / Table 9

Какой язык / какие языки, по Вашему мнению, необходимы Вашим детям или понадобятся им в будущем? Второе поколение — 14 человек / Which Language/Languages, in your opinion, are necessary for your children now or in future?

Язык/языки/ Language/ Languages	Возраст / Age 15—30	Возраст / Age 31—40	Возраст / Age 41—50	Возраст / Age 51—60	Возраст / Age 61—85
Русский/ Russian					
Русский и чувашский/ Russian and Chuvash			1		1
Русский и английский / Russian and English	2	3	1	1	
Русский, чувашский, английский и другие иностранные языки / Russian, English, and other foreign languages	4		1		

Молодые люди в когорте 20—30 лет, назвавшие вариант «русский, английский, чувашский», с одной стороны, понимают сегодня важность многоязычия, хотя выучить язык родителей и, более того, изучают чувашский на курсах. С другой стороны, остается открытым вопрос, как они сами на практике смогут обучить своих детей такому количеству языков, особенно чувашскому.

В связи с этим в нашем исследовании 55 респондентам первого поколения, имеющим детей, был задан вопрос о том, хотели бы они, чтобы в Москве или

области преподавался чувашский язык. Полученные результаты выглядят следующим образом (табл. 10).

Таблица 10 / Table 10

Хотели бы Вы, чтобы здесь преподавался чувашский язык? Первое поколение – 81 человек, из них 55 человек имеют детей / Do you want it to be special courses of Chuvash Language here in Moscow? The first generation, total – 81 persons; 55 of them have children

Ответ/ Answer	Возраст / Age 20–30	Возраст / Age 31–40	Возраст / Age 41–50	Возраст / Age 51–60	Возраст / Age 61–85
Да/ Yes	1	8	6	13	3
Нет / No		2	1	4	4
Все равно/ Затрудняюсь ответить / It doesn't matter / It is difficult for me to answer	1	2	2	2	6

В целом, реакция на вопрос о преподавании чувашского языка была положительной, даже если респондент до сегодняшнего дня

«как-то не задумывался об этом, но пусть преподают, ведь чуваш должен знать свой язык» (Вячеслав У., 60 лет).

Некоторые участники беседы располагают информацией о том, что при полномочном представительстве Чувашской Республики в Москве в течение ряда лет открыты бесплатные курсы чувашского языка, посещать которые может любой желающий. В основном, что закономерно, контингент учащихся сформирован из этнических чувашей, проживающих в регионе. Дополнительно тем респондентам, которые с энтузиазмом восприняли идею о преподавании этнического языка, был задан вопрос о том, способствовали бы они изучению чувашского языка своими детьми. Рассмотрим полученные данные в табл. 11.

Таблица 11 / Table 11

Стали бы конкретно Ваши дети посещать курсы чувашского языка в Московском регионе? / Would your children learn Chuvash here, in Moscow region?

Ответ/ Answer	Возраст / Age 20–30	Возраст / Age 31–40	Возраст / Age 41–50	Возраст / Age 51–60	Возраст / Age 61–85
Да/ Yes		3	2	2	1
Нет/ No		3	1	1	1
Затрудняюсь ответить / I can't answer	1	2	3	10	1

Ответы респондентов можно разделить на три категории. Первая категория, довольно немногочисленная, включает чувашей, которые положительно относятся к идее преподавания чувашского языка в Москве или области и хотели бы отправить туда своих детей:

«Я был бы доволен, если бы были курсы, я бы ребенка с удовольствием туда, чтоб он изучал его. Я хочу, потому что он сам говорит: «Я чувашин». Хотя он родился здесь, но когда у него спрашиваешь: «Ты кто?», он говорит: «Я чувашин!» (Станислав, 32 года).

Другие респонденты оставляют выбор за своими детьми, если они достаточно взрослые:

«Ну ради Бога, пусть развиваются! Почему бы не развиваться? Никому учеба не мешает! Ей самой решать!» (Вера, 54 года).

В ходе опроса одна из респонденток призналась, что в свое время ее дочь посещала подобные курсы:

«Нам раньше предлагали такое, и мы ходили». — «По чьей инициативе пошли на курсы?» — «Естественно, я подталкивала! Не по своей инициативе! Ей было 13 лет тогда, я просто хотела тогда, чтобы не потерялись ее знания. Но ей стало трудно, но ... Мы всей семьей стараемся выезжать в Чувашию летом» (Маргарита Е., 43 года).

Наиболее многочисленной оказалась категория референтов, в целом одобрявшая идею преподавания языка, но затруднившаяся с ответом применительно к своим детям. Причина затруднения для них заключается в том, что

«Трудно представить себе, как возможно собрать всех людей в одном месте» (Лев, 44 года); «Сына бы не стал возить, мы далековато живем» (Олег З., 42 года).

Итак, изучению языка препятствует, с одной стороны, удаленность образовательных центров от мест фактического проживания респондентов, с другой стороны, возраст детей, когда повлиять на их выбор становится затруднительно.

«Это лично мое мнение? По желанию. Потому что свой род, свою нацию, свою традицию, свою культуру нельзя забывать. Дочери-то моей тридцать лет ей... ну так отдала бы с радостью, если бы младше была». (Надежда, 53 года)

Самой неоднозначной, впрочем, является третья категория: респонденты с энтузиазмом отозвались об идее курсов, однако своих детей конкретно туда отправлять на обучение не намерены.

«Я очень... положительно отношусь...но у меня дочь. Дама почти, 21 год. Мое мнение, может, и есть. Язык ведь любой — это целый мир! Но она считает, что... Я пытался дочь много раз возить на родину, особенно в детстве. Но пока у нее такое состояние, что она считает, что ей это не нужно. Этот язык. Может быть, даже... ей было любопытно в какой-то период времени. Я ей тогда покупал книжки, про историю Чувашии там... ну на русском, с картинками. Она интересовалась. Ну, я думаю, это лично мое мнение. Здесь менталитет у людей тот, что... она тоже иностранный язык изучает, она учится на 4 курсе на преподавателя английского языка. Но я так думаю, что когда-нибудь... ну не знаю... а сейчас, может, у нее такая среда, какие-то другие интересы» (Владимир Н., 58 лет).

Кроме того, препятствием для посещения курсов является, по мнению отдельных респондентов, сам чувашский язык:

«Я, наверное, не хотела бы, потому что чувашский язык достаточно сложный. Очень много сложных слов. Литературный сложный. Разговорный — он несложный, а литературный, он сложный. Поэтому те слова, которые используются в литературе, они не укладываются в голове у ребенка — сложно. Поэтому говорить о том, чтобы он его здесь учил, вот этот язык, я бы не настаивала. И даже, наверное, сказала бы, наверное,

чтобы он его не учил. Но чтобы он знал, я бы хотела. Потому что для меня это важно» (Татьяна И., 35 лет).

Наконец, те, кто выступил против идеи преподавания чувашского языка в Москве, свое решение мотивировали его крайней невостребованностью, ненужностью, трудностью в изучении, общей распространенностью русского языка в Москве и необходимостью изучать иностранные языки.

Среди 14 представителей второго поколения чувашской диаспоры в Москве, как выяснилось, отношение к преподаванию языка и идее посещения языковых курсов следующее (табл. 12).

Таблица 12 / Table 12

Хотели бы Вы, чтобы здесь преподавался чувашский язык? / Would you like it to be courses of Chuvash Language here, in Moscow?

Ответ / Answer	Возраст / Age 20—30	Возраст / Age 31—40	Возраст / Age 41—50	Возраст / Age 51—60	Возраст / Age 61—85
Да / Yes	6	1	3		
Нет / No		1			
Все равно / It doesn't matter		1		1	1

Десяти респондентам второго поколения, давшим положительный ответ, был также задан дополнительный вопрос о возможности посещения курсов ими или их детьми (табл. 13).

Таблица 13 / Table 13

Стали бы конкретно Вы или Ваши дети посещать курсы чувашского языка в Московском регионе? / Would you or your children learn Chuvash here, in Moscow region?

Ответ / Answer	Возраст / Age 20—30	Возраст / Age 31—40	Возраст / Age 41—50	Возраст / Age 51—60	Возраст / Age 61—85
Да / Yes	5	1	2		
Нет / No					
Затрудняюсь ответить / I have the difficulties with answer	1		1		

Как видим, старшее поколение, воспитанное в традициях советского подхода к билингвальному образованию, нейтрально к идее организации курсов. Представители когорты 40—50 лет более лояльны.

«Я пришел на курсы чувашского, потому что... Люди обращаются к своим корням, когда... ну когда как бы... зов души. Когда наступают трудности в жизни, тогда зов души и происходит!» (Андрей, 49 лет).

Самой активной, мобильной и лояльной в языковом отношении оказалась когорта 20—30-летних. По словам преподавателя курсов,

«студенты очень ответственно подходят к занятиям, стараются не пропускать. Это дети тех родителей, которые не передали язык; либо оба родителя — чуваша, либо один из них. В любом случае, они, к сожалению, не передали язык. И дети очень хотят его выучить и интересуются» (Оксана А., 26 лет).

Приведем некоторые выдержки из бесед:

«На курсах я оказался, потому что мне интересно. Мне интересен стал язык. Я сначала сам стал учить, нашел самоучитель, потом искал, где можно позаниматься. Узнал, что курсы проводятся здесь. Пришел сюда. И не разочаровался! Но папа не очень хочет практиковать язык со мной... Ну он ничего не объясняет, он у меня вообще не очень разговорчивый» (Сергей И., 25 лет). «В принципе, меня всегда интересовала наша культура и чувашский язык. И, так или иначе, я что-то пыталась читать, и однажды на одном из мероприятий чувашских вышли люди и сказали, что вот будут курсы. Я уже очень давно хожу.. Но, как ни странно, родители отнеслись довольно равнодушно и скептически. «Вот делать тебе нечего, с ума сходишь», как-то так. Ну вот папа до сих пор говорит, что у меня очень странное произношение, и как-то в принципе... в этом плане он не идет мне навстречу. И я это скорее для себя делаю» (Татьяна С., 27 лет).

По свидетельству одной из опрошенных, подобные кружки существовали в Москве и в прошлом:

«Мы ходили раньше. Нас было детей восемь-десять. Нас водили в детстве. Мы ходили на танцы. На чувашские. Мама начала меня тогда водить. Лет с восьми, наверное, я пошла. Песни пели. Но и свое у меня желание было. Вот если бы был такой кружок, как раньше, я бы, наверное, согласилась возить своего ребенка туда» (Ольга, 28 лет). Самая младшая из референтной группы хотела бы посещать курсы чувашского языка: «Ну я бы вот ходила, потому что мне...бабушка с дедушкой иногда что-то говорят, разговаривают, мне хочется понять, о чем они говорят. Или даже если в Чебоксарах хожу, слышу чувашскую речь — тоже интересно (Карина П., 15 лет).

Традиционно язык воспринимается как наиболее мощный символ этничности; другими проявлениями культурной идентичности, по Д. Кристалу, являются ритуалы, музыка, искусство, народные промыслы и другие формы поведения, однако «язык — это первичный указатель, символ и регистр идентичности» [1. С. 39—40]. К изучению этноса отечественным ученым В. Пименовым был применен так называемый компонентный анализ. Компонента этноса, по В. Пименову, есть основная структурная единица высшего ранга. Одной из таких компонент является язык. Каждая компонента, далее, образована из более мелких, дробных структур, таким образом, этнос представляет собой «глубоко и во всех направлениях структурированную систему». В. Пименовым выделены следующие — относительно устойчивые — компоненты этноса в порядке убывания: 1) язык, 2) этнопсихические черты, 3) духовная культура профессионального слоя, 4) обряды, 5) духовная культура фольклорного слоя, 6) материальная традиционная культура. Обладая сознанием и волей, достигнув определенного этапа своей жизни, носитель этнических черт (этнофор — по терминологии В. Пименова) может самостоятельно определить свое отношение и свою принадлежность к данному этносу. Большинство занимает промежуточное положение между крайними позициями — полного принятия или отторжения этнических ценностей [11. С. 19]. При этом ясно, что современные сдвиги в обществе способствуют изменению роли и значения отдельных компонент в системе этноса [11. С. 20].

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе данного исследования респондентам задавался вопрос об их этнической принадлежности, а также конкретно о том, что, по их мнению, делает их чувашем/чувашкой. Среди ответов «чувашский язык» фигурирует примерно в половине случаев в когортах 20—30 лет и 30—40 лет. В более старших возрастных группах язык как мощный символ этничности все более ослабевает. Самой низшей отметки данный ответ достигает в когорте лиц от 60 лет, что связано, возможно, с тем фактом, что многие респонденты, по их собственным словам, уже забыли родной язык и полностью ассимилировались в языковом отношении с русскими.

Первичным при определении языковой лояльности является признание для себя родным языка своего этноса, но существуют и другие признаки, сигнализирующие о повышении или, наоборот, понижении языковой лояльности членов диаспорных групп. В случае с чувашами Московского региона таковым является главным образом изучение и сохранение культурного наследия на своем языке, особенно песенного творчества, а также регулярные встречи с земляками, которые вызывают в наших респондентах «чувство сопричастности», дают возможность «почувствовать себя чувашем даже в Москве».

Мы отметили высокую этноязыковую идентификацию респондентов в нашей выборке, однако для чувашей в диаспорных группах родной язык выполняет скорее символическую функцию, выступает символом групповой идентичности. Чувашаи чтят традиции и обычаи своего народа, стараются передать культуру последующим поколениям, язык для них выступает как культурная ценность в рамках встреч с земляками.

Как отмечено в документе ЮНЕСКО о языковой витальности и угрозе (2003), «члены языковой общины обычно не относятся нейтрально к своему языку. Они могут рассматривать язык как чрезвычайно важный для их общества, идентифицировать себя с ним и продвигать его; они могут использовать язык, не продвигая его; они могут стесняться его и, соответственно, не продвигать его; или же они могут видеть в нем помеху и всячески избегать употребления данного языка». Чувашский язык, хотя его функционирование и сведено к минимуму в условиях Московского региона, тем не менее, оценивается достаточно высоко самими членами диаспоры, признающими его в качестве родного и воспринимающими его как символ принадлежности к таким ценностям, как *малая родина*, *древняя культура* и *род*. В соответствии с оценочной шкалой, составленной для фактора 8 — отношение членов общины к своему языку — в документе ЮНЕСКО, мы можем оценить языковую лояльность членов чувашской диаспорной группы на 1 балл из 5 возможных: «лишь некоторые члены сообщества поддерживают языковое развитие, другие безразличны, если не поддерживают утрату языка». Действительно, при всем положительном отношении к языку (символ семейных традиций, праздников, встреч) большинство опрошенных негласно рассматривают свой язык «как препятствие к экономической мобильности интеграции в общество», если не для себя, то для своих детей, которым, как правило, язык не передают.

По уровням лояльности, предложенным в статье С. Москвичевой [15. С. 482—483], группы «пользователей» чувашского языка в ходе исследования нами вы-

явлено не было в связи с ограниченным функционированием чувашского языка за пределами Урало-Поволжского региона.

Наибольшее число респондентов в нашей выборке представляют так называемые *компетентные* (с высоким уровнем языковой компетенции, выходцы из деревень, из малых населенных пунктов, изучавшие чувашский язык в школе, но использующие его сейчас весьма ограниченно в силу прагматических причин) и *ассимилированные* (пользователи, не демонстрирующие какие-либо типы лояльности, которые бы оценивались ими положительно). Как правило, это выходцы из крупных населенных пунктов или состоящие в этнически смешанных браках.

Крайне ограниченно действует группа *лояльных* (это активисты с высокой языковой компетенцией и аналогичной лояльностью, продвигающие чувашский язык и элементы чувашской культуры, например чувашскую музыку в Москве). Есть и те, кто пребывает в отношении *идеализации языка* (учащиеся курсов, чья языковая компетенция много ниже их высокой языковой лояльности), при этом «данный тип лояльности коррелирует с аффективной потребностью в языке, который может проявляться на различных уровнях любви и привязанности к языку, в частности, в желании войти в круг культурных символов народа, в желании сделать их своими» [15. С. 483].

Именно существование в диаспорной среде двух последних групп — *лояльных* и *идеализирующих язык* — заставляет нас выразить надежду, что в ближайшем будущем чувашский язык в диаспоре Московского региона не угаснет, а языковая лояльность этнических чувашей будет поддерживаться на высоком уровне.

© Куцаева М.В., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Crystal D. Language Death. Cambridge University Press, 2000. P. 81.
- [2] Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В.Ю. Михальченко, М., 2006. 312 с.
- [3] Сулейменова Э.Д., Смагулова Ж.С. Языковая ситуация и языковое планирование в Казахстане / под общ. ред. Э.Д. Сулейменовой. Алматы: Казак университет, 2005. 344 с.
- [4] Кондрашкина Е.А. Динамика языковой лояльности у финно-угорских народов России // Язык и общество в современной России и других странах: Международная конференция (Москва, 21–24 июня 2010 г.): Доклады и сообщения / отв. ред. В.А. Виноградов, В.Ю. Михальченко. М., 2010. С. 185–188.
- [5] Иванов В.П. Этническая география чувашского народа. Историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары: Чув. Кн. изд-во, 2005. 383 с.
- [6] Иванов В.П., Матвеев Г.Б. Этнокультурный паспорт чувашского населения Чувашской республики. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2012. 84 с.
- [7] Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. 1996. № 12. С. 33–42.
- [8] Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. М.: Юрайт, 2016. 337 с.
- [9] Агаев А.Г. Функции языка как этнического признака // Язык и общество. М.: Наука, 1968.
- [10] Garipov R. La notion de 'langue native' et les mecanismes juridiques de son developpement chez les petits peuples autochtones du Nord de la Russie // Viaut Alain, Svetlana Moskvitcheva. Categorisation des langues minoritaires en Russie et dans l'espace post-sovietique. Maison des Sciences de l'Homme d'Aquitaine, 2014, 406 p.

- [11] *Пименов В.В.* Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л.: Наука, 1977. 262 с.
- [12] *Беликов В.И.* Надежность советских этнодемографических данных // *Малые языки Евразии: социолингвистический аспект: сб. статей.* М., 1997. 208 с.
- [13] *Алос-и-Фонт Э.* Исследование языковой ситуации в Чувашской Республике: сб. ст./ под ред. И.И. Бойко и А.В. Кузнецова. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. 324 с.
- [14] *Баскаков А.Н., Насырова О.Д.* Языковые ситуации в тюркоязычных республиках Российской Федерации (краткий социолингвистический очерк) // *Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции.* М.: Эдиториал УРСС, 2000. 400 с.
- [15] *Москвичева С.А.* Типы языковой лояльности: на примере карельского языка в Республике Карелия // *Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Международная конференция (Москва, 16-19 сентября 2014 г.); М.: ТЕЗАУРУС-Языки Народов Мира, 2014. С. 479—485.*

История статьи:

Поступила в редакцию: 02.12.2016

Принята к публикации: 10.01.2017

Модератор: О.А. Валикова

Для цитирования:

Куцаева М.В. Лояльность к чувашскому языку в диаспорной группе Московского региона // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность.* 2017. Т. 14. № 1. С. 54—77.

Сведения об авторе:

Куцаева Марина Васильевна, аспирант кафедры лингвистической семантики Московского государственного лингвистического университета. E-mail: moscoop@yandex.ru

LOYALTY TO THE CHUVASH LANGUAGE IN DIASPORA GROUP OF MOSCOW REGION

M. Kucaeva

Moscow State Linguistic University
Ostozhenka 38, b. 1, Moscow, Russia, 119034

This article deals with language loyalty to Chuvash, a truly relic Turkic language, a titular language in the Chuvash Republic, yet mainly spread in diaspora groups. In case of this study it is a diaspora group, inhabiting Moscow and Moscow region. The survey is based on interviewing more than 100 Moscow diaspora members, who claim to be ethnic Chuvash. Apart from an ambiguous category of a native language of ethnic groups in Russia, the paper covers major aspects of ethnic and language loyalty manifested in such categories as A) endogamous marriage practices; B) the prestige and status of other languages as viewed by diaspora members; C) peculiarities of ethnic culture, music, cuisine, customs;

D) wish to transmit this culture to future generations. We've noticed two major tendencies. Speakers would like to improve both symbolic and communicative potential of their language.

Key words: Language Loyalty, Chuvash, Diaspora, Native Language, Ethnic Language, Ethnic Identity, Symbolic Function

REFERENCES

- [1] Crystal D. Language Death. Cambridge University Press, 2000. P. 81.
- [2] Slovar' sociolingvisticheskikh terminov [Dictionary of Sociolinguistic Terms]. Otv. red. V.Yu. Mihal'chenko, M., 2006. 312 s.
- [3] Sulejmenova E.D., Smagulova Zh.S. Yazykovaya situaciya i yazykovoje planirovanie v Kazahstane [Language situation and Language Planning in Republic of Kazakhstan] / Pod obshch. red. E.D. Sulejmenovoj. Almaty: Kazak universitet, 2005. 344 s.
- [4] Kondrashkina E.A. Dinamika yazykovoj loyal'nosti u finno-ugorskih narodov Rossii [Language Loyalty Dynamics in Finno-Ugric ethnic groups in Russia]. Yazyk i obshchestvo v sovremennoj Rossii i drugih stranah: Mezhdunarodnaya konferenciya (Moskva, 21—24 iyunya 2010 g.): Doklady i soobshcheniya / Otv. red. Vinogradov V.A., Mihal'chenko V.Yu.; Institut yazykoznanija RAN, Nauchno-issled. centr po nac.-yaz. odnosheniyam. M., 2010. 543 s. S. 185—188.
- [5] Ivanov V.P. Etnicheskaya geografiya chuvashskogo naroda. Istoricheskaya dinamika chislennosti i regional'nye osobennosti rasseleniya [Ethnic Geography of Chuvash people. Historic Dynamics of population and regional features of settlement]. Cheboksary: Chuv. Kn. izd-vo, 2005. 383 s.
- [6] Ivanov V.P., Matveev G.B. Etnokul'turnyj pasport chuvashskogo naseleniya Chuvashskoj respubliky [Ethnic and cultural passport of the Chuvash population in the Chuvash Republic]. Cheboksary: Chuvashskij gosudarstvennyj institut gumanitarnyh nauk, 2012. 84 s.
- [7] Toshchenko Zh.T., Chapytkova T.I. Diaspora kak ob»ekt sociologicheskogo issledovaniya [Diaspora as an object of social studies]. Socis. 1996. № 12. S. 33—42.
- [8] Belikov V.I., Krysin L.P. Sociolingvistika [Sociolinguistics]. M.: Izdatel'stvo Yurajt, 2016. 337 s.
- [9] Agaev A.G. Funkcii yazyka kak etnicheskogo priznaka [Functions of Language as an Ethnic Indicator]. Yazyk i obshchestvo. M.: Nauka, 1968. 255 s. S. 124—138.
- [10] Garipov R. La notion de 'langue native' et les mecanismes juridiques de son developpement chez les petits peuples autochtones du Nord de la Russie. Viaut Alain, Svetlana Moskvicheva. Categorisation des langues minoritaires en Russie et dans l'espace post-sovietique. Maison des Sciences de l'Homme d'Aquitaine, 2014, 406 p.
- [11] Pimenov V.V. Udmurty. Opyt komponentnogo analiza etnosa [Udmurts. A case study of the ethnic component analysis]. L.: Nauka, 1977. 262 s.
- [12] Belikov V.I. Nadezhnost' sovetskih etnodemograficheskikh dannyh [The Reliability of Soviet ethnodemographic data]. Malye yazyki Evrazii: sociolingvisticheskij aspekt, sbornik statej. Moskva, 1997, 208 s.
- [13] Alos-i-Font E. Issledovanie yazykovoj situacii v Chuvashskoj Respublike [The survey of language situation in the Chuvash Republic]: sb. st./ pod red. I.I. Bojko i A.V. Kuznecova. Cheboksary: CHGIGN, 2015. 324 s.
- [14] Baskakov A.N., Nasyrova O.D. Yazykovye situacii v tyurkoyazychnyh respublikah Rossijskoj Federacii (kratkij sociolingvisticheskij ocherk) [Language situations in Turkic Republics]. Yazyki Rossijskoj Federacii i novogo zarubezh'ya: status i funkcii. M.: Editorial URSS, 2000. 400 s.
- [15] Moskvicheva S.A. Tipy yazykovoj loyal'nosti: na primere karel'skogo yazyka v Respublike Kareliya [The Case Study of Types of Language Loyalty: the Karelian Language in the Republic of Karelia]. Yazykovaya politika i yazykovye konflikty v sovremennom mire: Mezhdunarodnaya konferenciya (Moskva, 16—19 sentyabrya 2014 g.); M.: TEZAURUS-Yazyki Narodov Mira, 2014. 614 s. S. 479—485.

Article history:

Received: 02.12.2016

Accepted: 10.01.2017

Moderator: O.A. Valikova

For citation:

Kucaeva M.V. (2017). Loyalty to Chuvash Language in Diaspora Group of Moscow Region. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 14 (1), 54–77.

Bio:

Marina Kucaeva is the Graduate student of Department of Linguistic Semantics of Moscow State Linguistic University. E-mail: moscoop@yandex.ru

УДК 821.51

DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-1-78-84

АЛТАЙСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ: ОБЗОР НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ

Н.М. Киндикова

Горно-Алтайский государственный университет
ул. Ленкина, 1, Горно-Алтайск, Республика Алтай, Россия, 649000

Данная статья — попытка панорамного обзора современного алтайского литературоведения. Автор дает оценку современного состояния алтаистики на материале наиболее важных научных трудов, опубликованных исследователями в новейшее время. Особое внимание уделено тематическому анализу научных работ.

Ключевые слова: алтайское литературоведение, тематика и проблематика, сравнительный анализ

1. ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о зарождении и развитии алтайского литературоведения рассмотрен нами в статье «Проблемы алтайского литературоведения: итоги и перспективы развития», которая содержательно охватывает только XX столетие [1. С. 1]. С тех пор издано немало научных трудов, однако не осуществлен обзор исследований, изданных в XXI веке. Почему этот вопрос стал актуальным сегодня? Потому что в последние годы труд ученого подвергся серьезной «девальвации». Значительно сократилось количество публикуемых монографий; практически отсутствуют отзывы и рецензии на изданные труды, а также рецензии на художественные произведения. В опубликованных научных трудах зачастую не проработана историография вопроса.

Еще одна серьезная проблема — недостаточная финансовая поддержка ученых. Монографии исследователей издаются малым тиражом; научные статьи требуют дополнительных вложений, грантовые субсидии выделяются на небольшой процент проектов. В университетах и НИИ идет ежегодное сокращение дипломированных специалистов без учета их творческих способностей.

С другой стороны, это связано с отсутствием соответствующих структур в Республике Алтай. Как известно, в Республиканском НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова десять лет назад необоснованно ликвидирован сектор литературы, занимавшийся изучением алтайской литературы, в частности творчества алтайских писателей. Без этой структуры нет перспектив для магистрантов и аспирантов.

Тем не менее литературоведы успели издать «Историю алтайской литературы» (2004) в двух книгах, а преподаватели факультета алтаистики и тюркологии Горно-Алтайского госуниверситета (ГАГУ) написали «Историю алтайской литера-

туры» (2008) в двух частях на родном языке [2]. В первой книге «Истории...» речь идет о фольклорных истоках алтайской литературы и о развитии лирики, эпоса и драмы в исторической перспективе. Во вторую книгу вошли литературные портреты шести писателей: А. Адарова, Д. Каинчина, Л. Кокышева, Э. Палкина, С. Суразакова, Б. Укачина.

2. ОБЗОР ТРУДОВ ПО АЛТАЙСКОМУ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЮ

В «Историю...», написанную на алтайском языке, включены новые главы, например глава о письменных истоках алтайской литературы; впервые даны сведения о древнетюркской литературе. В начале книги речь идет о периодизации алтайской литературы, а заканчивается «История...» статьей о развитии алтайского литературоведения и критики на современном этапе.

В Горно-Алтайском государственном университете (ГАГУ) при факультете алтаистики и тюркологии функционирует лаборатория «Алтайская филология», занимающаяся написанием учебно-методических пособий для студентов, бакалавров, магистрантов, а также аспирантов. Одновременно преподаватели кафедры алтайской литературы и народной художественной культуры пишут монографические исследования о литературном процессе Горного Алтая. Их особенно интересуют личные архивы писателей и состояние современной алтайской литературы.

Для написания литературоведческих трудов на родном и русском языках нами впервые создан словарь литературоведческих терминов на алтайском языке («Литература билимнин созлиги», 2006) и подготовлен библиографический указатель научных трудов литературоведов «Труды преподавателей кафедры алтайского языка и литературы» (2011), который полезен для написания историографии исследуемого вопроса.

Одной из важных задач лаборатории является подготовка национальных кадров для Республики Алтай. С этой целью защищены кандидатские диссертации У.Н. Текеновой (2008), В.П. Канариной (2009), А.Б. Тадыровой (2012), готовится к защите Я.А. Мандина, которая работает по творчеству И.В. Шодоева. В. Канарина впервые написала диссертацию о генезисе, эволюции и жанровой системе литературной критики Горного Алтая.

Преподавателями кафедры алтайской литературы и народной художественной культуры в последние годы издан ряд монографических исследований о жизни и творчестве алтайских писателей Б. Укачина (А.В. Киндиковой), Д. Каинчина (У.Н. Текеновой), А.О. Адарова, Л.В. Кокышева (Н.М. Киндиковой) и др. Научный интерес представляют книги «Алтайская детская литература» (2005) М.П. Чочкиной и «Фольклорно-мифологические мотивы в прозе Чингиза Айтматова» (2009) М.С. Дединой. Ежегодно нами проводятся научно-практические конференции, посвященные актуальным проблемам алтайского литературоведения. Так, нами организованы и проведены конференции по проблемам перевода художественной литературы, итоги которых отражены в сборниках статей: «Тюркоязычные литературы Сибири: проблема художественного перевода» (2004), «Перевод тюркских литератур Сибири. Теория и практика» (2005), «Взаимоперевод национальных литератур: сохранение этнокультурных особенностей» (2014).

В них затронуты проблемы возобновления прерванного переводческого дела и развитие взаимоперевода тюркских литератур. На основе проведенных исследований подготовлены учебные пособия для бакалавриата, магистратуры, аспирантуры [3].

Особое место литературоведы Горного Алтая отводят изучению творческого наследия писателей 20—40-х годов XX столетия. Этой теме посвящены материалы конференций, опубликованные в сборниках: «Судьба и литературное наследие репрессированных: взгляд из XXI века» (2010), «Судьба и наследие писателей-фронтовиков: взгляд из будущего» (2015). По материалам юбилейных мероприятий издаются книги, посвященные творчеству того или иного алтайского писателя. К таковым относятся «Наследие М.В. Чевалкова в современном осмыслении» (2008), «Исследования по произведениям Л.В. Кокышева» (2010), «Современное восприятие творчества А.О. Адарова» (2012) и др. В них имеются обновленные сведения о жизни и творчестве алтайских писателей, об истории создания или поэтике отдельных произведений автора.

В последние годы проведены научно-практические конференции, посвященные преподаванию литературы тюркских народов: «Национальные и региональные особенности преподавания и изучения литературы тюркских народов» (2015), «Гуманитарные исследования в Горном Алтае» (2016). К сожалению, они не доступны алтаеведам республики, так как издаются малым тиражом.

Монографии, изданные в XXI веке, анализируются в хронологической последовательности. В книге «Творчество Бориса Укачина: тематическое и жанровое своеобразие» (2005) А.В. Киндиковой обстоятельно изучено наследие алтайского писателя в жанровом разнообразии [4].

Серьезное исследование представляет собой монография «Фольклорно-мифологические мотивы в прозе Чингиза Айтматова» (2009) М.С. Дединой. Она пишет: «Опираясь на мифологическую картину мира, Айтматов строит в своих произведениях особую модель мира, во многом сохраняющую пространственно-временное мировоззрение древних тюрков» [5. С. 123]. Произведения Ч. Айтматова имеют статус читаемых на алтайском языке благодаря переводам Б. Укачина, А. Адарова, Д. Каинчина, Т. Торбокова.

Во втором десятилетии XXI века издана одна монография и два сборника статей к.ф.н. У.Н. Текеновой [6]. Монография «Художественный мир Дибаша Каинчина» (2011) посвящена творчеству ведущего алтайского прозаика Д.Б. Каинчина. Впервые рассмотрена тематика и проблематика его прозаических произведений, раскрыты особенности сюжета и композиции рассказов, повестей и романов, особое место уделено модификации традиционных образов и мотивов, выявлен фольклорно-этнографический контекст отдельных произведений автора.

В другом сборнике У.Н. Текеновой — «В мире литературы» (2013) — дан обстоятельный анализ отдельных произведений алтайских писателей: Д. Каинчина, Б. Укачина, А. Адарова, Л. Кокышева и др. Литературовед и методист У. Текенова углубляется в мир поэта и пытается раскрыть перед читателем затаенные мысли автора. В этом сборнике впервые затронута проблема перевода иноязычной литературы, а также тема репрессированных писателей. Особенность литературоведческих трудов У.Н. Текеновой в том, что она одновременно пишет на двух

языках — алтайском и русском. Неслучайно ее книги востребованы алтаеоведами республики и литературоведами Сибири.

Научный интерес представляет книга «Диалог поколений в эпистолярной истории» (2012) литературоведа и фольклориста С.З. Казагачевой. В ней впервые опубликована переписка автора с потомками известных ученых и писателей. Нас особенно заинтересовали главы, посвященные М.В. Чевалкову, П.В. Кучияку, С.С. Суразакову и др. С одной стороны, автор продолжает идеи профессора С.С. Суразакова, с другой — глубже и шире раскрывает родословную зачинателей алтайской литературы М.В. Чевалкова и П.В. Кучияка. В данной книге представлены письма потомков (например, письма правнука М. Чевалкова). Это почти неизвестные факты истории и культуры Алтая, алтайской литературы в том числе. З. Казагачева опубликовала результаты своей поисковой работы, которая содержит максимально детализированную информацию об исследуемом авторе. Сегодня имя М.В. Чевалкова носит республиканская национальная библиотека.

Автор завершает свои научные изыскания словами: «Мечтала собрать все материалы Чевалкова по фольклору и этнографии алтайцев, переданные исследователями В.В. Радлову, Г.Н. Потанину, Н.М. Ядринцеву, Ананьину и др., издать их отдельной книгой. Мечтала в архиве М. Невского, митрополита Московского, найти оригинал “Памятного завещания”, ведь он, по существу, был переводчиком второго автобиографического повествования Чевалкова. Следовательно, надо найти рукопись оригинала» [7. С. 392]. Значит, поиски исследователя З.С. Казагачевой не завершены, они ждут своего продолжения.

В книге З. Казагачевой даны ценные сведения иностранных и московских друзей и новосибирских коллег о П.В. Кучияке, есть отзывы заграничных путешественников не только о нем, но и об алтайском народе в целом. Как известно, первые сведения опубликованы автором в книге «Павел Кучияк. Воспоминания. Дневники. Письма» (1979). Эта книга выступает продолжением и то же время восполнением белых пятен в истории алтайской литературы. В век научно-технического прогресса простое эпистолярное сообщение между людьми оказалось ценнейшим средством передачи неизвестной информации новому поколению.

В монографии «Литературы Сибири: опыт исследования» (2014) Н. Киндиковой, к примеру, представлены литературы народов Сибири во взаимоотношениях с другими литературами России [8]. К монографическому исследованию творчества отдельных писателей привлечены литературоведы Алтая, Тувы и Хакасии.

В книге рассмотрены вопросы художественного перевода национальных литератур на русский и другие тюркские языки народов Сибири, поставлена проблема взаимного перевода произведений с языка оригинала. Особое место отводится сохранению этнокультурных особенностей литератур региона. Учитывая этнокультурные, этноэстетические особенности оригинала и подстрочника, тюркоязычные переводчики могут перевести любое стихотворение на свой родной язык.

Взаимодействие тюркских литератур осуществляется прежде всего через художественный перевод. Однако переводы до настоящего времени выполнялись на русском языке. Каждая из представленных литератур опирается в первую оче-

редь на существующие переводы, редко кто из переводчиков обращается к оригиналу. Неслучайно в работе ставится проблема художественного перевода литературы с оригинала. Все это позволяет творчески осмыслить изучаемый материал, глубоко войти в проблемы переводоведения и литературоведения Сибирского региона, а также в методику преподавания родной литературы.

Современный уровень развития отечественного литературоведения требует от исследователя качественно нового подхода к национальным литературам народов России, алтайской литературе в частности. В монографии Р.А. Палкиной алтайская литература рассмотрена как художественная система [9].

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, алтайские литературоведы пытаются проследить развитие алтайской литературы в XXI веке. Одновременно они углубляются в судьбу и наследие репрессированных писателей и писателей-фронтовиков, остро ставят проблему перевода произведений тюркоязычных писателей и двуязычного издания их в республиках. Кроме того, алтайским литературоведам предстоит написать монографические исследования о жизни и творчестве отдельных писателей, расширить главы созданной «Истории алтайской литературы». Все это возможно при восстановлении работы отдела литературоведения в Республиканском НИИ алтаистики. Открытым остается вопрос о создании литературного музея в столице республики.

© Киндикова Н.М., 2017

История статьи:

Поступила в редакцию: 30.11.2016

Принята к публикации: 10.12.2016

Модератор: В.П. Синячкин

Для цитирования:

Киндикова Н.М. Алтайское литературоведение: обзор научных изданий // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность.* 2017. Т. 14. № 1. С. 78–84.

Об авторе:

Киндикова Нина Михайловна, доктор филологических наук, профессор факультета алтаистики и тюркологии Горно-Алтайского государственного университета. E-mail: temene@mail.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Киндикова Н.М. Проблемы алтайского литературоведения: итоги и перспективы развития // Киндикова Н.М. Алтайская литература: проблемы и суждения. Горно-Алтайск: Юч-Сюмер-Белуха, 2008.
- [2] История алтайской литературы: в 2 кн. Горно-Алтайск, 2004, 2008.
- [3] Проблемы художественного перевода в алтайской литературе. Горно-Алтайск, 2013. 78 с.
- [4] Киндикова А.В. Творчество Бориса Укачина: тематическое и жанровое своеобразие. Горно-Алтайск, 2009. 176 с.

- [5] Дедина М.С. Фольклорно-мифологические мотивы в прозе Чингиза Айтматова. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2009. 135 с.
- [6] Текенова У.Н. Художественный мир Дибаша Каинчина. Горно-Алтайск, 2011. 179 с.
- [7] Казагачева З.С. Диалог поколений в эпистолярной истории. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2012. 749 с.
- [8] Киндикова Н.М. Литература Сибири: опыт исследования. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014. 180 с.
- [9] Палкина Р.А. Алтайская литература как художественная система. Горно-Алтайск, 2015. 280 с.

ALTAI LITERARY CRITICISM: REVIEW OF SCIENTIFIC PUBLICATIONS

N.M. Kindikova

Gorno-Altai State University
Lenkin str., 1, Gorno-Altai, Republic of Altai, Russia, 649000

This article is attempt of panoramic look on modern Altai literary criticism. The author gives an assessment of the current state of Altai science on the material of the most important scientific works published by researchers in the latest time. Special attention is paid to the thematic analysis of scientific works.

Key words: Altai literary criticism, subject and perspective, comparative analysis

REFERENCES

- [1] Kindikova N.M. Problemyi altayskogo literaturovedeniya: itogi i perspektivy razvitiya [Problems of Altai literary criticism]. Kindikova N.M. Altayskaya literatura: problemyi i suzhdeniya. Gorno-Altaysk: GU kn. izd-vo «Yuch-Syumer-Beluha, 2008. S. 166–172.
- [2] Istoriya altayskoy literatury v dvuh knigah [History of Altai Literature in two volumes]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk: GU kn. izd-vo «Yuch-Syumer-Beluha, 2004; Altay literaturanyin tuukizi (Istoriya altayskoy literatury v dvuh chastyah). Uchebnoe posobie. Gorno-Altaysk: RIO GAGU, 2008. 461 s.
- [3] Problemyi hudozhestvennogo perevoda v altayskoy literature [Problems of literary Interpretation in Altai Literature]. Gorno-Altaysk: RIO GAGU, 2010. 115 s. Gorno-Altaysk: RIO GAGU, 2013. 78 s.
- [4] Kindikova A.V. Tvorchestvo Borisa Ukachina: tematicheskoe i zhanrovoe svoeobrazie [Boris Ukachin's creativity: thematic and genre originality]. Gorno-Altaysk, 2009. 176 s.
- [5] Dedina M.S. Folklorno-mifologicheskie motivy v proze Chingiza Aytmatova [Folklore and mythological motives in Chinghiz Aitmatov's prose]. Gorno-Altaysk: RIO GAGU, 2009. 135 s.
- [6] Tekanova U.N. Hudozhestvennyy mir Dibasha Kainchina [Dibash Kainchin's Imaginary World]. Gorno-Altaysk, 2011. 179 s.
- [7] Kazagacheva Z.S. Dialog pokoleniy v epistol'arnoy istorii [Intergeneration Dialog in epistolary heritage]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskaya tipografiya, 2012. 749 s.

- [8] Kindikova N.M. Literatura Sibiri: opyt issledovaniya [Literature of Syberia: issues]. Gorno-Altaysk: RIO GAGU, 2014. 180 s.
- [9] Palkina R.A. Altayskaya literatura kak hudozhestvennaya sistema [Altai Literature as System of Art]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskaya tipografiya, 2015. 280 s.

Article history:

Received: 30.11.2016

Accepted: 10.12.2016

Moderator: V.P. Sinyachkin

For citation:

Kindikova N. (2017). Altai literary criticism. Review of scientific publications. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 14 (1), 78–84.

Bio:

Nina Kindikova, Doctor in Philology, Professor of Gorno-Altaysk State University. E-mail: temene@mail.ru

УДК 821.512.133

DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-1-85-92

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГЕНДЕРНОГО СТЕРЕОТИПА В ТЮРКСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ УЗБЕКСКОГО, КАЗАХСКОГО И КАРАКАЛПАКСКОГО ЯЗЫКОВ)

Г.М. Исмаилов

Научно-исследовательский институт узбекского языка и литературы
при Ташкентском государственном университете узбекского языка и литературы
Шахрисабзкая проезд, 5, г. Ташкент, Узбекистан, 100060

В данной статье исследуются лингвистические особенности гендерного стереотипа в тюркских фразеологизмах. Бинарной оппозицией, выбранной нами для анализа, послужила пара «женщина-мужчина». Фразеологизмы разделены на два типа: фразеологизмы, общие для референтов обоего пола; фразеологизмы, связанные с референтами одного пола. В рамках исследования был привлечен историко-культурный материал, позволяющий объяснить возникновение положительных или отрицательных коннотаций у концептов «мужчина» и «женщина».

Ключевые слова: фразеологическая картина мира, гендер, стереотип, концепт, лингвокультурология, лингвокультура, этнос, фразеологизм, фразеолекса, имплицитная форма, маскулинность, фемининность (феминность)

1. ВВЕДЕНИЕ

Исследование языка как феномена, формирующего в сознании человека лингвистическую картину мира, становится одним из актуальных направлений современного языкознания. Понятие гендера все больше привлекает внимание представителей гуманитарных наук, в частности лингвистов. Термин «гендер» поначалу применялся в социологии. Обозначая организационную модель социальных отношений женщин и мужчин, данное понятие определяет их социальную роль в обществе; в психологии это «социально-психологический пол человека, совокупность его психологических характеристик и особенностей социального поведения, проявляющихся в общении и взаимодействии» [1. С. 11]. Еще в начале XX в. Ф. Маутнер, Э. Сепир, О. Есперсен в своих трудах проявляли повышенный интерес к гендерному аспекту языка и коммуникативным процессам, а также языковым аспектам гендера.

Следует отметить, что формирование в 70-х гг. XX в. новых направлений языкознания — лингвокультурологии, этнолингвистики, изучающих языковые явления на основе принципа антропоцентризма, породило такие проблемы, как лингвокультурологическое исследование гендерной фразеологии, асимметричное

научное определение основных социально значимых компонентов, формирующих в языковой картине мира базовые стереотипы — концепты «женщина» и «мужчина».

Важность изучения «культурных факторов в языке и языковых факторов в человеке» [2. С. 223] в лингвокультурологии заключается в том, что изучение человека сквозь призму его культуры эксплицирует не только индивидуальные языковые особенности носителей языка определенной культуры, но и выявляет фундаментальные гендерные понятия. Образные представления и взгляды на поведение женщин и мужчин, их мышление и взаимоотношения, определение их социальных, культурных и когнитивных особенностей в языковой картине мира образуют языковое явление гендерного стереотипа. «Гендерные стереотипы представляют собой культурно и социально обусловленные мнения о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке» [3], детерминируя национальные представления об определенных явлениях и предметах в сознании носителей языка.

В тюркском языкознании фразеологизмы всегда являлись объектом изучения различных (лексико-грамматического, семантического) аспектов, однако до сих пор остается не исследованной до конца проблема лингвокультурологического изучения гендерного стереотипа. Изучению этой проблемы посвящены работы отдельных ученых, в частности, А.В. Кириллиной, Е.С. Бадмаевой, В.С. Самариной, Д.А. Турдиевой, О.Ю. Суралевой, М.Н. Муковой, М.Н. Варикаши [4—11].

2. ГЕНДЕРНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ

Фразеологизмы отражают национально-культурные, т.е. идиоэтнические признаки определенного этноса. Изучение гендерных стереотипов позволяет судить о том, какие свойства закладывает общество в понятия «женщина» и «мужчина». Природа стереотипа и фразеологической единицы в какой-то мере сходна, что подтверждено в исследовании Б.А. Ларина; фразеологизмы долгое время рассматривались как стереотипные сочетания [12. С. 125—149]: «такому пониманию способствуют основные свойства фразеологической единицы, действительно сближающие стереотипные выражения с фразеологизмом: устойчивая раздельнооформленность и воспроизводимость... Отличает их от фразеологических оборотов отсутствие тропической семантики, которая не востребована в данном случае, потому что в них заложены наиболее значимые фрагменты реального опыта этноса» [13. С. 129]. Во фразеологии тюркских языков гендерная оппозиция проявляется в языке как результат мышления этноса, его образного представления о мире, т.е. значение, предмет, сема, признак образуют *суть фразеологического образа*. Внутренняя форма фразеологизма имеет аутентичное значение в национальном мышлении народа, в его отношении к миру, в создании фразеологической картины мира.

Образная реализация во фразеологизмах, соотносимых с определенными явлениями, имеет общие и отличительные признаки в разных этносах. В силу этого гендерные стереотипы во фразеологизмах, связанных с концептами «женщина» и «мужчина», не универсальны в разных культурах и толкуются с помощью различных представлений. Это, безусловно, связано с такими культурными ком-

понентами, как традиции этноса, образ жизни, историческое развитие, географическое положение, социально-политическая роль мужчин и женщин. Хотя далеко не все пословицы и фразеологизмы содержат гендерные категории, среди тех, которые апеллируют к понятиям «мужского» и «женского», можно установить доминирующие тенденции и оценки. Фразеологизмы располагают определенными элементами, демонстрирующими их лингвокультурное своеобразие, следовательно, при их лингвокультурологическом исследовании закономерно руководствоваться двумя методами — сравнительным и интроспективным [14. С. 172].

Фразеологизмы в своей совокупности способны представить обширный фрагмент языковой картины мира каждого этноса. Устойчивые национально-культурные представления определенного общества о том или ином явлении, сформированные в тюркской фразеологии на основе концептов «женщина» и «мужчина», формируют гендерный стереотип и в каждом социуме изображают небольшую ментальную картину, соответствующую его мировоззрению. Языковая картина мира и языковой стереотип находятся в отношениях части и целого. По мнению Е. Бартминьского, «стереотип как конвенциональное представление о предмете, которое касается того, как этот предмет смотрится, как действует, какую он содержит в себе упрощенную теорию предмета, является элементом всей развернутой культурно-языковой картины мира, создает эту картину вместе с другими элементами. Стереотипы как основная составляющая языковой картины мира определенного общества отражают специфическую для соответствующего сообщества интерпретацию окружающего мира» [15. С. 12–13]. Наше исследование заключается в дешифровке гендерных особенностей фразеологизмов узбекского, казахского и каракалпакского языков в лингвокультурологическом аспекте.

1. Один из основных признаков фразеологизмов — обязательный образный компонент, в определенной степени отражающий гендерные особенности в мышлении этноса. Объектом нашего исследования являются фразеологизмы, формирующие образы-стереотипы «женщина» и «мужчина». Например, фразеолекса *белбоғ* в составе узбекского фразеологизма *Белинга белбоғинг борми?* и фразеолекса *айдар*, т.е. *прядь длинных волос* [<https://ru.wikipedia.org>] обозначают соответствующий облик казахских мужчин. В составе казахских фразеологизмов *айдарлысын құл, тұлымдысын тұл етті* (ФС, 22), *айдарымен жел еседі* (ФС, 22), *айдарына белгі тақты* (ФС, 22) этот элемент присутствует стабильно, формируя эталонное представление о мужчине в казахской культуре. Чем это можно объяснить? Формирование тех или иных образов в сознании носителей языка тесно связано с вертикальным контекстом развития этноса (его историко-культурным фоном). Айдар — не просто коса на голове мужчины. Изначально это атрибут привилегированного социального положения: носить подобную косу позволялось лишь выходцам из знатных сословий. Коса не только указывала на происхождение человека, но и должна была защитить его от дурного глаза, т.е. выполняла священную защитную функцию. Изначально айдар заплетали мужчинам, прошедшим инициацию в своем роду. Таким образом, айдар — своеобразный признак знатного, физически развитого юноши в расцвете его жизненной силы. Неслу-

чайно этот компонент вошел в состав фразеологизмов, формирующих эталонное представление народа о мужчине. Впоследствии айдар начали заплетать новорожденным мальчикам, чтобы защитить их от злых сил и укрепить надежды родителей на счастливую судьбу ребенка.

Попытка осмысления специфики моделей поведения в соответствии с гендерной идентичностью приобретает особую значимость в процессе сопоставления фразеологических единиц различных языков, которые имплицитно содержат оценку маскулинности и феминности на основе национально-культурных представлений и традиций. Следовательно, «фразеологизмы представляют собой своеобразный промежуточный результат бесконечного процесса имплицирования информации» [16. С. 60].

Формирование в определенном лингвокультурном социуме особенностей биологического пола, проявление в языке того или иного гендерного эталона является результатом «прикрепления» к каждому полу целого ряда критериев и оценок. В свою очередь, эти критерии и оценки, создавая картину языкового мира, формируются в зависимости от отношения личности к вселенной, природе, обществу и к себе; в результате формируется своеобразная картина мира определенных носителей языка. «Это мысль о том, что под влиянием общества, в результате полученных при взаимодействии с людьми впечатлений, у человека формируются» оценочные эталоны, с помощью которых происходит категоризация понятий [17. С. 177]. Языкознание обращает особое внимание на характеристику в лексико-семантических группах различных качеств человека, в частности, особенностей его интеллекта и поведения [18. С. 92—108]. Именно поэтому при анализе тюркских фразеологизмов с гендерной точки зрения мы разделили существующие фразеологизмы на два типа.

К первому типу ФЕ относятся фразеологизмы с общей семантической структурой для концептов «женщина» и «мужчина», т.е. общие для референтов обоих пола. Это универсальные признаки, присущие данным концептам вне зависимости от культуры их бытования. Например, в узбекском языке фразеологизм *балогатга етмоқ* (ЎТИЛ, I, 152) — достижение физического совершенства, совершеннолетие: ... *йигитлар шу ёшда ҳарбий хизматга борадилар. Демак, балогатга етадилар, жазо ҳам шу ёшда берилади, дегувчилар ҳам мавжуд* (Т. Малик, Длинный путь преступления). А в каракалпакском языке эта особенность реализуется с помощью фразеологизма *бой жетиў* (ҚТҚФС, 63) — достижение совершеннолетия, достигать возраста вступления в брак. В казахском языке употребляется фразеологизм *бойға жетті* (ФС, 154), *Бойға жеткен кісі мен баланың арасында ортақтық, бірлік шын аз, мұндай аралары шалғай жатқан екі жанның байланысы берік бола алмақ емес* (Меңдігүл). Эти фразеологизмы в представлении носителей языка всех трех социумов характерны для актуализации и мужского, и женского. Следует отметить, что данный вариант казахского и каракалпакского фразеологизмов *бойға жетті*, *бой жетиў* существует также и в узбекском языке, однако употребляется лишь для выражения концепта «женщина»: *Бўйи етган қизнинг ўғай онани кутиб олиши осон эмаслигини ҳис қилишдими, ҳар ҳолда уни ҳоли қўйишди* (Т. Малик, Талваса). Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в представлении

физического совершенства носителей трех языков имеются как общие, так и отличительные свойства.

Второй тип фразеологизмов относится лишь к представителям определенного пола. Каждое культурное сообщество воспринимает мир с помощью устоявшихся национально-культурных представлений и исходя из своего исторического опыта закладывает во фразеологизмы мелиоративные или пейоративные категории, касающиеся в основном человеческой деятельности. В результате формируются ассиметричные оценки пола. «Первоначально маскулинность и фемининность были зафиксированы в мифологии как основная бинарная дихотомия, посредством которой интерпретировался весь мир и славянские представления о Земле-матери и Небе-отце, и древнекитайская концепция Инь и Янь, и древнегреческий миф об андрогинах тому подтверждение» [19. С. 122]. Дифференциация пола проявляется с помощью определенного символа в тесной связи с культурой, т.е. понятия и явления, не связанные с гендером напрямую (природа, культура, цвет, темнота, свет, зло, добро и др.), ассоциируется с концептом «женщина» или «мужчина». Так, в тюркских языках *порождение, сила, мощь* во фразеологизмах считаются символическим выражением концепта «мужчина». Концепт «женщина» сопровождается отдельными отрицательными коннотациями. Например, в узбекском языке выражение *хотин супурги* в Толковом словаре узбекского языка истолковано как *хотинак*, что имеет значение ‘маленький веник’ [20. С. 85]. В словаре зафиксировано выражение *эркак супурги*, имеющее значение ‘длинный веник’, которое в определенной мере выражает отрицательное качество женщины: *Хотинларнинг холаси, қизларнинг дугонаси. Ҳай, бу нимаси, уят ҳам яхши гап?! Хотинларнинг холаси, қизларнинг дугонаси бўлиб, даврани эгаллаб олганингизни қаранг!* (Ш. Исахонова, Тош ноқ). В казахском языке женские качества представлены с помощью названий женской одежды или ее частей, например, во фразеологизме *ұзын етек* (ФС, 729) (‘длинный подол’). В каракалпакской фразеологии не отмечены фразеологизмы такого типа, т.е. ассоциирование в концепте «мужчина» отрицательных качеств женщины. Следовательно, в тюркских языках фразеологизмы подобного типа выражают отрицательные качества мужчин с помощью использования стереотипов женственности в изображении концепта «мужчина».

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Реализация в сознании носителей узбекского, казахского и каракалпакского языков фразеологизмов, относящихся к биологическому полу, является результатом своеобразного восприятия мира членами этого социума. Во фразеологической картине мира существуют общие и отличительные особенности гендерного стереотипа в трех лингвокультурах, которые образуют разносторонний концепт во фразеологической картине тюркских языков. «С помощью стереотипов накапливаемая информация представляется не просто как сумма полезных знаний, но как определенным образом организованный опыт, который благодаря своей структурированности может быть передан следующим поколениям» [21. С. 194].

© Исмаилов Г.М., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Чекалина А.А. Гендерная психология: учеб. пособие. 2-е изд. М., 2009.
- [2] Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- [3] Словарь гендерных терминов / под ред. А.А. Денисовой. М., 2002.
- [4] Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999.
- [5] Кирилина В.Н. Гендерный конфликт как фактор социокультурного развития: дисс. ... докт. философ. наук. М., 2004.
- [6] Бадмаева Е.С. Концептуальные пространства маскулинности и фемининности: на материале фразеологизмов и паремий: дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2010.
- [7] Самарина В.С. Гендер во фразеологии: когнитивно-лингвокультурологический аспект: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2010.
- [8] Турдиева Д.А. Гендерные отношения во фразеологических системах французского и уйгурского языков: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Алматы, 2010.
- [9] Суралева О.Ю., Скоробогатова Т.И. О гендерной сбалансированности фразеологических единиц, характеризующих интеллектуальную состоятельность (на материале французского языка) // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3. С. 230—239.
- [10] Мукова М.Н. Стереотипы маскулинности и фемининности в британской лингвокультуре: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2011.
- [11] Варикаши М.Н. Гендерний дискурс: семіотичні аспекти / М. Варикаша // Слово і час. 2008. № 7. С. 83—89.
- [12] Ларин Б.А. Очерки по фразеологии (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов) // История русского языка и общее языкознание. М., 1977.
- [13] Кириллова Н.Н. К вопросу о стереотипах во фразеологии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2002. № 2. С. 129—140.
- [14] Алиференко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. М.: Элпис, 2008.
- [15] Бартминьский Е. Базовые стереотипы и их профилирование // Стереотипы в языке, коммуникации, культуре: сб. статей / сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова. М.: РГГУ, 2009. С. 11—21.
- [16] Макаров В.И. Фразеологизмы и прецедентные феномены как маркеры стереотипности восприятия // Вестник Новгородского государственного университета. № 71. Т. 1. 2013. С. 59—62.
- [17] Семашко Ф.Т. Стереотип как фрагмент языковой картины мира / Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 2 (32). Тамбов, 2014. Ч. 2. С. 176—179.
- [18] Кунин Н.А., Скорнякова М.Ф. Коннотативность в семантической группе названий лица // Классы слов и их взаимодействие. Свердловск, 1979.
- [19] Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия. 2001.
- [20] Раҳматуллаев Ш. Ўзбек тили этимологик лугати (туркий сўзлар). Тошкент: Университет, 2000.
- [21] Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология. М.: Академия, 2000. 304 с.

История статьи:

Поступила в редакцию: 10.10.2016

Принята к публикации: 11.11.2016

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Для цитирования:

Исмаилов Г.М. Лингвокультурологическое исследование тюркской фразеологии (на материале узбекского, казахского и каракалпакского языков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 1. С. 85—92.

Об авторе:

Исмаилов Гулом Мирзаевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института узбекского языка и литературы при Ташкентском государственном университете узбекского языка и литературы. E-mail: gulom1208@gmail.com

**LINGUOCULTURAL STUDY OF GENDER STEREOTYPES
IN TURKIC PHRASEOLOGY
(ON THE MATERIAL OF UZBEK, KAZAKH AND KARAKALPAK LANGUAGES)**

G.M. Ismailov

Research Institute of Uzbek Language and Literature under the Tashkent State University of Uzbek Language and Literature
Shakhrisabz passage 5, Tashkent, Uzbekistan, 100060

This article deals with some linguistic features of gender stereotypes in the Turkic phraseologisms. We've chosen the opposition "Man" and "Woman" and analyzed it from two points of view. The first is connected to Phraseologisms which are common to both sex referents; the second — to the phraseologisms, which are associated with referents of the same sex. We've also represented historical and cultural material for describing positive or negative connotations of these concepts.

Key words: phraseological picture of the world, gender stereotype, concept, linguoculture, ethnicity, phraseologism, frazeolex, implicit form, masculinity, femininity

REFERENCES

- [1] Chekalina A.A. *Gendernaya psixologiya: uchebnoe posobie* [Gender psychology: Education book]. 2-e izd. M., 2009.
- [2] Teliya V.N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty* [Russian phraseology. Aspects of semantical, pragmatical and linguistic meanings]. Moscow, Shkola «Yazykirusskoykultury», 1996.
- [3] *Slovar gendernyx terminov* [Dictionary of Gender terms]. Pod red. A.A. Denisovoy. Moscow, 2002.
- [4] Kirilina A.V. *Gender: lingvisticheskie aspekty* [Gender: Linguistic aspects]. Moscow, 1999.
- [5] Kirilina V.N. *Gendernyy konflikt kak faktor sotsiokulturnogo razvitiya* [Gender conflict as a factor of sociocultural development]: Diss. ... dokt. filosof. nauk. Moscow, 2004.
- [6] Badmaeva E.S. *Konseptualnye prostranstva maskulinnosti i femininnosti: na material frazeologizmov i paremiy* [Conceptual space of masculine and feminism: on example of phraseologisms and paremi]: diss. ... kand. filol. nauk. Irkutsk, 2010.
- [7] Samarina V.S. *Gender vo frazeologii: kognitivno-lingvokulturologicheskiy aspekt* [Gender in phraseology: cognitive and culture aspects]: avtoref. kand. filol. nauk. Stavropol, 2010.
- [8] Turdieva D.A. *Gendernye otnosheniya vo frazeologicheskix sistemax fransuzskogo i uygurskogo yazykov* [Gender relations in the phraseological systems of French and Uighur]: avtoref. kand. filol. nauk. Almaty, 2010.
- [9] Suraleva O.Yu., Skorobogatova T.I. *O gendernoy sbalansirovannosti frazeologicheskix edinit, xarakterizuyushix intellektualnyu sostoyatelnost (na materiale fransuzskogo yazyka)* [About

- gender balance of idioms, which characterize the intellectual level]. *Gumanitarnye i sotsialnye nauki*. 2010. № 3. S. 230—239.
- [10] Mukova M.N. Stereotipy maskulinnosti i femininnosti v britanskoy lingvokulture [Masculine and feminism stereotypes in the British linguoculture]: avtoref. kand. filol. nauk. Nalchik, 2011.
- [11] Varikashi M.N. Genderniy diskurs: semiotichni aspekti [Gender discourse: semiotic aspect] / Moscow. Varikasha. Slovo i chas. 2008. № 7. S. 83—89.
- [12] Larin B.A. Ocherki po frazeologii [Essays about phraseology] (O sistematizatsii i metodax issledovaniya frazeologicheskix materialov). Istoriya russkogo yazyka i obshee yazykoznanie. Moscow, 1977. S. 125—149.
- [13] Kirillova N.N. K voprosu o stereotipax vo frazeologii [Issue about stereotypes in phraseology]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gersena*. 2002. №2. S. 129—140.
- [14] Aliferenko N.F. Frazeologiya v svete sovremennykh lingvisticheskikh paradigm [Phraseology in the modern language paradigms]. Moscow: Elpis, 2008.
- [15] Bartminskiy E. Bazovye stereotipy i ix profilirovanie [Base stereotypes and its profiling]. *Stereotipy v yazyke, kommunikatsii, kulture: sb. statey / sost. iotv. red. L.L. Fedorova*. Moscow: RGGU, 2009. S. 11—21.
- [16] Makarov V.I. Frazeologizmy i pretsedentnye fenomeny kak marker stereotipnosti vospriyatiya [Stereotypes and precedent phenomena as signs of stereotypical word-outlook]. *Vestnik novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 71. T. 1. 2013. S. 59—62.
- [17] Semashko F.T. Stereotip kak fragment yazykovoy kartiny mira [Stereotype as a fragment of the language picture of the world]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. № 2 (32). Tambov, 2014, chast 2. 176—179.
- [18] Kunin N.A., Skorniyakova M.F. Konnotativnost v semanticheskoy grupe nazvaniy litsa [Connotations in the semantic group of names of the person]. *Klassy slov i ix vzaimodeystvie*. Sverdlovsk, 1979. S. 92—108.
- [19] Maslova V.A. *Lingvokulturologiya* [Linguoculturology]. Moscow: Akademiya, 2001.
- [20] Rahmatullaev SH. O'zbek tili etimologik lugati (turkiy so'zlar). [Etymology dictionary of Uzbek]. Toshkent: Universitet, 2000.
- [21] Sadoxin A.P., Grushevitskaya T.G. *Etnologiya* [Ethnology]. Moscow: Izdatelskiy sentr «Akademiya», 2000. 304 s.

Article history:

Received: 10. 10. 2016

Accepted: 11.11. 2016

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

For citation:

Ismailov G. (2017). Linguocultural study of gender stereotype in Turcic phraseology (on the material of Uzbek, Kazakh and Karakalpak languages). *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 14 (1), 85—92.

Bio:

Ismailov Gulom Mirzaevich, PhD, Senior Scientific Researcher of Research Institute of Uzbek Language and Literature, Tashkent State University of Uzbek Language and Literature. E-mail: gulom1208@gmail.com

УДК 82.01/09

DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-1-93-101

О ТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАТИВНОМ КОММЕНТАРИИ К НЕМУ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИГРОК»)

С.А. Кибальник

Институт русской литературы
Российская Академия наук
наб. Макарова, 4., Санкт-Петербург, Россия, 99034

Несмотря на длительную историю научного издания романов Достоевского, их тексты все еще нуждаются в дальнейших уточнениях. Что же касается их научной интерпретации, то она должна быть основана уже не на текстологическом или историко-литературном, а на особом, «интерпретативном» комментарии.

Ключевые слова: текст, Достоевский, роман, комментарий, рукопись, рабочая тетрадь

1. ВВЕДЕНИЕ

Основной текст большинства произведений русской классики в настоящее время считается раз и навсегда установленным. Между тем это далеко не так, и некоторые уточнения такого текста по-прежнему не только возможны, но даже и необходимы. Покажем это на примере романа Ф.М. Достоевского «Игрок».

При жизни писателя он был опубликован только однажды [1], а из рукописей его сохранились совсем немногие (РО ИРЛИ; см. [2. С. 92, 93]. Это обстоятельство как будто бы свидетельствует о том, что серьезных вопросов публикация его текста вызывать не должна. Между тем, как известно, роман был написан в крайне сжатые сроки, и впоследствии у Достоевского не было случая снова вернуться к его тексту. В результате даже вопрос о заглавии романа теперь решается не так уж однозначно: заменив по просьбе издателя первоначальное заглавие «Рулетенбург», Достоевский впоследствии, перечисляя свои сочинения и имея в виду их переиздание, продолжал именовать роман именно так [3. С. 379, 546]. На этом основании некоторые исследователи полагают, что, если бы роман был переиздан при жизни писателя, Достоевский вернул бы ему первоначальное заглавие [3. С. 401]. Очевидно, что и текст романа, который в академическом издании Достоевского перепечатан с издания Ф. Стелловского, как правило, лишь с незначительными изменениями, требует к себе пристального внимания.

В академическом издании (ПСС) уже было исправлено несколько существенных опечаток. Выражение «адвокаты при *условных* процессах» с полным основанием было заменено на «адвокаты при *уголовных* процессах», «заял место у *стула*» — на «заял место у *стола*», а «я *разбирал* деньги» — на «я *забирал* деньги» [1.

С. 398] (здесь и далее курсив мой — С.К.). Однако в тексте романа есть и другие явные, но до сих пор не выявленные опечатки. Так, фраза второй главы, где речь идет о правилах «джентльменской игры»: «Впрочем, и очень пристально наблюдать опять-таки не следует: опять уже это будет не по-джентльменски, потому что *это во всяком случае зрелище не стоит* большого и слишком пристального наблюдения» [1. С. 5, 217], разумеется, должна быть исправлена на: «...*это зрелище во всяком случае не стоит* большого и слишком пристального наблюдения». Серьезная опечатка обнаруживается также в одной из заключительных и ударных фраз романа: «Неужели я не понимаю, что я сам погибший человек» [1. С. 63, 5, 317]. Учитывая, что немного выше мистер Астлей говорит Алексею Ивановичу: «вы погибший человек», ее следует печатать: «Неужели я сам не понимаю, что я погибший человек».

Не исключено, что в тексте романа могут быть выявлены и другие увековеченные многочисленными перепечатками романа опечатки. Так, например, возможно, следует поправить фразу «Он даже с Полиной небрежен до грубости; впрочем, с удовольствием участвует *в общих прогулках в воксале* или в кавалькадах и поездках за город» [1. С. 13, 5, 220]. Поскольку в словосочетании «поездках *за город*» второе имя существительное употреблено в винительном падеже, аналогичным образом, по-видимому, должно быть оформлено и предыдущее словосочетание: «*в общих прогулках в воксал*», тем более что только в этом последнем виде слово «прогулках» обретает свой действительный смысл.

Некоторые незначительные опечатки с полным основанием исправлены в академическом издании прямо в тексте. Так, например, фраза M-lle Blanche о генерале: “Il a *du chance*” [1. С. 59] потребовала грамматической конъектуры: “Il a *de la chance*” [3. Т. 5. С. 309], а фраза «Барон, узнав, что вы принадлежите к моему дому, *объяснился уж со мною в воксале* и, признаюсь вам, еще немного, и он *потребовал бы* у меня удовлетворения» [3. С. 22] исправлена на: «...*объяснялся уж со мною в воксале...*» [3. Т. 5. С. 237]. Аналогичным образом фрагмент «*запоминаю я тоже*, что чаще всех выходили двенадцать средних, к которым я и привязался» [1. С. 50—51; 3. Т. 5. С. 293] должен быть исправлен на «*вспоминаю я тоже...*», а фраза «Бабушке выкинули запечатанный в синей бумажке тяжеловесный сверток *с пятидесятью* фридрихсдорами [1. С. 36; 5, 264] — на «*с пятьюдесятью* фридрихсдорами».

Фраза: «не хочу брать на себя еще нового легкомыслия, т. е. прямо *потребовать от барона, или даже только предложить ему, об удовлетворении*» [3. Т. 5. С. 241], в которой воспроизведен вариант Стелловского [1. С. 24], возможно, также требует исправления на «*потребовать от барона, или даже только предложить ему, удовлетворения*», тем более что вариант именно такого управления глагола «требовать» мы находим в романе несколько выше: «еще немного, и он *потребовал бы у меня удовлетворения*» [1. С. 237]. Впрочем, этот вопрос — точно так же как и обозначенный выше вопрос о выражении «прогулках в вокзал» — нуждается в дальнейшем изучении на основе большего числа примеров из языка Достоевского.

В других случаях следует, напротив, восстановить вариант издания Стелловского: «Генерал иногда осмеливался противоречить, но скромно, единственно настолько, *чтоб* (в ПСС «*чтобы*» — С.К.) не уронить окончательно своей важно-

сти» ([1. С. 8]; ср.: [3. Т. 5. С. 210], «Минуты *чрез* (в ПСС «*через*» — С.К.) две, чуть-чуть только я стал ясно соображать, мне ярко представились дв емысли...» ([1. С. 255]; ср.: [3. Т. 5. С. 24]), «может, и *чрез* (в ПСС «*через*» — С.К.) сорок лет вспоминать буду...» ([1. С. 45]; ср.: [3. Т. 5. С. 282], «Вечером он появился *с нею* (в ПСС «*с ней*» — С.К.) под руку в воксале» [1. С. 27; 3. Т. 5. С. 247], «Телеграмму за телеграмму посылали: умерла *аль* (в ПСС «*али*» — С.К.) не умерла?» ([1. С. 29]; ср.: [3. Т. 5. С. 251], «...я помнил и сознавал, что иду к ней, сейчас *с нею* (в ПСС «*с ней*» — С.К.) сойду...» [1. С. 152]; ср.: [3. Т. 5. С. 295], «Они даже вздумали *надо мною* (в ПСС «*надо мной*» — С.К.) смеяться...» ([1. С. 56]; ср.: [3. Т. 5. С. 304], «стоит *пред ним* (в ПСС «*перед ним*») и на него смотрит...» [1. С. 20]; ср.: [3. Т. 5. С. 234], «Извиняться *пред баронессою* (в ПСС «*перед баронессою*» — С.К.) и бароном вы не будете» [1. С. 22]; ср.: [3. Т. 5. С. 237]. К тому же варианты Стелловского, в издании которого представлены языковые формы XIX века, сохранены в ПСС во многих других аналогичных случаях. См., например: «Возвращаясь *пред обедом* с детьми домой, я встретил целую кавалькаду» [3. Т. 5. С. 209], «...и даже во сне поминутно видел ее *пред собою*» [3. Т. 5. С. 214], «Между тем я слышал, как *чрез* соседнюю комнату кто-то прошел к монсиньору...», «*Чрез* минуту он был уже визирован» [3. Т. 5. С. 211], «Они все где-то гуляли в парке, и я успел увидаться *с нею* только за ужином» [3. Т. 5. С. 218], «Полина Александровна настаивала, чтоб я непременно разделил *с нею* сегодняшней выигрыш пополам...» [3. Т. 5. С. 219], «— Вы смеетесь, что ли, *надо мною*, — крикнул генерал» [3. Т. 5. С. 236], «Я все-таки был поражен, что она так высказалась, что она удерживает такое право *надо мной*, что она соглашается на такую власть *надо мною*» [3. Т. 5. С. 232]; в последней фразе по соседству находятся и тот, и другой варианты — С.К.).

В издании Стелловского слова “*mademoiselle*”, “*madame*”, “*monsieur*” встречаются как в полной, так и в сокращенной форме (“*m-lle*”, “*m-me*”, “*m-r*”). Так, “*Blanche*” только в первый раз названа “*mademoiselle Blanche*” [1. С. 7], а затем зовется по преимуществу “*M-lle Blanche*” [1. С. 7, 13, 14, 17, 23, 24, 27, 28, 30, 32—34, 37, 39, 41, 42, 62], “*m-lle Blanche de Cominges*” [1. С. 27, 30] и “*m-lle de Cominges*” [1. С. 30, 40, 54], а то и просто “*Blanche*” [1. С. 41, 42, 48, 55—59]. Аналогичным образом ее мать зовется “*m-meveuve Cominges*” [1. С. 30, 35] и в сходной манере упоминается “*M-me Blanchard*” [1. С. 50]. При этом слова “*m-lle*”, “*m-me*” безо всякой системы пишутся то с маленькой, то с большой буквы.

Когда в романе заходит речь об Антониде Васильевне, как правило, используется прономинация «бабушка», а почтительные обращения к ней “*madame la générale*”, “*Madame la princesse*”, “*Merci, madame...*», “*Mais, madame...*”, “*Madame, madame...*” [1. С. 32, 37, 42] даются в издании Стелловского, естественно, в полной форме. Это же касается обращений Де-Грие к Полине в письме: «*Mademoiselle*, писал Де-Грие...», «Надеюсь, *mademoiselle...*» [1. С. 49], в то время как в третьем лице употребляется сокращенная форма “*M-lle Pauline*” [1. С. 14, 54], “*M-lle Полина*” [1. С. 55]. Впрочем, когда обращение как таковое не имеет места, используются сокращенные формы: «Лакеи называют его “*M-r le comte*”, мать *M-lle Blanche* называется “*m-me la comtesse*”...» [1. С. 7]. Случаи обращения к *M-lle Blanche* в романе не отмечены, однако когда она сама воображает свое изменившееся общественное положение после того, как выйдет замуж за генерала, то начинает упо-

треблять по отношению к себе уважительные формы, в которые слово “madame” входит по преимуществу в полном виде: «Я буду “Madame la générale”», «Мне теперь нужно совершенно иначе держать себя <...> “M-me la générale de Sago-Sago”, “Madame la générale a quatorzeconsonnes”...» [1. С. 27, 30]. И точно так же, обращаясь к баронессе Вурмельгельм, Алексей Иванович говорит: “Madame la baronne...”, “Madame [1. С. 20], а Де-Грие упоминает Бланш и ее мать следующим образом: “M-lle Blanche de Cominges... et madamesamère...” [1. С. 24].

В ПСС все эти слова во всех случаях напечатаны в полной форме: “mademoiselle”, “monsieur”, “madame”, и этим нивелируется важная особенность текста романа, которая, конечно же, подлежит восстановлению по изданию Стелловского (как и прописная буква при написании всех этих слов, требуемая правилами вежливости во французской письменной речи).

Впрочем, другая особенность этого издания воспроизведена в ПСС совершенно напрасно. По-видимому, из соображений экономии бумаги в нем иногда на целую страницу нет ни одной красной строки (см., например, [1. С. 14, 17—19], а также [3. Т. 5. С. 216—217]). При этом даже некоторые диалоги идут в подбор с дальнейшим повествованием или размышлением героя-рассказчика, и в ПСС они иногда не отделены от них даже тире. Например: «Ну, довольно! И ненадо! — закричал я, странно волнуясь и не понимая, почему вскочило это мне в мысль! И когда, где, каким образом мистер Астлей мог бы быть выбран Полиною в поверенные?» [1. С. 68]; ср.: [3. Т. 5. С. 246].

Целый ряд фраз романа стилистически выглядят настолько шероховато (прежде всего с точки зрения порядка слов), что скорее всего, будь у Достоевского возможность спокойно пересмотреть текст, он бы их поправил: «В Париже и на Рейне, даже в Швейцарии, за табльдотами так много полячишек и им сочувствующих французигов, что нет возможности вымолвить слова, *если вы только русский*» [3. Т. 5. С. 210], «Он объявил мне, что был нынешним летом на Норд-Капе и что *весьма хотелось ему быть* на Нижегородской ярмарке» [3. Т. 5. С. 210] и т.п.

В некоторых поправках нуждается не только основной текст, но и опубликованные в ПСС варианты наборной рукописи. Так, например, вариант к строке 3 страницы 318: «и я в один час ~ изменить! / *я и* могу в один час воскреснуть из мертвых» [3. Т. 5. С. 345] — следует поправить на: «и я в один час ~ изменить! / *и я* могу в один час воскреснуть из мертвых» (РО ИРЛИ. Л. 129; рукой А.Г. Достоевской).

Оставляя в стороне вопросы орфографии и пунктуации, заметим только, что с этой точки зрения многое в издании Стелловского носит бессистемный характер и некоторые из этих особенностей текста, к сожалению, воспроизведены в ПСС.

Подводя итог нашему небольшому критическому анализу, скажем, что, несмотря на относительно высокий текстологический уровень академического издания Достоевского в 30 томах, разумеется, далеко не все дискуссионные вопросы текстологии романа «Игрок» в нем выявлены и тем более не все они разрешены удовлетворительным образом. В аналогичной текстологической проверке нуждаются, разумеется, и романы так называемого «великого пятикнижия».

2. К ТЕОРЕТИЧЕСКОМУ ПОНЯТИЮ «ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЙ КОММЕНТАРИЙ»

Как известно, комментарий к художественным произведениям в научных и популярных изданиях носит в основном историко-литературный характер и включает в себя реальный, исторический, интертекстуальный и биографический, а также текстологический комментарий. Интерпретации же художественных произведений производятся, как правило, в особых статьях и монографиях. К сожалению, обыкновенно эти интерпретации лишь самым незначительным образом опираются на научный комментарий.

Впрочем, у меня сложилось убеждение в том, что, помимо историко-литературного комментария к художественным произведениям, к ним следует составлять, условно говоря, «интерпретативный комментарий». И научная интерпретация должна базироваться в первую очередь именно на нем.

В этот интерпретативный комментарий следует включать прежде всего основные сквозные и повторяющиеся мотивы художественного произведения, которые непосредственно конструируют его смысл. Сюда же стоило бы отнести и интертекстуальный комментарий, который должен, однако, включать в себя не отдельные реминисценции, как правило, спорадически отмечаемые в историко-литературном комментарии, а воссозданную интертекстуальную структуру литературного произведения, т.е. выделение основных пре- и гипотекстов, скрыто как бы инструментирующих его, а также проявление их на микроуровне, т.е. на уровне отдельных реминисценций, референций и аллюзий [4].

Не имеет принципиального значения, будет ли подобный интерпретативный комментарий предварительно опубликован или проделан исследователем для себя. Важно то, что он, по моему убеждению, должен предшествовать любым попыткам научной интерпретации. Только предварительное выполнение этой отчасти технической задачи позволит филологу в статье избежать интерпретации того или иного фрагмента произведения в отрыве от контекста или без учета его конкретной художественной функции.

Приведу только один пример. Упоминание героем-рассказчиком «Игрока» подруги M-Ile Blanche Cléorâtre интерпретируется некоторыми исследователями как отсылка к пушкинским «Египетским ночам» [5. С. 195]. Между тем контекст романа: «На остальные пятьдесят тысяч она завела экипаж, лошадей, кроме того, мы задали два бала, то есть две вечеринки, на которых были и Hortense Lisette и Cléorâtre — женщины замечательные во многих и во многих отношениях и даже далеко недурные» (здесь и далее курсив мой — С.К.) — носит характер аллюзии и намекает на дополнительные сексуальные связи повествователя, доставленные ему Blanche. Причем связи эти начисто лишены сколько-нибудь демонического оттенка.

В чем же основной смысл романа Достоевского «Игрок», как легко он выводится из анализа основных его лейтмотивов? В отличие от «Преступления и наказания», романа о погибшем человеке, «воскресающем» благодаря чудодейственной силе любви к нему женщины, «Игрок» — это роман о людях, погибающих под губительным действием разрушительных страстей и даже еще не осознавших или не вполне осознавших, что они «погибают». Проблески такого осознания у

Алексея Ивановича: «Я просто сгубил себя!» — тут же сменяются надеждами на воскрешение: «Я завтра могу из мертвых воскреснуть и вновь начать жить. Человека могу обрести в себе, пока еще он не пропал!» [3. Т. 5. С. 311]; ср. в «Преступлении и наказании»: «Тут так-таки разом и ухлопал себя, навеки!» [3. Т. 6. С. 322]. «Завтра, завтра все кончится!» — таковы финальные слова героя-рассказчика, надеющегося все внезапно поправить удачной игрой, в то время как читатель догадывается, что скорее сбудутся ожидания мистера Астлея, который пророчит ему: «... вы останетесь здесь, и *ваша жизнь кончена*» [3. Т. 5. С. 317].

Между прочим, аналогичным образом с самого начала инструментован образ «генерала». В уста мистера Астлея еще в главе VIII вложена реплика: «Генерал — несчастный человек. Я видел вчера, как *mademoiselle Blanche* скакала на прекрасной лошади с *monsieur Де-Грие* и с этим маленьким русским князем, а генерал скакал за ними на рыжей лошади. Он утром говорил, что у него болят ноги, но посадка его была хороша. И вот в это-то мгновение мне вдруг пришло на мысль, что это *совершенно погибший человек*» [3. Т. 5. С. 248—249].

И далее в обрисовке обоих героев, погибающих в итоге от хотя и разных («любовь» в одном случае и «игра» в другом), но одинаково губительных страстей, подчеркиваются одни и те же мотивы нарастающего безумия: «Генерал шел, как будто *ошеломленный ударом дубины по голове*» [3. Т. 5. С. 256]; «Он *помешался*, по крайней мере, *в высшей степени потерялся*» [3. Т. 5. С. 287]; «Он упал без чувств, а потом всю неделю был *почти как сумасшедший* и заговаривался» [3. Т. 5. С. 307]. Ср. также: «родные дети генерала, уж совершенно брошенные этим *сумасшедшим человеком*» [3. Т. 5. С. 249].

В случае с героем-рассказчиком мотивы нарастающего безумия представлены как прямо и открыто, так и исподволь: «я, в дороге, и *тосковал как сумасшедший, метался как угорелый*, и даже во сне поминутно видел ее пред собою» [3. Т. 5. С. 249]; «Вы понимаете, почему на меня нельзя сердиться: *я просто сумасшедший*» [3. Т. 5. С. 230]; «Я вышел от бабушки *как одурманенный*» [3. Т. 5. С. 268]; «Я был как в горячке...» [3. Т. 5. С. 292].

Непрямое введение мотивов безумия дано через скрытые отсылки к гоголевским «Запискам сумасшедшего»: «...мелькнет иной раз теперь в моей голове: “Уж не сошел ли я тогда с ума и не сидел ли все это время где-нибудь *в сумасшедшем доме*, а может быть, и теперь сижу, — так что мне все это показалось и до сих пор только кажется...” Я собрал и перечел *мои листки*. (Кто знает, может быть, для того, чтобы убедиться, *не в сумасшедшем ли доме я их писал?*)» [3. Т. 5. С. 281]. Фраза из письма Алексея Ивановича к Полине: «...а я покамест сижу *в своей комнате*, по крайней мере *большую часть...*» [3. Т. 5. С. 286] — содержит скрытую цитату из «Записок сумасшедшего». Ср. у Гоголя: «Дома *большую часть* лежал на кровати. <...> После обеда *большую часть лежал на кровати*. <...> *Большую часть лежал на кровати*» [6. С. 201]. Сознание того, что человек, страстно увлеченный игрой, похож на сумасшедшего, сохранилось у Достоевского и впоследствии. После одного из последних в жизни писателя проигрышей он писал А.Г. Достоевской 16 (28) апреля 1871 г.: «Не сумасшедший же я вовсе! <...> Не думай, что я сумасшедший, Аня, ангел-хранитель мой!» [3. С. 29 (1), 198, 199, 200].

Мотивам сумасшествия в изображении героя-рассказчика сопутствуют мотивы сна, бреда, вихря, вихревого кружения: «все это пролетело *как сон*, — даже страсть моя, а она ведь была сильна и истинна...» [3. Т. 5. С. 281], «живу <...> под влиянием всего этого *недавнего вихря*, захватившего меня тогда в этот *круговорот* и опять куда-то выбросившего <...> Мне все кажется порой, что я все еще *кружусь в том же вихре* и что вот-вот опять *промчится эта буря*, захватит меня мимоходом своим крылом и я выскочу опять из порядка и чувства меры и *закружусь, закружусь, закружусь...*» [3. Т. 5. С. 281], «Точно уж так дороги мне этот *безобразный сон* и все оставшиеся по нем впечатления...» [3. Т. 5. С. 282], «Воротаясь домой, я был уже *как закруженный*» [3. Т. 5. С. 302], «Может быть, и действительно правда, что я не вынес денег и *закружился*» [3. Т. 5. С. 302], «Что я скажу о Париже? Все это было, конечно, *бред* и дурачество» [3. Т. 5. С. 303].

При этом жизни как генерала, так и героя-рассказчика в Париже приданы черты неподлинного существования, ощущаемого самими героями: «Много раз я замечал, впрочем, что ему становилось грустно, кого-то и чего-то было жаль, кого-то недоставало ему, несмотря даже на присутствие *Blanche*» [3. Т. 5. С. 308], «Я, конечно, живу в постоянной тревоге» [3. Т. 5. С. 302].

Своего рода временное помешательство, под влиянием той же страсти к игре, что и у Алексея Ивановича, происходит в романе и с «бабушкой». При этом с ней случается именно то, за что она так презирала генерала: «Не взыщи на мне, старой дуре. Теперь уж не буду молодых обвинять в легкомыслии, да и того несчастного, генерала-то вашего, тоже грешно мне теперь обвинить.<...> Подлинно, бог на старости взыщет и накажет гордыню» [3. Т. 5. С. 288]; аналогичным образом извиняют заблуждения страсти Полина и (в ее передаче) мистер Астлей: «Знаешь, он “генерала” извиняет; он говорит, что *Blanche*... что страсть, — ну не знаю, не знаю, — вдруг повторила она, как бы заговорясь и потерявшись. — Бедные они, как мне их жаль, и бабушку» [3. Т. 5. С. 297].

По иронии судьбы с генералом и в самом деле происходит как раз то, что Де-Грие дважды говорит о «бабушке» — причем в том числе и самому генералу: «*Cette vieille est tombée en enfance*, — шепнул мне Де-Грие» [3. Т. 5. С. 256], «*Elle est tombée en enfance*, — повторял Де-Грие генералу» [3. Т. 5. С. 259]. С ним случается «что-то вроде припадка», после которого он действительно как бы «впадает в детство»: «Рассуждать или даже только вести кой-какой немного серьезный разговор он уж совершенно не мог; в таком случае он только приговаривал ко всякому слову “гм!” и кивал головой — тем и отделялся. Часто он смеялся, но каким-то нервным, болезненным смехом, точно закатывался; другой раз сидит по целым часам пасмурный, как ночь, нахмутив свои густые брови. Много он совсем не припоминал; стал до безобразия рассеян и взял привычку говорить сам с собой» [3. Т. 5. С. 307].

Прочные народные основания характера «бабушки», ее близкая к народной религиозность позволяют ей — единственной в романном пространстве «Игрока» — преодолеть свою страсть и вернуться на родину. Так, роман о погибающих в водовороте губительных страстей людях оказывается в то же время и размышлением о путях спасения.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Всем вышеперечисленным лейтмотивам романа соответствует, разумеется, художественная организация текста на самых различных ее уровнях. И все это вместе образует ту основную его диалектику и тот соответствующий ей музыкально-повествовательный пласт, которые и должны быть положены, по моему убеждению, в основу как интерпретации всего романа, так и толкования его отдельных эпизодов.

Так, самый общий интерпретативный комментарий к художественному произведению закладывает основы его интерпретации, а более детальный комментарий такого рода и выявление полной интертекстуальной структуры произведения может стать руководством к действию при герменевтических процедурах, направленных на понимание других его аспектов.

© Кибальник С.А., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 4 т. Издание и собственность Ф. Стелловского. СПб.: В тип. Ф. Стелловского, 1866. Т. 3.
- [2] Описание рукописей Ф.М. Достоевского / ред. В.С. Нечаевой. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
- [3] *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972—1990.
- [4] *Кибальник С.А.* Новая наука интертекстология // Культура и текст. 2016. № 2 (25). С. 196—214.
- [5] *Жилякова Э.М.* Синтез эпического и драматического начал в творчестве Достоевского (от романа «Игрок» к рассказу «Вечный муж») // Творчество Ф.М. Достоевского: Искусство синтеза: сб. ст. / ред. Г.К. Щенникова, Р.Г. Назирова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 195.
- [6] *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений: В 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 5.
- [7] *Достоевский Ф.М.* Записки из подполья. Игрок // вст. ст. и примеч. Б.Н. Тихомирова. СПб.: Вита Нова, 2011.

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-83-10034), ИРЛИ РАН.

История статьи:

Поступила в редакцию: 01.01.2017

Принята к публикации: 10.01.2017

Модератор: О.А. Валикова

Для цитирования:

Кибальник С.А. О тексте литературного произведения и интерпретативном комментарии к нему (на материале романа Ф.М. Достоевского «Игрок») // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность.* 2017. Т. 14. № 1. С. 93—101.

Об авторе:

Кибальник Сергей Акимович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН, заведующий Отделом новейшей русской литературы. E-mail: kibalnik007@mail.ru

ON THE TEXT OF A WORK OF LITERATURE AND ON ITS INTERPRETATIVE COMMENTARY (BASED ON THE MATERIAL OF DOSTOEVSKY'S NOVEL "THE GAMBLER")

Sergey Kibalnik

Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences
Naberezhnaya Makarova, 4, St. Petersburg, Russia, 99034

This paper deals with new theoretical approach to literary text, which is called 'interpretative commentary'. We have tried to demonstrate it on the material of F. Dostoevsky's novels. In spite of a long story of Dostoevsky's novels' academic publishing their texts still need some corrections. As for their interpretation it should be based on a special, not textological or historical but on so called "interpretative" commentary. Methods used in the article are historical, biographical, literary review; interpretative commentary.

Key words: text, Dostoevsky, novel, commentary, manuscript, workbook

REFERENCES

- [1] Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij: V 4 t. [Dostoyevsky F.M. Complete works in 4 volumes]. Izdanie i sobstvennost' F. Stellovskogo. SPb.: V tip. F. Stellovskogo, 1866. T. 3.
- [2] Opisanie rukopisej F.M.Dostoevskogo [Describing of F. Dostoyevsky manuscripts] / Red. V.S. Nechaevoj. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1957.
- [3] Dostoevskij F.M. Poln. sobr. soch.: V 30 t. [Dostoyevsky F.M. Complete works in 30 volumes]. Leningrad: Nauka, 1972—1990.
- [4] Kibal'nik S.A. Novaya nauka intertekstologiya [New Science of Intertextology] // Kul'tura i tekst. 2016. № 2 (25). S. 196—214.
- [5] Zhilyakova E.M. Sintez ehpiceskogo i dramaticheskogo nachal v tvorchestve Dostoevskogo (ot romana «Igrok» k rasskazu «Vechnyj muzh») [Synthesis of epos and drama in Dostoyevsky's creativity (from the novel "Player" to the story "Eternal Husband")] // Tvorchestvo F.M.Dostoevskogo: Iskusstvo sinteza: Sb. st. // Red. G.K. Shchennikova, R.G. Nazirova. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1991. S. 195.
- [6] Gogol' N.V. Polnoe sobranie sochinenij [Gogol N.V. Complete works] Moscow, L.: Izd-vo AN SSSR, 1938. T. 5.
- [7] Dostoevskij F.M. Zapiski iz podpol'ya. Igrok // Vst. st. i primech. B.N.Tihomirova. SPb.: Vita Nova, 2011.

Article history:

Received: 01.01.17

Accepted: 10.01.2017

Moderator: O.A. Valikova

For citation:

Kibalnik S. (2017). On the text of a work of Literature and its interpretative commentary. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 14 (1), 93—101.

Bio:

Kibalnik Sergey, Doctor of Philology, Head of Department of New Russian Literature of Pushkin House. E-mail: kibalnik007@mail.ru

УДК 81'25

DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-1-102-109

СЛОВАЦКАЯ ПОЭЗИЯ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

Н. Муранска

Университет им. Константина Философа
1, 949 74, Триеда Андрея Глинку Нитра, Словакия

В начале XXI в. в России были изданы два сборника переводов словацкой поэзии на русский язык («Голоса столетий», 2002, и «Из века в век», 2006, 2015). В нашей статье рассматриваются переводы русских переводчиков Б. Окуджавы, О. Малевича, А. Машковой, Н. Шведовой словацкой поэзии, а именно стихотворений Мирослава Валека, Любомира Фелдека и Штефана Стражая, опубликованных в названных сборниках. Исходя из анализа переводимых данными переводчиками стихотворений, мы пришли к заключению, что переводчики сохраняют свое собственное авторское восприятие, видение, понимание словацкой поэзии. В переводах чувствуется лишь минимальная трансформация, например, на стилистическом и семантическом уровнях; также при переводе отдельных словацких страноведческих реалий заметно неполное понимание некоторых специфических реалий.

Ключевые слова: стихи, адекватность перевода, переводческие стратегии

1. ВВЕДЕНИЕ

Краткий исторический очерк словацко-русских и русско-словацких контактов. Словацко-русские и русско-словацкие культурные и литературные контакты проходили и проходят специфические фазы и этапы, в которых по-разному играли свою роль экономические, социальные, духовные, но зачастую и политико-идеологические обстоятельства. После 2000 г., причем вопреки не очень благоприятной ситуации в России, были изданы две книги поэзии, которые заслуживают нашего повышенного исследовательского внимания. Это два сборника переводов словацкой поэзии на русский язык: в 2002 г. — «Голоса столетий» [1] и в 2006 г. — «Из века в век» [2] (2-е издание 2015 г. [3]).

Словацкую поэзию переводили в России с XVIII в. Надо отметить, что затруднения при переводе касались не только исторического фона (Словацкая Республика возникла только в 1993 г.; до того Словакия была составной частью Австро-Венгрии, Чехословакии, Чехословацкой Республики, Чехословацкой Социалистической Республики), но и языковых осложнений: словацкий литературный язык существует только с 1843 г. И до, и после языковой реформы этого года писатели реализовали себя на разных языках, таких как старославянский, латынь, венгерский, чешский, словакизированный чешский, или так называемая «бернолаковщина».

Что касается переводов прозы, ситуация в сущности повторяется. Нельзя не упомянуть труды профессора МГУ Аллы Машковой, под редакцией которой было издано (кроме антологии словацкой поэзии) несколько важных публикаций, переводов словацкой прозы на русский язык, например, две книги словацких новелл «Дунайская мозаика» [4; 5], учебное пособие «Словацкая литература XX века» [6].

2. СЛОВАЦКАЯ ПОЭЗИЯ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

2.1. Два сборника словацкой поэзии в русских переводах XXI в.

Первый сборник — «Голоса столетий» — предлагает русскому читателю переводы словацких стихов, начиная с первых памятников письменности и заканчивая творчеством современных поэтов. Идейным вдохновителем сборника является профессор Алла Машкова.

Сборник состоит из трех частей: «Проглас» [1. С. 16—57] — словацкая поэзия от истоков до конца XVIII в. (1-я часть) [1. С. 58—133]; словацкая поэзия XIX в. (2-я часть); словацкая поэзия XX в. (3-я часть) [1. С. 134—387]. В сборнике имеется вступительная статья поэта, литературоведа, переводчика, профессора Университета им. Коменского в Братиславе Яна Замбора. Сборник «Голоса столетий» является своего рода первым словацко-русским сборником такого уровня в России вообще.

Во второй сборник — «Из века в век» [2] — входят стихотворения словацких поэтов второй половины XX в. — от поэтов старшей генерации (например, Войтех Мигалик, Мирослав Валец, Милан Руфус) до современных молодых авторов, среди которых Юрай Калницки, Павол Яник, Штефан Храппа, Мариан Групач. Всего в сборник входят 66 авторов. В конце сборника содержится краткая информация об авторах. Поэты в сборнике представлены по хронологическому принципу (по дате рождения). Как пояснил бывший председатель Общества словацких писателей Павол Яник и автор предисловия, «... повествуя о словацкой поэзии второй половины XX века и “распределяя” поэтов по группам, легко запутаться среди условностей и сбиться с магистрального пути на второстепенные дороги. Золотой список современной словацкой поэзии и полифонию ее высокого звучания постепенно и каждый по-своему расширяли представители многих поколений, сторонники разнообразных взглядов и литературных течений» [3. С. 16].

2.2. Словацкие оригиналы vs. русские переводы

Нам хотелось бы рассмотреть переводы некоторых стихотворений из обоих сборников. Они выполнены разными переводчиками, а именно: стихотворение Мирослава Валека «Kalendár» («Календарь»), которое перевели Б. Окуджава и Н. Шведова; стихотворение Любомира Фелдека «Nad vlastnou básňou» («Над своими стихотворениями» или «Над собственным стихотворением») в переводах Владимира Бурича и Олега Малевича и стихотворение Штефана Стражайа «November» («Ноябрь»), которое перевели Алла Машкова и Олег Малевич.

Разнообразие переводов словацких стихов на русский язык актуализирует проблемы восприятия, интерпретации, эквивалентности, субституции, а также сти-

листических, интонационно-ритмических и семантических соотношений, возникающих в переводах.

Miroslav Válek. «Kalendár»

Január, február, marec, apríl, máj,
a iné luny,
Na chvíľu ma miluj ako naozaj!
Počúť, ako z hrdla noci strieka krv
a ako pijú kuny. [2. С. 50]

Перед нами пять силлабо-тонических строк с традиционной рифмой (máj — naozaj, luny — kuny), которые выражают мечту, желание любить и быть любимым в течение времени (названия месяцев), а не только играть в любовь, притворяться в любви в ночных кровотечениях тел и душ (метафора — «krvavé hrdlo noci», «кровавое горло ночи»).

Булат Окуджава. «Календарь»

Январь, февраль, апрель, июнь... (вместо *Január, február, marec, apríl, máj*)
Времени биение. (вместо *a iné luny/другие месяцы*)
(из последующих трех строк
переводчик сделал семь!)

Люби меня по-настоящему хоть одно мгновение!
Услышать бы, как из горла ночи
кровь
бьет,
как куница с ворчанием
эту кровь
пьет. [1. С. 292]

Формально классическое стихотворение Валека (пять строк, рифма) трансформировалось: изменилось на формально современное стихотворение — девять стихотворных строк, слова, выступающие самостоятельными стихотворными строками. Значение паузы дано не только для внутреннего ритма и интонации стихотворения, но и для семантического приращения смысла. Эту проблематику прекрасно рассмотрел Ян Замбор в статье «Три точки и тире в лирике Ивана Краско» [9. С. 27—37].

Однородный, гомогенный (но внутренне драматический) мир поэзии Валека переводчик Булат Окуджава изменил в неоднородный, гетерогенный мир, распавшийся на самостоятельные и одинокие элементы.

Другой вариант этого стихотворения предлагает русскому читателю переводчик Наталия Шведова. Ее перевод — строфически, семантически и ритмико-интонационно — кажется нам более адекватным по отношению к оригиналу. Перевод Шведовой формально (соблюдение пяти строк) и семантически почти тождествен со словацким оригиналом:

Наталия Шведова. «Календарь»

Январь, февраль, март, апрель, май —
Лун вереницы.

Мне на минуту любовь настоящую дай!
Слышно, как брызжет у ночи из горла кровь
И как пьют куницы. [2. С. 51]

Перевод Окуджавы — более экспрессивный, более эмоциональный, сосредоточенный на онтологических и эстетических микроэлементах текста. Перевод Шведовой — более адекватный, сосредоточенный на макроэлементах оригинала. Приведенные отличия, варианты обусловлены не восприятием, интерпретацией, идеологическим взглядом эпохи (оба перевода возникли почти одновременно), а индивидуальным восприятием текстов переводчиками.

Стихотворение Любомира Фелдека с названием «Nad vlastnou básňou» рисует образ поэта, который ручкой (как шприцем) высасывает слова (кровь), которых “stačia na rozbor tvojej duše” («хватит для анализа твоей души»); каждое стихотворение требовало много крови, энергии, которая шприцами и возрастом автора исчерпается, оставив читателю интимную (сокровенную) информацию о его внутреннем мире.

E. Feldek. «Nad vlastnou básňou»
Prezeráš si vlastnú báseň
Ako starú fotografiu
Si to teraz ty
nad svojou rukou s perom
ktoré ako injekčná striekačka pri odbere krvi
pomaly vyťahuje z teba niekoľko slov
ktoré stačia na rozbor tvojej duše. [2. С. 146]

B. Бурич. «Над своими стихотворениями»
Ты рассматриваешь свои стихотворения
Как старые снимки
А это ты сейчас
склоненный над своей рукой с пером
которое как шприц берущий кровь
вытягивает из тебя немного слов
которых хватит для анализа твоей души. [1. С. 337]

O. Малевич. «Над собственным стихотворением»
Смотришь на собственное стихотворение
как на старую фотографию
Это ты теперь
над своей рукой с пером
которая подобно шприцу
медленно вытягивает из тебя кровь слов
чтобы их хватило для анализа твоей души. [2. С. 147]

Инвариант стихотворения Фелдека в двух русских вариантах оказывается почти одинаковым — отличия между вариантами минимальны: перевод Бурича более прозаический, перевод Малевича тяготеет к поэтичности, придает окончательному варианту образность и метафоричность.

Третьим стихотворением является поэтический текст Штефана Стражайа «November». Ноябрь, который наступает после торжественного падения листьев, приносит прекрасный солнечный день (когда человек верит, надеется), но солнечный ноябрьский день — это только иллюзия, так как ноябрьское солнце приносит и вести о зиме (все имеет свой конец, человеческая жизнь тоже).

Štefan Strážay. «November»
Po mnohých tmavých týždňoch,
po tom, čo dažde ničili
tvary krásnej krajiny. [2. С. 186]

Олег Малевич. «Ноябрь»
После многих темных недель,
во время которых дожди уродовали
прекрасные формы природы. [2. С. 187]

Алла Машкова. «Ноябрь»
После долгой непогоды
и дождей, что разрушают
облик милого сердцу края. [1. С. 353]

Оригинал использует принцип градации (после недель... после...), принцип контраста (темные недели — солнечный ноябрь). Переводы лишены градации, а контраст образуют иным смыслом: “Po mnohých tmavých týždňoch” (после многих темных недель) у Машковой меняется на «После долгой непогоды», у Малевича на «После многих темных недель»; строка Стражая “*dažde ničili tvary krásnej krajiny*” (дожди уничтожили вид прекрасного края), меняется на «облик милого сердцу края» у Машковой и «прекрасные формы природы» у Малевича.

Примерно такие стилистические и семантические трансформации мы находим и в остальных строках (мы рассмотрели только первые три строки).

3. ИДИОСТИЛЬ ПЕРЕВОДЧИКА VS АДЕКВАТНОСТЬ ПЕРЕВОДА

Переводчики передают одно и то же стихотворение своим собственным способом, который трансформирует исходную эстетическую, духовную информацию (смысл) оригинала в новую, иногда своеобразную информацию.

В процессе перевода словацкой поэзии на русский язык заметно, что классические рифмованные стихотворения заставляют переводчиков в большей степени соблюдать и уважать оригинал, начиная с формальной точки зрения и впоследствии учитывая и другие пласты исходного текста. Белый, свободный стих перевода допускает индивидуальные субституции, теряя ритмико-интонационный базис, основу оригинала и заменяя ее более свободным стихом; он делает текст более прозаическим (с употреблением прозаических предложений, деепричастий и т.д.)

Переводчик не всегда понимает национальную модальность оригинала, например: Валек — “*Odlož ma ako zimnú hrušku/nechaj ma aspoň do Vianoc*” «под-

строчно — отложи меня как зимнюю грушу/не трогай меня хотя-бы до Рождества» [2. С. 50].

Стихотворение отражает и социальный момент жизни словаков, их материально трудную жизнь, когда под праздничную елку родители клали детям только дары природы — орехи, яблоки, груши... Эти ассоциации переводчик, может быть, не разглядел, не знал, поэтому цитированное стихотворение он переводит следующим образом: «Отложи ты меня словно зимнюю грушу» (перевод до сих пор был адекватен оригиналу), но — «Ты останься со мной хотя бы до Рождества» [1. С. 292]. В оригинале поэт хочет стать для любимой подарком, сладким сюрпризом под христовой елкой; в переводе поэт просит остаться с любимой до Рождества, что совсем нелогично. Таких микростилистических трансформаций, новых эквивалентов находим и больше. Надо сказать, что не всегда они не снижают эстетико-духовный уровень оригиналов.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение хочется выразить благодарность переводчикам, издателям сборников словацкой поэзии на русском языке за их труд, за продолжение традиции словацко-русских литературных и культурных связей и контактов, за то, что их души созвучны с нашими славянскими чувствами и с нашей любовью к русской и словацкой культуре.

Слова прекрасного русского словакиста и словакофила Михаила Письменного можно отнести не только к антологии «Голоса столетий» и к сборнику «Из века в век», но и к другим трудам современных русских словакистов: «... это поворот к духовной свободе, открытая дверь в духовный мир родственного нам народа и просто интересная книга. Ее публикация видится значительным явлением в сегодняшней литературной жизни России, и не только России. В словацкой печати отмечалась необходимость поддерживать распространение этого издания в мире, потому что русский язык — один из языков мирового общения, на котором словацкая поэзия будет услышана во всех странах» [8. С. 159—161].

© Муранска Н., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Машкова А.Г., Шведова Н.В.* Голоса столетий: антология словацкой литературы от истоков до конца XX века. М.: МГУ, 2002. 412 с.
- [2] *Гловюк С.Н., Калницкий Ю.* Из века в век. Словацкая поэзия. М.: Пранат, 2006. 527 с.
- [3] *Гловюк С.Н.* Славянская поэзия 20-21 в. Словацкая поэзия. М.: МАГИ, 2015. 529 с.
- [4] *Машкова А.Г.* Дунайская мозаика. Словацкая новелла XX века. Книга 1. М.: МИК, 2008. 368 с.
- [5] *Машкова А.Г.* Дунайская мозаика. Антология словацкой новеллы. Вторая половина XX века — начало XXI века. Книга 2. М.: МИК, 2009. 544 с.
- [6] *Машкова А.Г.* Словацкая литература XX века: учеб. пособие. М.: МГУ, 2003. 576 с.
- [7] *Яник П.* Страна под Татрами. Из века в век. Словацкая поэзия. М.: Пранат, 2006. 528 с.
- [8] *Письменный М.А.* Словацкие голоса столетий. Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. № 4. С. 159—161.
- [9] *Zambor J.* Tri bodky a pomlčky v lyrike Ivana Krasku. Báseň a ticho. Bratislava, NLC, 2007. 190 с.

История статьи:

Поступила в редакцию: 16.11.2016

Принята к публикации: 16.12. 2016

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Для цитирования:

Муранска Н. Словацкая поэзия в русских переводах // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность.* 2017. Т. 14. № 1. С. 102—109.

Об авторе:

Наталья Муранска, профессор кафедры русистики философского факультета Университета им. Константина Философа, г. Нитра, Словакия. E-mail: nmuranska@ukf.sk

SLOVAK POETRY IN RUSSIAN INTERPRETATIONS

N. Muranska

Constantine the Philosopher University
1, 949 74, Trieda Andreja Hlinku Nitra-Chrenová, Slovak Republic

At the beginning of the 21st century, the two Slovak poetry collections were published in Russian language (“Golosa stoletij”, 2002 and “Iz veka v vek”, 2006, 2015). The article gives not only the information on the mentioned two books, but much attention is given to the way of translation of Slovak authors (M. Valek, L. Feldek, S. Strazhay) by Russian translators (B. Okudzhava, O. Malevich, A. Mashkova, N. Shvedova). It is shown that the Russian translators retain their own perception, feeling and understanding of Slovak poetry. Certain inadequate transformations in the translation are noticeably just in the stylistic and semantic levels, as well as in the not a full understanding of some specific Slovak historic-cultural reality by translators.

Key words: poetry, translations, translators’ strategies

REFERENCES

- [1] Mashkova A.G., Shvedova N.V. Golosa stoletij: antologija slovackoj litertury ot istokov do konca 20 veka. [The voices of the centuries: anthology of Slovak literature from the very beginning to the end of 20 century. Moscow, MGU, 2002. 412 p.
- [2] Glovjuk S.N., Kalnickij Ju. Iz veka v vek. Slovackaja pojezi. [From century into the century. Slovak poetry] Moscow, Pranat, 2006. 527 p.
- [3] Glovjuk S.N. Slavjanskaja poezija 20-21 v. Slovackaja poezija. [The Slavic poetry of the 20-21st century. Slovak poetry]. Moscow: MAGI, 2015. 529 p.
- [4] Mashkova A.G. Dunajskaja mozaika. Slovackaja novella 20 veka. Kniga 1. [Danube mosaic. Slovak short story of 20th century. Book 1]. Moscow, MIK, 2008. 368 p.
- [5] Mashkova A.G. Dunajskaja mozaika. Antologija slovackoj novelly. Vtoraja polovina 20 veka — nachalo 21 veka. Kniga 2. [Danube mosaic. Anthology of the Slovak short story. From the second half of 20th century till beginning of 21st century. Book 2]. Moscow, MIK, 2009. 544 p.

- [6] Mashkova A.G. Slovačková literatura 20 veka. Učebnoe posobie [Slovak literature of 20th of century]. Moscow. MGU, 2003. 576 p.
- [7] Janik P. Strana pod Tatrami. Iz veka v vek. Slovačková poezija. [The country under the High Tatras. From century into the century. Slovakia poetry]. Moscow, Pranat, 2006. 528 p.
- [8] Pismennyj M.A. Slovačkové golosa stoletij. [Slovakia voices of centuries]. Vestnik moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologija. № 4. Pp. 159–161.
- [9] Zambor J. Tri bodky a pomlčky v lyrike Ivana Krasku. Basen a ticho [The three dots and the apostrophes in Ivan Krasko's poetry. The verse and the silence]. Bratislava, NLC. 2007. 190 p.

Article history:

Received: 16 November 2016

Accepted: 16 December 2016

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

For citation:

Muranska N. (2017). Slovak poetry in Russian interpretations. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 14 (1), 102–109.

Bio:

Muranska Natalia, Professor of Department of Russian Studies, Faculty of Arts, Constantine the Philosopher University in Nitra. E-mail: nmuranska@ukf.sk

DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-1-110-115

BLACK MIRROR: DESTROYING THE IDYLL OF HAPPY CHILDHOOD, OR THE SOCIUM TODAY IN THE MILLENIALS' POETRY

S. Danilova

Philology, History and Culture of the USA, St. Petersburg University
Universitetskaya, 7-9, St. Petersburg, Russia, 199034

This essay is a look into the black mirror of lost — or inversed — myths. It's about the society of disconnected people; about new generation of creative persons — the Millenials — who are trying to find their own place in the world by different ways, and the major of them is Poetry.

Stefania Danilova is the youngest member of Writers' Union of Russia. She is polylingual and polycultural poet, one of the “Lighthouse keepers” of modern literature as the heroes of her essay — millenials, children with “older hearts”.

Key words: Millenials, Poetry, Childhood

1. GENERATION “Z”

For the majority of people childhood semantics is homogeneous: the warmth of mother's hands, Granny's care, the huge world, milk froth, the sweets of friendship, reverential waiting for a miracle, Santa Claus, or waiting for daddy from his job. We interviewed a number of people, what they associate with the phrase “the poems about childhood and children”. The answers were as follows: dedication of the mother to her child; text about children's joys and sorrows, initially of recognition, novelty of just opened the world; easy for reading and memorizing poems on behalf of a kid, who is just starting to get acquainted with the world of letters, sounds and words, couplets, the good fairy tales. As to millennials, they write about childhood in dark shades.

Let's define who we mean by millennials. It is people born in the late 80's and early 90's. Most of them already have several published books or, at least, public, numbering from a few dozen to a few hundred thousand subscribers. The variety of definitions of the word “poet” is widely discussed both in the style of Kitchen Philosophy and in TED sensational stand up lectures. The discourse of modern network literature offers a wide variation of the interpretation of the symbolism of the already established images. We will not discuss texts about happy childhood and fairy tales for children — they merit a separate article. This research is an analytical slice of non-standard, complex, and heavy images of childhood and child himself. It is done through the prism of poems, and their authors are of our time.

2. SHAPES OF THE MIRROR

Here they are, in atypical genres of Millenials' poetry.

Letters-prolepsises to unborn children

The term “children’s children” was first used in the 60’s regarding the Hippie movement. It includes both the typical symbols of child (laughter, crying with no reason, infinite energy, lack of fear, “no” to war and violence, and openness to the world) and tininess towards the world and inadaptability to life. The text of the poetess Springteen refers, in fact, to the hippies’ grandchildren. What can a parent, who is in the dark of how to live a life, teach his child? And what will the grandchild learn? To what will this “infantilism chain”, where all the links are weak, lead? In a poem, addressed to a lyric heroine’s potential daughter, the author raises a sharp social problem of human weakness — when it comes to its social role as a parent. The text was repeatedly published on variety of child-free forums and gained whole-hearted support among their inhabitants (child-free are people who consciously choose not to have children. — Author’s note). The semantic field of childhood from this author is a cold winter field: “blank incurious stare” (lack of trust between mother and daughter), “foisted patronymic” (you can include any person the passport column “father”). The childhood becomes endless and lingering like a disease for many children: hence the metaphor “The Epidemic of Infantilism”. Lyrical heroine is afraid to give birth and then make changes to a sophisticated “program” called “Human”, because she is already “programmed” as of no account.

Ты не создана, а о тебе уже говорят. Выбирают едва ли не университет. Открывают проект, закладывают заряд, и отводят сухие ладони семи смертей. Мне заведомо страшно за твой безразличный взгляд. Мне заведомо больно за пение в пустоте.

Ибо дети детей однажды продолжат ряд и появятся снова дети детей детей. Запрещу тебе петь: это значит, ты будешь петь. Разрешу стихи: не захочется ни строки.

Потому что тетрадка в клетку — простая клеть, даже если все это игры в черновики.

Это путь, на который не надо успеть успеть. Это то, от чего, пожалуйста, убег.

Будь луной и водой, и зря слова не роняй. Ибо тянется солнце к солнцу, огонь к огню.

Я боюсь создавать тебя и потом менять. Мать меня не вернула. А я тебя ли — верну?

Ибо дети детей появятся от меня. И последним не быть — ни одному звену. Эпидемию инфантильности, красных слов, синих глаз, подкидного отчества, тошноты не схватить бы студенным ветром чужих голов, пусть и это, и то, только — не ты, не ты.

Человечий гербарий Бог кладет под стекло: вот сушеные ветки, а вот живые цветы [1].

A child, who is mature beyond his years

The image of the child, who not only protects his parents, who go soft at a bad time, in hour of need, but also grows up in a moment, becomes more and more popular in the media, and poets pick up the trend. Let’s give examples from the world of cinema. An animated film “Mulan” has a young heroine who went to war because her father was disabled. In “Spirited away”, Chihiro’s parents indulged in sin of gluttony and turned into fat pigs, and the girl is looking for a way to rescue them throughout the film. Text by Viviana Steletskaya focuses the reader’s attention to family values: “*The children patrol the city. They don’t need another world. They might continue to play or run away from the city, but they suddenly adopt the role of an “Adult”, while their parents silently adopt the*

role of a “Child”. Here, the winter and its attributes are symbols of parental aging and quietus.

Зимы становятся все длиннее, нет им подобных на белом свете.
Взрослые медленно цепенеют, значит, к оружию встанут дети.
<...>

Дети еще не узнали смерти. Смерть — это нечто из мира сказок.
Страхом и паникой правит холод. Стекла дрожат под напором стужи.
Дети обходят дозором город. Мир за пределами им не нужен.
<...>

Если безумия черен омут, если беда расставляет сети,
Если родители впали в кому, значит, на улицы выйдут дети [2]

Severely ill child

It is the topic of a river of tears, fraud and many poems. In the poetic «clubbish set» you can hear that, having such texts, you will walk everyone over. A poem by Mariana Vysotskaya is mere pain:

У Дениса взрослый диагноз и детский почерк.
Он сильнее ровесников. Благоразумней прочих.
Он пишет в записке «С наступающим, милый Отче!
Я один на один против пары поломанных почек».
Я стою перед ним. Румяная и живая.
Он знает, что не выживают. Живут, уповая.
Я, — говорит, — жду донора, как трамвая.
<...>

— С Новым Годом, Бог. С Новым Годом, святые и грешные.
Когда я умру — ты покормишь меня черешнями?
— С Новым Годом, Денис. Покормлю, конечно же [3].

A boy called Denis has an unusually mature thinking. In his world, there is no one to wish Happy New Year: his interlocutor is the God. The others, as a lyrical heroine in his eyes, are saints or sinners. If the pain is real, it's not suitable for contest.

The first and painful discoveries

The text by the Moscow poetess Alexandra Shalashova can seem a Christmas fairy vignette — at first sight, but just up to the second line.

Маму на ночь обнять, в одеяле хранить тепло...
В нашей кухне свинья окровавила чистый пол,
разлеглась как дите — и ладошки ведет ко мне.
Вот кухарка идет приготовить ее в огне.
Говорят, поделом ей лежать и терпеть тесак,
а кому мы — добром, а кому — топором в глаза.
Мы не делали зла, мы изладили дом и клеть,
добрый бог наказал, что свинье завсегда терпеть.
Раз в пещере лежали — и слон, и бизон, и тигр,
и сияла Звезда, и горел огонек в пути,
но Младенец не спал, и игрался звездой январь,
и рыдала свинья, и редела во всю гортань.

Как ни грел Его лев и ни нянчил Его буй-тур,
но нахохлился хлев, предвещая Ему беду:
что себя потерять, не ударив огнем о трут:
и теперь нам свишня ненавистнее всех иуд.

Заметает куртины. Иней к земле метет
Берedit скарлатина. Няня несет питье.
Я лежу в рождество в лихорадке запавших скул,
а на праздничный стол на тарелке свишню несут.

A lyric heroine — a child — realizes how painful thoughts can be. The text is about nostalgia, which is not always bright and joyful. That even in holidays you have to be sick and think about something complex, unchildish. That children are smarter and think in a more complicated way than their parents and kindergartner thinks about them.

Tough childhood

What can really harm a child, except a bad company, crisps, and ARVI? Indifference, inattention, domestic violence, parental overexaggerating demands. SimaRadchenko's poem explains how the child was «suddenly» found in the house. In the era of information technology, parents are passionate about gadgets, career development and themselves, but when the lights are turned off, a spiritual image emerges — candles, a symbol of the divine, showing a little man from the darkness. And it turns out that this little man knows a lot. In the morning, everything seems to be as usual:

Внезапно в доме отключили свет. Нет света — и заняться тоже нечем...
Родители устроили совет. В конце концов нашлись на полке свечи.

<...>

И в темноте тягучей и густой вдруг оказалось: в доме есть ребенок.

Он, оказалось, был уже давно, и говорил неплохо, и о многом,
но как-то было все не до него — «уйди и не мешайся, ради бога».

<...>

А утром... утром снова дали свет. И снова стал ребенок невидимкой.

«Children over 20»

Archet, a very popular poet, has 35000 subscribers only in one of the social networks. This is an amazing and rare case when the author's audience is so cohesive they read the text by heart together with poet: *“God save the children over 20. They still have to die and fall out”*. It goes without saying that fans of Archet are called as “Children over 20”. After that, some resonant verses appeared: “God save the children over 18”, “over 40”, etc. The heroes of these poems are marginal, strange individuals, going against the rules. They overgrew the puberty but continued to keep a spark of rebellion inside. Those people are of alternative orientation. They have not a healthy lifestyle to lead, nevertheless, they are children, because the God is the one.

Childhood “from scratch”

A little human begins to remember himself and the world when he is two or three years old. The poem by Ira Znamenets is about how a lyrical heroine remembers herself at the very birth, as well as her parents, who get divorced when heroine becomes older.

Я запомнила это. Вздохнула и завопила.
Поднялось беспощадное солнце июльское, ослепило. Навсегда ослепило.

<...>

То, что я — симбиоз тех двоих, невозможных вместе.
Значит, я — невозможна. Возможностью мир закован.
Значит, я выше мира и выше его законов.

И он будет таким, как запомнился мне в начале,
Тем июлем, когда я рождалась, в крови кричала.

<...>

SUMMING UP

To sum up, the millennials see the childhood in the poetry from other angles, unlike the generation X. It is impossible to come across poems about deliberate child-free among representatives of the postwar period. The childhood is less and less associated with a bright and trouble-free period of human life. The image of the child expands: it's a new "Mitrofanushka — The Minor", and a five-years old brave heroine, and a future undesirable daughter, and an invisible son, and mature thoughts in the child's head. The symbolics of childhood expands the palette of paints and works, in fact, based on the principle of synaesthesia, or molecular cuisine: the text can be named "A Child", but it will be about a man of forty. What will give us the poetry of generation Z?..

© Danilova S., 2017

REFERENCES

- [1] Springteen <https://vk.com/stefaniadanilova?w=wall->
- [2] Steleckaya Viviana: https://vk.com/mela_mela?w=wall-35719059_456
- [3] Vysockaya Maryana: https://vk.com/sexondhand?w=wall-51214103_7555
- [4] Shalashova Alexandra: https://vk.com/lenty_derevjev?w=wall-118863647_87
- [5] Radchenko Sima: https://vk.com/sexondhand?w=wall-51214103_7318
- [6] Archet: https://vk.com/sir_archet?w=wall-23568161_99
- [7] Znamenosets Ira: https://vk.com/vnychkalenina?w=wall-42145490_3146

Article history:

Planned: 12.12.2016

Accepted: 09.01.17

Moderator: Olga Valikova

For citation:

Danilova S. (2017). Black Mirror: Destroying the Idyll of happy Childhood, or the Socium Today in the Millenials' Poetry. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 14 (1), 110—115.

Bio:

Stefania Danilova, Member of the Russian Writers' Union, winner of prestigious literary awards, undergraduate of the St. Petersburg University. E-mail: ichwerdewarten@gmail.com

ЧЕРНОЕ ЗЕРКАЛО: РАЗРУШЕННАЯ ИДИЛЛИЯ СЧАСТЛИВОГО ДЕТСТВА, ИЛИ ОБЩЕСТВО СЕГОДНЯ В ПОЭЗИИ МИЛЛЕНИАЛОВ

Стефания Данилова

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7-9, Санкт-Петербург, Россия, 199034

Это эссе — попытка заглянуть в «черное зеркало» утраченных — или инверсированных — социальных мифов. Оно о сообществе разобренных людей; о новом поколении креативных личностей — миллениалов — которые пытаются найти свое место в мире разными способами, и главный из них — Поэзия.

Стефания Данилова — самый молодой член Союза писателей России. Это транслингвальный и поликультурный поэт, «Смотритель маяка» современной литературы наряду с героями ее эссе — миллениалами, детьми со «взрослыми сердцами».

Ключевые слова: миллениалы, поэзия, детство

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Springteen https://vk.com/stefaniadanilova?w=wall-33426079_47524
- [2] Стелецкая Вивиана https://vk.com/mela_mela?w=wall-35719059_456
- [3] Высоцкая Марьяна https://vk.com/sexondhand?w=wall-51214103_7555
- [4] Шалашова Александра https://vk.com/lenty_derevjev?w=wall-118863647_87
- [5] Радченко Сима https://vk.com/sexondhand?w=wall-51214103_7318
- [6] Арчет https://vk.com/sir_archet?w=wall-23568161_99
- [7] Знаменосец Ира https://vk.com/vnychkalenina?w=wall-42145490_3146

Для цитирования:

Данилова С. Черное зеркало: разрушенная идиллия счастливого детства, или общество сегодня в поэзии миллениалов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 1. С. 110—115.

Об авторе:

Стефания Данилова, член Союза писателей Российской Федерации, лауреат престижных литературных премий, магистрант Санкт-Петербургского университета. E-mail: ichwerdewarten@gmail.com

DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-1-116-121

TRANSLINGUALISM: COMMUNICATIVE BRIDGE OR “CULTURAL BOMB”?

By Uldanai Bakhtikireeva, Olga Valikova, and Jeannete King

The generating of translingual discourse in modern meta-socium suggests that it is a “measure” of intercultural cooperation of the highest level, when cultures do not displace each other, but interact effectively. Such text is always multidimensional both in terms of form and content. But can we qualify this phenomenon as totally positive? There are different opinions on that question in modern science. Few of them are represented in this discussion. We’ve talked to Jeannete King about translingual literature, its complicated “essence” and points of view of translingual writers. The original discussion is available at <https://latlab.wordpress.com/2016/12/10/translanguaging-in-russia-russian-as-a-communicative-bridge-for-minority-languages-and-cultures/comment-page-1/#comment-11>

Key words: Transculturation, Translingual practices, Intercultural cooperation, Bilingualism

1. ON THE PROBLEM OF TRANSLANGUAGE PRACTICES IN RUSSIA: THESIS

According to 2010 Census, 97% of Russia’s multicultural speakers prefer Russian language to their native in usual communication and in professional and creative activities. At the same time a high variety of minority languages are endangered. In this situation translingual practices of non-Russian writers, who create their text in Russian, become a transmission mechanism for saving cultures.

A shortlist of their names, which continues to grow even today, proves that this is a significant cultural phenomenon in the entire post-Soviet space: Kyrgyzstan (Chingiz Aitmatov, Sherboto Tokombaeva), Kazakhs (Olzhas Suleimenov, Askar Suleimenov, Anuar Alimjanov, Murat Auezov, Auezkhan Kodar, Aslan Zhaksylykov), Belarus (Vasil Bykov and Ales Adamovich), Georgia (Chabua Amirejibi, Alexander Ebanoidze), Moldova (Ion Drutseh), Bashkortostan (Anatoly Genatullin), Ossetia (Ezethan Uraymagova, Gaito Gazdanov, Ruslan Totrov), Lakia (Efendi Kapiev), Chuvashia (Gennady Aygi), Uzbekistan (Timur Pulatov, Uchkun Nazarov), Azerbaijan (Chingiz Huseynov, Maqsd and Rustam Ibragimbekov), Ukraine (Vitali Korotych), Chechnya (Elbrus Minkailov, Issa and Timur Kodzoev), Ingushetia (Idris Bazorkin, Bagaudin Zyazikov), Karachay-Cherkessia (Isa Kapaev), Tajikistan (Timur Zulfikarov), Chukotka (Yuri Retheu), Khanty-Mansi (Uvan Shestalov), Nivkh (Vladimir Sangi), Tatarstan (Guzel Yakhina), and many others.

The problem of minority languages transmission and even survival is very significant for Russia. Its Linguistic landscape is represented by more than 275 languages. At the same time only one language dominates — Russian is preferable for 97 percent of speakers.

Meanwhile many languages are in a vulnerable status. So, only one dialect of Karaim language has survived, and even serious measures as the educational program by UNESCO *Spoken Karaim* to strengthen its position doesn’t help in this case. Archi, Bashkir, Kumandin, Chulym, Shor, Tofalar, Tuvan, Chelkan, Teleut languages listed as endangered; Soyot language died out.

Languages, like organic forms of the Earth, are involved in natural selection, but this selection exacerbated by globalization. Nowadays, linguistic frequency of deaths has been reaching a record level — about 2 languages die every week.

With language death we lose unique world view and way of understanding the reality around us. For example, in Selkup language there is a “backstage” category of sentence, when speaker is putting into verbal construction the meaning of his own presence or absence in some situation; In Archi language there are no hyperonyms. For instance, usual, common word “sheep”, that describes a domestic animal, doesn’t exist in Archi, because for Archi people all specific features of this animal are important. That’s why they use 50 special words for sheep inside of one common.

Archi, who’s population is about one thousand people, is one of rare examples of speakers, preferring their own language in all life aspects. They are not going to use Russian for getting into a privileged language community.

We can observe the totally different situation in case of other cultures. The most widespread phenomena in the post-Soviet space are bilingualism and translingualism.

We are faced with **the question**: what is translingualism? Should we put plus or minus in front of the term and the phenomenon? Is it a forced transfer to another language, contributing to the weakening of the mother tongue — or it is positive cooperation with another culture?

The answers are ambiguous. Most of minority languages in Russia have a recreated writing. There is a paucity of special literature for children and teenagers. Home language is absent in the system of Education. Young people from all over the Russian space choose Russian language for further successful integration in professional area. Many of them suppose that their own languages are uncompetitive.

Writers from diversity of cultures also prefer Russian, but here the situation is more positive. Literary bi- and translingualism in the process of language and culture transmission is the topic of our interest.

We have been studying the texts of bilingual authors for many years and suggest that they are a “measure” of intercultural cooperation of the highest level, when cultures do not displace each other, but interact effectively. Such texts are always multidimensional both in terms of form and content. Interviewing different authors, analyzing their texts from interdisciplinary points of view we are trying now to create a “portrait gallery” of translingual writers for better understanding the process of cultural contamination.

Significance of the term ‘translingualism’ indicates a new quality of texts (including literary texts) that cannot be identified as ‘bilingual’ or ‘monolingual.’ Translingual text implies a lack of clear boundaries between the contacting languages, as well as specific integration of linguistic resources within the literary whole thing. Is ethnic culture lost due to a functional change to another language?

Obviously, it is not lost. Moreover, ethnic culture is transmitted to the outer space, i.e., expands the territory of its existence, through language vested with high functional authorities.

Returning to the metaphor of Humboldt, it can be summarized as the following: to remain ‘the spirit of the nation’, the language must be permanently filled with new ethnic content. The content does not displace or replace the original content, but are in synergy interactions.

These writers, who use language instruments of more than one verbal system, call themselves “nomads of semiotic spaces”.

Translingual Authors say that they use Russian, because

— The territory of its existence is larger;

— The audience is extensional;

— They use it for spreading their own native cultures out, they want to accumulate it and improve its vital potential.

During our work we meet them, interviewee, analyze their texts and try to understand: perhaps, translingual practices and revitalization of cultures are connected? In this case Russian language performs the function of storage for important elements of other cultures that will reborn once?

2. POINTS OF VIEW

Professor Jeannete King, University of Canterbury, New Zeland:

Thanks Olga and Uldanai, this is a very interesting topic. What a great project, talking to authors from other languages about why they write in Russian. Ngugi Wa Thiong’o from Kenya also writes about this. Initially he wrote in English, but then he changed to his native language, Gikuyu, as he felt that English was a cultural ‘bomb’. “But the biggest weapon wielded and actually daily unleashed by imperialism against that collective defiance is the cultural bomb. The effect of a cultural bomb is to annihilate a people’s belief in their names, in their languages, in their environment, in their heritage of struggle, in their unity, in their capacities and ultimately in themselves. It makes them see their past as one wasteland of non-achievement and it makes them want to distance themselves from that wasteland.” He wrote about this in his book ‘Decolonising the Mind’ in 1986. (See: <http://www.swaraj.org/ngugi.htm>). The authors you are interviewing seem to have a contrary view than that of Thiong’o. I wonder why you think that authors like Dana Giray are much more positive about writing in Russian, compared to Thiongo’s position.

Olga Valikova:

— Jeanette, thank you so much for comments. The tendency you have mentioned (switching to the native language) is increasing now in many post-Soviet countries: in Kazakhstan, Georgia etc. Writers from there feel that they should reborn the vitality of their own languages. Moreover, they refuse the dictates of the Russian language — it is a kind of reflection on “colonial times”. The feeling of loosing native culture is very painful in Kazakhstan, for instance. That’s why people from all social stratum (students, adults from different professional areas) choose English to Russian for integrating in world society But in Russia Russian-linguaging is still positive. To be more objective I would like Dana Giray to answer your brilliant question (it’s really very important) in comment below. Hope she will do it soon!

Uldanai M. Bakhtikireeva:

— I and Ngugi Wa Thiong’o from Kenya have different positions. The Russian Empire was not the Empire of classical type. About this very accurately wrote Madina Tlostanova in her book “Living Never, Writing from Nowhere. Post-Soviet Fiction and the Trans-Cultural Aesthetics” (2004). I agree with her: the Imperial-colonial configuration of

Russia, the Soviet Union and the former Soviet Union primarily interested in trying to understand the basic features of the cultural imaginary, semiotic mechanisms and meta-metaphors, of a General geo-historical and geo-cultural logic, which altogether allow us to speak about the uniqueness of Russia as Empire. (...) Speaking in economic terms, the Russian distinction is expressed in quite different from the Western European, unique way of initial accumulation of capital, exactly, the use of own peasantry as missing overseas colonies, however, in failing to end to equate a relatively short historical experience of serfdom to slavery, as it existed in the colonies of the European powers, primarily Britain. Serfs usually were ethnically Russian people, not the minority and then to say that in Russia worked the same racial signifier as in the Imperial-colonial configurations of Western modernity (2004)” is not right. (For example, by the early XIX century the economy of Kenya was the slave trade). In this connection, to call the Russian language ‘as a cultural ‘bomb,’ I would not.

This does not mean that in Russian the ethnically non-Russian writers didn’t write about it. For example, Murat Auezov (Kazakh) wrote in Russian: “27/VI/1978. I write in Russian, but not ‘in Russian’. Speaking and Writing in Russian — weapons of emerging national identity. The Pro-Russian party-state apparatus, inspired by the success of the linguistic assimilation of non-Russian components of the ‘new historical community’ does not until notice it. Can’t see that those of the tribesmen who etched a sense of historical optimism ...” (1978). But when I read all books of Murat Auezov I would like to say as that Madina Tlostanova: “Auezov is a classic border transcultural person who knows more than only Western or only Eastern, inside which occurs permanent the double translation, dialogue, and double criticism. (...) Finally, I should note its relationship with language. This is not a militant rejection of the Russian language in the spirit of Audrey Lorde, who wrote that it is impossible to destroy the master’s house using his tools (first and foremost, language), but rather (Abdelwahab) Meddeb’s trickster position of the writing in the language of the colonizer, but resorting to the labyrinth, Arabesque, permanent decentration and loosening of the sentences from the inside, so to the native speaker of that language it becomes not very comfortable. Or the position of Derek Walcott — of naming as the creation of symbolic or real “home” as the birth of the world anew in spite of cruelty or another Imperial language and culture, imposing their names and meanings on artificially deprived of voice, of the silent people. The whole book of Murat Auezov permeates decolonial anti-sublime. It frees the mind, consciousness, returns readers to the dignity, without which there can’t be respect to another in the broadest sense. Thus in this work, no negativity and post-colonial rage, by contrast, there is the creative moment of not a confrontation (resistance), but re-existence (re-existence — in the terminology of Colombian culturologist — Adolfo Alban-Acente). This (re)creation of positive life models, worlds and self-awareness, overcoming the imperfection and injustice of the world. This momentum is not denial, not of destruction, but the creation of something else, going his own way, taking the contradictions of the world and human perception of it” (2012).

I prefer the position of re-existence. Russian language or another “imperial” language I’m not defined as “enemy’s language” or “language of the colonizer”, or “cultural bomb”. For me Uldanai (Dana Giray) Russian is the language that gave me the opportunity to dive into the world of Abkhazians and Georgians, Ukrainians and Belarusians,

Moldovans and Chukchi, Mansi, and Nivkh, and other peoples of the USSR. I read the works of ethnically non-Russian Russian writers and learned picture of the world of other peoples, culture and their identity, it is my way to learn the world surrounding me. At the same time I did not cease to speak the language of parents and my ancestors. Any “Imperial” language gives each person to live consciously and worthily. The position of the victims is always easier, I think. In my practice I use the language of another nation more than the language of my parents and my ancestors. But it does not mean that I betrayed it.

I stand in solidarity with Murat Auezov, who writes that the situation of “marginalization” leads to the distinction of concepts such as “ethnic consciousness and national identity”. A truly creative person with a deep ideological position in the marginal situation ascends to the national consciousness, overcoming in itself the dual uncertainty of marginality. The person directs his efforts, does all his best to increase the position of national (ethnic, native) language even though in his private practice he would prefer that one which is better as a means of achieving his ideological goals (1997).

Jeanette, thank you! I and Olga would like to hope for further discussion of these tricky issues. Maybe soon we translate our articles into English and our view will be more fully disclosed.

3. CONCLUSION

Further linguistic studies of creativity in the language of another culture, including those represented in Russian, require new approaches, new logic, new understanding and description. And this is a scientific problem, which is still open in the Russian linguistics, but extremely valuable for disciplines of anthropocentric paradigm of the modern study of language: cultural linguistics, (etnopsyho) -linguistics, cognitive linguistics, ethnolinguistics, intercultural communication, political linguistics.

Separately, in the system of specific coordinates of particular discipline, none of them are able to solve the puzzle that they face thanks to ‘translingual’ texts. Multidisciplinary approach (and in the future — transdisciplinary approach) becomes the methodological basis. The present stage of development of linguistic science allows to study the complicated problems simultaneously on several levels, because it is a principle of the organization of knowledge based on the interaction of disciplines in solving problems, which can significantly extend the actual fullness of knowledge, its accumulation.

The question is still open — join us at <http://journals.rudn.ru/education-languages/> and share your point of view. Let’s find the milestones on the way together.

Discussion history:

Planned: 12.10.2016

Discussed: 10.12.2016

Moderator: U.M. Bakhtikireeva, O.A. Valikova

For citation:

Baktikireeva U., Valikova O., and King J. (2017). Translingualism: Communicative Bridge or “Cultural Bomb”? *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 14 (1), 116–121.

Bio:

Uldanai Bakhtikireeva, Doctor in Philology, Professor of Department of Russian Language and Cross-Cultural Communication, Peoples' Friendship University of Russia, specialist in bi- and translingual issues in Russia. E-mail: uldanai@mail.ru

Olga Valikova, PhD, researcher of Department of Russian Language and Cross-Cultural Communication, Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: vestnik_valikova@mail.ru

Jeannete King, Professor of University of Canterbury, New Zeland. E-mail: j.king@canterbury.ac.nz

ТРАНСЛИНГВИЗМ: КОММУНИКАТИВНЫЙ МОСТ ИЛИ «КУЛЬТУРНАЯ БОМБА»?

У.М. Бахтикиреева, О.А. Валикова, Ж. Кинг

Формирование транслингвального дискурса в современном обществе влечет за собой возникновение новых моделей межкультурной кооперации, в рамках которой разные семиотические системы не столько вытесняют друг друга, сколько интегрируются. Текст, возникающий в результате подобного взаимодействия, отличается многомерностью формы и содержания. Но можно ли квалифицировать феномен транслингвизма как исключительно позитивный? В науке существуют разные точки зрения по этому вопросу. Некоторые из них представлены в нашей дискуссии.

Ключевые слова: транскulturация, транслингвальные практики, межкультурная кооперация, билингвизм

История дискуссии:

Запланирована: 12.10.2016

Проведена: 10.12.2016

Модераторы: У.М. Бахтикиреева, О.А. Валикова

Для цитирования:

Бахтикиреева У.М., Валикова О.А., Кинг Ж. Транслингвизм: коммуникативный мост или «культурная бомба»? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 1. С. 116–121.

Об авторах:

Бахтикиреева Улданай Максумовна, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации РУДН, специалист в области би- и транслингвальных исследований в России. E-mail: uldanai@mail.ru

Валикова Ольга Александровна, доктор философии (PhD) в области филологии, научный сотрудник кафедры русского языка и межкультурной коммуникации РУДН. E-mail: vestnik_valikova@mail.ru

Жаннет Кинг, профессор Университета Кантербери, Новая Зеландия. E-mail: j.king@canterbury.ac.nz

DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-1-122-139

«НА ЯЗЫКЕ ДВУОСТРОМ»: ИНТЕРВЬЮ С ЕЛЕНОЙ ЗЕЙФЕРТ**“IN A DOUBLESHARP LANGUAGE”:
INTERVIEW WITH ELENA ZEIFERT**

Елена Ивановна Зейферт (род. 3 июня 1973, Караганда) — доктор филологических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета. Преподаватель теории и истории литературы, латинского языка. Редактор, журналист. Ведущая литературного клуба Международного союза немецкой культуры «Мир внутри слова» и мастерской при нем. Член Союза писателей Москвы и Союза переводчиков России. Е. Зейферт — представитель так называемой «пограничной литературы», создаваемой на стыке нескольких языков и культур. Данным интервью мы открываем серию бесед с транслингвальными писателями, которые формируют в современном обществе новые «образы мира» — более сложные как в эстетическом, так и в эпистемологическом смыслах. Фрагмент новой повести автора «Плавильная лодочка» мы публикуем в Приложении.

Елена Зейферт — полигранист: личность множества ярко выраженных граней. Поэт, прозаик, эссеист, переводчик, литературный критик, ученый и преподаватель, генератор новых идей и смыслов в науке и культуре, автор-билингв. Это поэт «до всякого столетия» (М. Цветаева), потому что каждая эпоха, синхронная ее творчеству, происходит «здесь и сейчас» — и с Читателем, и с Творцом. Стихи, написанные на русском, «вдруг» начинают звучать в особом изохронном ритме, погружая сознание читателя в латынь: так Автор раздвигает границы привычного хронотопа и «обнажает» непрерывную длительность всего существующего — и в поэзии, и вне ее. В этом можно усмотреть один из творческих принципов Е. Зейферт — воссоединять разрозненное, в семантическом стяжении выявлять природу вещей — или природу их уникального восприятия. «Веснег», «Верлибр. Вера в Liebe», «Telegit». Несколько заглавий произведений, разных по жанру и замыслу, достаточно, чтобы увидеть: нас ждет знакомство с особой многоязычной Космогонией. Об открытиях в Языке, первовеществе Слова и формировании усложненных картин мира мы поговорили с Еленой Зейферт.

— У Вас совершенно особые отношения с Языком (как метасущностью): для Вас он антропоморфен, «осязаем». Немецкий язык Вы однажды назвали «девочкой»; латинский, «раздвигающий грудную клетку Вашего творчества», привели как пример того, что «мертвых языков не бывает». Как выстраивались эти отношения? Чем обусловлены такие уникальные ассоциации, как «немецкий язык — девочка»?.. Есть ли образ подобного «воплощения» для русского языка?

— Язык для меня, с детства слышавшей немецкую речь (диалект поволжских немцев), — девочка, женщина. На немецком язык и как орган (*die Zunge*), и как процесс речи (*die Sprache*) — женского рода. Она (он) и на латинском языке, которым я начала обстоятельно заниматься с 17 лет, женского рода — *lingua latina*.

По дополнительному образованию я античник, преподаватель латинского языка и античной литературы. В моей поэме «Tetigit», написанной в 2016 году, главная героиня — девочка — латинский язык. В союзе с мужским персонажем, которому я подарила имя Tetigit, ранее бывшее обычным латинским глаголом «прикоснулся», она приближает нас ко времени, когда вещество языка будет впадать само в себя и не будут нужны переводчики. Эта поэма написана на русском языке. Для русского человека «язык» — мускулистый, гибкий, сильный, слово мужского рода.

О грудной клетке. Если определить те языки и «голоса», те векторы, которые создают костер, ГРУДНУЮ КЛЕТКУ моего переводного творчества, то для меня это Древний Рим (латинский язык), это РУССКО-НЕМЕЦКОЕ (и в нем мои авторские варианты произведений) — поэзия Германии, Австрии, немецкоязычной Швейцарии, и ДРУГОЕ — поэзия народов стран СНГ и России. В «другом» я работаю с подстрочником. Для меня подстрочник — это многослойный текст с гнездами синонимов.

Латынь пришла в мой художественный перевод раньше немецкого языка. На первом же занятии по латыни я первокурсницей удивилась глаголу *absum, āfui* (*abfui*), (*āfutūrūs*), *abesse* с его основным значением ‘отсутствовать’, ‘не находиться’, ‘не быть’. Он просто перевернул мое сознание, обозначая самое знаковое отсутствие, в котором, оказывается, можно пребывать. У этого слова есть значения отчуждения, отдаления, но они вторичны. Именно глагол «отсутствовать» пригласил меня вглубь латыни и предложил ее освоить и преподавать наряду с моей основной специализацией «Теория литературы» — филологам, студентам иняза, биологам, юристам, историкам.

Но немецких переводов у меня больше, чем латинских.

— *В Ваших уже классических стихах «DIE RUSSLANDDEUTSCHE» ставятся вопросы о собственной языковой — и внеязыковой — идентичности, о своем месте в мире, о двух душах, что «истомились в груди». В свое время Ваше диссертационное исследование предоставило читателям множество художественных свидетельств того, что поэзии российских немцев свойственны темы оторванности от своих корней, позиции «ни здесь, ни там», неизбывной тоски по Родине, которая «пробирается в валенки» (Р. Пфлюг). Но уже здесь, в этих юных стихах, «назревает» идея, что Вы пришли к иному самоощущению, к своему собственному «тут-бытию» в мире. Предпоследняя строфа — кульминационная метаморфоза лирической героини. Душа, тысячу раз описавшая круг поверх голов (тысячу раз не нашедшая пристанища), осознает свое особое экзистенциальное качество... Приходит к приятию «двух культур, двух духов» внутри себя. Изменилось ли со временем это мироощущение? Каково оно сейчас, когда языков Вашего творчества стало больше, чем два? Что происходит с чувством собственной идентичности, когда Автор находится на пограничье языков и культур? Некоторые писатели говорят о «метафизическом расщеплении», другие — о зарождении «множественной идентичности». Как это ощущаете Вы?*

— Это ощущение нового экзистенциального качества стало богаче, оно часть моей внутренней свободы, и дарит мне эйфоричность. Я отношусь к счастливым

обладателям нескольких родин — обожаемого Казахстана, любимой Москвы (пожалуй, именно Москвы), дорогой Германии. Мне свойственно не расщепление, а стяжение, синтез, игра балансов. Я — российская немка, *Russlanddeutsche*, это особое этническое ощущение. Осмысление материала российско-немецкой литературы позволило мне сделать выводы, что основными элементами этнической картины мира российских немцев являются осознание окруженности своего чужим, бытование внутри другого, стремление к автономности, приоритет статики над динамикой, ощущение «нигде на родине» или «везде на родине», генетический страх перед изгнанием, состояние постоянной уязвимости, страх быть заметнее других, повышенный интерес к растительной символике (слабые растения, растения без корней), обостренное желание законного отношения к родному этносу, стремление подчеркнуть своеобразие родного этноса, стремление к интеграции внутри своего этноса. В то же время возникают гибридные, русско-немецкие, качества, а отдельные русские или немецкие черты российские немцы не перенимают.

В моей поэтической книге-билингве «*Namen der Bäume*»/«Имена деревьев» (Грац, 2013) два языка, но три этнические картины мира — русская, немецкая и российско-немецкая, причем третья возникает не на стыке первой и второй как зеленый цвет на слиянии синего и желтого, а парадоксальным и естественным образом объемлет каждый элемент книги. Эта третья картина мира лишь отчасти гибридная (российские немцы наследуют ряд русских и немецких черт, отдельные из них в синтезе, но не все черты), а по сути своей самостоятельная и особая. Большая часть стихотворений в этой книге была написана сначала на русском языке, а затем были созданы их зеркальные немецкие варианты; меньшая часть — сначала на немецком, а затем были созданы их зеркальные русские варианты.

Какие черты трех картин мира отражены в книге? В стихотворении «*Spielzeughaus*»/«Игрушечный домик» российско-немецкий элемент «поиск дома» переходит в русский элемент «широта, воля». Но этот домик все же нужен лирической героине (немецкий элемент): «И домик нужен только для передышки». В стихотворении «*Ein Junge, derauf der Kantedes Bürgersteigläuft...*»/«Мальчик, бегущий по краю тротуара...» стремление к динамике переходит в предпочтение статики. Зыбкость дома и неопределенность его расположения показана в стихотворении «*Deine feinen Nasenflügel...*»/«Тонкие крылья твоего носа...», российско-немецкое чувство страха из-за уязвимости — в произведении «*Ein Auto ist ein verkehrtes Ozeanarium...*»/«Автомобиль — океанариум наоборот...».

Сейчас свою национальную идентичность изображаю в «карагандинской повести» «Плавильная лодочка», где все сложные для российских немцев времена протекают одновременно, меняются только пространства, их декорации и одежды. Повествование всегда идет в настоящем времени и синхронно, будь то изображение эмиграции из Германии в Россию, раскулачивания, войны, депортации, трудармии или эмиграции из России в Германию. В повести высокая концентрация лирики. Главный герой здесь — язык с его метаморфозами, метафизикой и способностью к рождению. Повесть написана на русском языке, но герои говорят на немецком языке XVIII века (Люка и его семья), на диалекте поволжских нем-

цев (Марийка, Лидия, Марк Феликс, Фридрих и другие), современном немецком языке (Юлиан). В постраничных примечаниях я даю перевод их диалогов на русский язык. При лирической густоте тем не менее есть и общая фабула, и отчетливые фабулы-прожилки частных судеб.

Люка Зигфрид приезжает с семьей в Россию, морем из Любека, попадает в Ораниенбаум, затем обозом идет через Москву в Поволжье. Дорóгой умирает его сын Пауль. Чужая земля принимает в себя первую жертву. Но она становится родной. В 1914 году в бедной немецкой семье в Донецке растёт Роза. В 1931 году семья Лидии в процессе раскулачивания попадает из поволжского села Лиленфельд в Караганду. Здесь у Лидии рождается и сразу умирает ребенок, ее бросает муж, она одна. В 1941 году шестилетняя Марийка (Йекель) из села Гларус попадает в Караганду, в теплушке умирает ее мама, судьба ее отца и братьев неизвестна. Марийка — из рода Люки Зигфрида. Лидия берет ее жить к себе, становится ей мамой. В трудармию (Карлаг) попадает из Поволжья Марк Феликс, он сходит с ума, его бросают умирать в поселке Транспортный цех. Здесь ему помогают выжить. В Карлаге оказывается и брат Розы, Фридрих, бывший боевой летчик. Он изувечен пытками, гниет рука, ему ее отнимают, он при смерти. Тоже «списанный» в Транспортный цех, Фридрих приходит там в себя и становится пастухом. Изгнанников в Караганде окормляет батюшка Севастиан. Сердце Лидии мечется между Марком Феликсом и Фридрихом. Роза и Фридрих, сестра и брат, после войны находят друг друга. В дальнейшем сын Марийки и дочь Розы станут мужем и женой. Внучки Анна и Йоханна выберут разные страны для проживания: Анна — Россию, Йоханна — Германию. В Германии протекает любовная линия Йоханна (она потомок Люки) — Юлиан.

— *Можете привести фрагмент повести, где язык, метафорически говоря, выступает героем?*

— Конечно.

«Язык Марка Феликса рос и тёк. Перед рождением слова спинка его языка лизала небо, и для немца это было непривычно и больно, ибо кончик языка упирался в нижние зубы вместо ожидаемых верхних, кланялся, был унижен. Марк Феликс сжимался, проглатывал себя в кувырок, с силой обнимал свои колени. В трудармии он перестал есть даже ту скудную пищу, которую давали, громко выл, низко опустив голову в колени. В такой позе его бросали в кузов машины и везли на работы в шахту. Ему пытались всучить орудия труда, а он калечил ими себя и других. Штрек его зрения сужался, Марк Феликс начинал истошно кричать, постепенно выбиваясь из сил, теряя сознание. Крик переходил в вой.

Нет, порой он пробовал и петь, но песня медленно стекала в горло и желудок, в плавленную лодочку его существования. Вой для него стал слаще пения, на языке воя Марк Феликс говорил с существами гуманнее людей и слышал их внятные ответы.

Уши его заливало смолой чужой людской злобы. Спыхватываясь, он катался по земле, громко кричал, при попытке охранников успокоить его бросался на удары их сапог, подставляя живот, рёбра, щёки. Борода его росла из клочков земли.

Его чудом не убили. Жизнелюбие пропитало неуязвимостью клетки его тела. Осознавал ли он сам, что был готов стать уродом, безумцем, мертвецом, лишь бы не принять условия нездоровой игры, которую затеяли с ним и его сородичами современники? Ему переломали кости и выбили зубы, пока не пощадили — отвезли, едва живого, издыхать в окраинный карагандинский посёлок Транспортный цех. Выбросили из грузовика и уехали не оглядываясь, ведь смотреть умели только вперёд.

Марк Феликс дышал. Его окружала многоликая гора его языка, она дыбилась и была равна миру без Марка Феликса. Язык таял во рту, как яблоко, становясь едва уловимой аурой ангела роста и боли, живущего внутри семечка и прорывающего сильными руками железную кожу плода.

Солнце грелось над карагандинской землёй, на горизонте пасся двугорбый верблюд терриконов.

Через час Марка Феликса нашла Марийка. Язык его вмиг обессилел, обмелел, а затем и обнажил сухое русло, и единственным светом для мужчины осталась её детская немецкая речь».

— *Русский язык для Вас «до восторга родной», хотя в Ваших жилах «клокочут Кант и Ницше». Как русский язык стал первопроводником Вашего поэтического голоса? Стоял ли когда-либо выбор между русским языком и немецким?*

— Русский язык — важнейшее богатство моей жизни. Не я его, а он выбрал меня, и я безмерно благодарна ему за жизнь во мне, за прямые чудеса. Он первый среди равных и вне выбора, вне конкуренции.

Языки проходят фронтами, волнами. 29 июля 2016 года я записала в Фейсбуке: «В моё уже привычное русское и немецкое в начале мая 2016 вдруг вновь властно вошла латынь (она стучалась уже с января), подарив новые переводы из Горация, Катулла, Овидия, Марциала и мою собственную поэму “Tetigit”, которую я завершила сегодня. Этот НЕОбычный атмосферный фронт, на радость мне стремительно набиравший силу в творчестве, давал прежде незнакомые затяжные вспышки эйфории. Особенно в середине июля, когда поэма и переводы текли, как масло.

Я решила закончить поэму сегодня, потому что уловила, как воздушная масса латыни уже временно уклоняется, возможно, собираясь вернуться более властной, но когда? Образно говоря, как в задаче Римана о распаде произвольного разрыва, две области пространства с различными свойствами — в моём случае русско-немецкое (индивидуально для меня неотделимое друг от друга) и латынь — были разделены тонкой перегородкой, которую следовало убрать в начальный момент времени. Тогда время было равно нулю.

Моё творчество с его безумными языками и векторами, ласкающими меня изнутри, сегодня резко двинулось, время начало отсчёт, а поверхности разрыва, увы, не всегда совпадают по скорости со скоростью движения всей среды. Или поле давления дало ложбину, или я испугалась снижения ветра при удалении пространств друг от друга, но за последний час поэма родилась целиком. Сколько можно пробыть в этом разрыве или ложбине — Бог весть. Возможно, родится что-нибудь ещё необычное».

Но латынь ушла до середины декабря 2016, и я ликовала в немецком мире, переводила Георга Гейма, дважды съездила в Германию, делала там доклад на немецком языке, в Москве вела на немецком и русском языках вечер переводов немецкого экспрессионизма.

*— В «Языковых контактах» Вайнрайх отмечает, что равноценное автономное существование двух и более языков в пределах личности недостижимо, что на деле происходит интеграция языковых систем, постоянное переключение кодов, формирование усложненного семиотического пространства. Как это происходит в Вашем случае? Закономерно ли, на Ваш взгляд, говорить о зарождении межъязыковых кон-
тинuumов в творчестве полиязычных Авторов?*

— Мне очень близки теоретические изыскания в этой области профессора РУДН Улданай Максutowны Бахтикиреевой и профессора МГУ им. М.В. Ломоносова Зои Григорьевны Прошиной. Хочу воспользоваться здесь возможностью выразить сердечную благодарность Улданай Бахтикиреевой за фундаментальные исследования моего творчества и его искреннее приятие.

Я знакома с абсолютными билингвами. Это не автономное существование двух систем, а новая обогащенная лингвокультура, симбиоз, волшебство нового качества. Можно говорить и о зонах перехода, пограничье языков. Как раз эти прослойки продуктивны для билингвального творчества. Авторские произведения на разных языках много берут из своих общих штолен, из пограничья.

Считаю, что авторских переводов не бывает, могут создаваться только авторские варианты произведений на разных языках. У языков разная фразеология (к примеру, русский язык использует два слова «совершенно здоров», а немецкий предлагает сложносоставное одно «kerngesund»), и эти произведения, при максимально возможном соблюдении пунктуации и графики, не отражаются друг в друге, как близнецы.

— Языковую трансмиссию на постсоветском пространстве шутливо называют «эффeктом бабушки», подразумевая, что передача культурного наследия происходит через поколение, от старших к внукам. Кто «вращивал» родную культуру в Вас? На каких языках происходило формирование Ваших самых первых образов мира?

— Я жила на окраине Караганды, в черте города, но в немецком поселке, где жили депортированные в Казахстан советские немцы и их потомки. В раннем детстве была уверена, что так в стране везде — соседи Келлеры, Эйзенбрауны, Пфайферы, есть телепередача на немецком языке, бабушки говорят на непонятных друг другу диалектах.

Лет в шесть я удивленно спросила бабушку Марию (не Машу, а именно Марию — а дочь ее Марию мы называли тетя Марийка), почему в немецком языке все существительные на букву «D». Она была родом из села Гларус, отец и бабушка говорили Klagus, но я слышала, что к здесь звонкое, ибо научилась отличать в их диалекте «без звонких согласных» звонкие как менее напряженные и глухие.

— *Тема двуязычия охватывает в Вашем художественном сознании только русско-немецкую сферу?*

— Нет, эта тема для меня шире русско-немецкой. Посмотрите мои стихотворения из «античного» цикла «Греческий дух латинской буквы». Этрусский и лидийский языки практически не расшифрованы для нас. Вероятно, лирическая героиня из XXI века понимает Тиррена на каком-то северном языке. В моем античном цикле не только разные языки людей, но и язык богов и язык смертных дан в их оппозиции и притяжении.

— *Адепты транслингвального подхода к языку и литературе выдвигают гипотезу о том, что через язык-посредник вовне транслируется генетически «первичная» культура, что именно она — Культура — есть исходная творческая интенция, которая способна трансформировать «под себя» даже другой язык. Каково Ваше мнение на эту точку зрения как Поэта, Ученого, одним словом, Полиганиста?*

— Мне близка эта теория, и в ее русле я склоняюсь к своей, которую назвала бы теорией нюанса-голограммы. Билингвальность и полилингвальность дают возможность языковому нюансу вырасти до мистерии, голограммы. К примеру, перевожу вместо «фригийский» «троянский», и в одном слове вырастает целый театр памяти с фригийским царством, разрушившим впоследствии Трою. Я заменяю Фригию на Трою и делаю это сознательно, сохраняя поэтический идиостиль и играя историческими временами, желая создать объемность изображения. Phrygius — «фригийский», но в поэтической речи нередко означает «троянский» (поскольку Троя относилась к Фригии). Раннефригийское царство вступило в дружественный союз с Троей, фригийцы поддерживали Трою в войне против хеттов и затем в Троянской войне против ахейцев. После разгрома Трои фригийцы, однако через время окончательно разрушили ее, и «троянное» в поэзии стало и «фригийским», утонуло, растворилось в нем. Фригийским царям в итоге подчинялась практически вся Малая Азия до горной системы Тавр (Антитавр), кроме южного побережья и Понта. Вся эта мистерия может за долю секунды разыграться во взыскательной рецепции. В многомерном сознании читателя Аттис может приплыть по Черному морю, а ступить на берег Эгейского. Недаром в поэме присутствуют греческие реалии («гимнасий», «палестра»), возможно, пришедшие из неизвестного греческого источника поэмы. Упоминание мной Трои достраивает объемную голограмму поэмы с ее различными культурными слоями.

— *Что полиязычие дало Вам в творческом плане? Вы ввели в научный обиход понятия «дословесное» и «послеловесное». Как Ваше «дословесное» — потаенное, зреющее внутри (не в самом ли нутре?) — находит сообразные себе формы осуществления? Как оно выбирает себе Слово на том или ином языке?*

— В моих статьях уже есть определения этих понятий. Дословесное — категория мышления и интуитивного прозрения, используемая для характеристики свойств элементов литературного произведения, относящихся к стадии его соз-

дания до словесного воплощения (дословесной стадии) и возможному естественному или искусственному сохранению части из них в тексте. Послесловесное — категория мышления и интуитивного прозрения, используемая для характеристики свойств возможных элементов, возникающих в сознании автора и рецепции читателя на стадии создания произведения после его словесного воплощения (послесловесной стадии). Эти категории являются когнитивными единицами, предназначенными для переноса знаний. Для меня высокохудожественное произведение отличается объемностью, которая создается субъектно-объектными и пространственно-временными переходами, синтаксическим и графическим фасадом благодаря особому ритму читательской рецепции с ее отрезками на различных плоскостях, как в скульптуре. Подобное восприятие порождено наличием в произведении двух и более планов восприятия. Объемность (многомерность) произведения способствует проявлению в нем словесной и внесловесной областей, позволяя заявить о категории «внесловесное» наряду с категориями «дословесное» и «послесловесное». При плоскостности словесного воображаемое внесловесное многомерно. Под внесловесным понимаю категорию мышления и интуитивного прозрения, используемая для характеристики свойств всех, кроме явленных в слове, элементов литературного произведения, возникающих в сознании автора и рецепции читателя на словесной и послесловесной стадиях и создающих его объемность (многомерность).

Исхожу и из гипотезы рождения лирического стихотворения. Внутри поэта стихотворение сначала звучит без слов, но уже целиком (этот процесс не полностью воспринимается сознанием автора), потом — со словами, частями. Лирическое стихотворение парадоксальным образом одновременно рождается целиком («внутренний образ») и частями (условно назовем их метафорой «телесные слова»).

Стоит задуматься, в каких случаях «внутренний образ» проявляется на русском или на немецком языках? Слово на каком языке просится первым? Как влияет на рождение первого слова тема, художественное время и пространство, астрономическое время и реальное пространство при слушании-рождении текста? На каком языке будет наиболее адекватная передача рождающегося лирического содержания? Это темы для отдельной статьи.

На каком языке рождаются слова-сигналы? Слова-сигналы, которые порой появляются на стадии молчания, до рождения «внутреннего образа» и отмечают момент начала его созревания: исходной точкой создания стихотворения в этом случае становится внутреннее или внешнее событие, которое автор обозначает словом, несколькими словами, строчкой, предложением, или слово (группа слов) вне события. Слова-сигналы могут и не войти в окончательный текст стихотворения, могут остаться в черновике, в названии файла. К примеру, мои стихотворения, названия которых приведены в статье, названы в файлах по первым пришедшим в сознание словам: «Глина» («Молчание»), «Тютчев» («Творчество»), «Зерно крылья» («Оброните меня на сильном ветру во тьму...»). Стихотворение «Слова» находится в файле «Молодая трава ягненок» (эти слова не вошли в окончательную версию стихотворения).

Сам образ языка разный. На немецком языке благодаря артиклям строки длиннее, текст объемнее; текст воспринимается философичнее, значительнее, а на

русском — душевнее, доступнее. Это связано и с разным использованием языков в бытовой речи.

— *Можно ли назвать полигранистом автора-билингва?*

— Если билингв создает полноценные произведения в разных видах литературной и другой творческой деятельности, то да. К примеру, пишет художественную прозу, критические работы, занимается художественным переводом, и все эти работы на высоком профессиональном уровне. Причем писатель-билингв может быть полигранистом-монолингвом. К примеру, он пишет на одном из своих языков прозу, стихи, критику, а второй язык использует только в художественном переводе.

— *Есть ли у Вас сверхзадача — в жизни, творчестве и научном познании?*

— Приблизиться в творчестве к непостижимому. Ощутить вещество слова, рождение ткани из дословесного. Желаю себе тишайшей жизни, захватывающего созерцания внутренних ландшафтов. Побольше встреч с мистериями в тексте. Расскажу об одной из них.

В январе 2016 года сняла с полки томик Горация, чтобы отдохнуть с ним и уйти в мир грез. Читала 12-ю песню, одну из III собрания песен, и вдруг заметила значок долготы там, где его не может быть в латинском языке — *Bellerophonṑtē*. Стала читать внимательнее. Героиня стихотворения — девочка Небула, она прядет унылую пряжу, боится суровых окриков опекуна и видит в окошке юношу Гебра, тот купается в Тибре, смывая масло с предплечий, видимо, после гимнастических упражнений на Марсовом поле. Зачем Горацию значок долготы? Вдруг вспоминаю, как Гораций в другой оде говорит о греках: у них может быть и *ArEs* и *Arēs*. Всматриваюсь, и понимаю, что имена героев греческие, а Гебр — это даже не имя, а название реки, по которой плыла голова растерзанного Орфея. Быть может, назвать сегодня русского мальчика Гебром так же странно, как и римского во времена Горация. Вслушиваюсь, а размер-то греческий, это ионики. Латынь не может передать их в полноте, но стремится к этому. Еще оказывается, что движение ткачихи похоже на ионики — два долгих, два коротких движения, восходящие, нисходящие ямбы. У Горация же все восходящие. И вдруг все становится на свои места, соединяясь: это антиримское стихотворение, Небула — латынь, Гораций говорит о греческом духе, который теснится внутри латинской буквы. Он ставит значок долготы и призывает его. По Гёльдерлину, поэзия — это зов.

История интервью:

Запланировано: 15.10.16

Проведено: 11.01.17

Для цитирования:

Валикова О. «На языке двуостром»: Интервью с Еленой Зейферт // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность.* 2017. Т. 14. № 1. С. 122—139.

Об авторах:

Елена Зейферт, доктор филологических наук, профессор кафедры теории литературы РГГУ, член Союза писателей Москвы, член Союза переводчиков России. E-mail: elena_seifert@list.ru

Валикова Ольга Александровна, доктор философии (PhD) в области филологии, научный сотрудник кафедры русского языка и межкультурной коммуникации РУДН. E-mail: vestnik_valikova@mail.ru

ENG

Elena Ivanovna Zeifert (born June 3, 1973, Karaganda) is a Doctor in Philology, Professor of the Russian State Humanitarian University. She is a specialist of theory and history of literature, Latin. Editor, journalist. E. Zeifert for many years has been leading the literary club of the International Union of German Culture “World within the Word” and its art workshop. She is a member of the Writers’ Union of Moscow and the Union of Translators of Russia.

E. Zeifert is also a representative of the so-called “border literature”, created at the crossroads of several languages and cultures. With this interview, we open a series of interviews with translingual writers who form new “images of the world” in modern society, which are more complex in both aesthetic and epistemological sense. The fragment of the new novel by E. Zeifert “Smelting boat” is published in our Supplements section.

E. Zeifert is a poly-facet: the identity of plurality of distinct facets. Poet, novelist, essayist, translator, literary critic, scientist and lecturer, a generator of new ideas and meanings in science and culture, author-bilingual. This poet “before all ages” (M. Tsvetaeva), because each era, synchronous to her creativity, is happening “here and now” — both with the Reader, and the Creator. Poems written in Russian, “suddenly” start to sound in a special isochronous rhythm, immersing the reader’s consciousness into Latin: so the Author pushes the boundaries of the usual chronotope and “uncovers” a continuous duration of all existing — both in poetry, and beyond. This can be seen as one of the creative principles E. Zeifert — reunite scattered, identify the essence of things in semantic contraction — or the nature of their unique perception. “Vesneg”, “Verlibr. Faith in Liebe”, “Telegit”. Several titles of works, different in genre and tendency, are enough to see: we are waiting for an acquaintance with a unique multilingual Cosmogony. We talked with **Elena Zeifert** about discoveries in Language, the proto substance of Word and formation of complicated pictures of the world.

— *You have a very special relationship with the Language (as meta essence): for you it is anthropomorphic, “tangible”. You once called German a “girl”; Latin — “extending the chest of your creativity”, mentioned as an example that “dead languages do not exist”. How these relationships were built up? What such unique association as “German — girl” is caused by? Is there an image of such “evocation” for Russian language?*

— Language for me, hearing German language (dialect of the Volga Germans) since childhood, is a *girl, a woman*. In German — language — both as part of body (tongue)

(die Zunge), and as the process of speech (die Sprache) is feminine gender. In Latin, which I began to thoroughly deal with since I was 17, it (she/he) is feminine gender — *lingua latina*, too. In additional education I am an antique specialist, teacher of Latin language and ancient literature. In my poem “Tetigit”, written in 2016, the main character is a girl — Latin language. In alliance with the male character, to whom I gave the name Tetigit, previously the former regular Latin verb “touched”, she brings us closer to the time when the substance of the language would fall into itself and there would not be a need in interpreters. This poem is written in Russian. For the Russian people “language” is a muscular, flexible, strong, Word of masculine gender.

Considering the chest. If we define the languages and voices, those vectors that create fire, the CHEST of my translator’s creativity, then for me it is an ancient Rome (Latin), it is RUSSIAN-GERMAN (and my author’s versions of works are in it) — poetry of Germany, Austria, German speaking Switzerland and other — poetry of peoples of the CIS and Russia. In “other things” I work with interlinear. For me, the interlinear is a multi-layered text with pockets of synonyms.

Latin came to my literary translation earlier than the German language. At the first lesson of Latin as a freshman I was surprised by the verb *absum*, *āfūī* (*abfūī*), (*āfutūrūs*), *abesse* with its core meaning of “absent”, “do not exist”, “do not be”. It just flipped my consciousness, designating the most momentous absence, in which, it turns out, you can stay. This word has the meaning of alienation, of estrangement, but they are secondary. It is the verb “absent” that invited me deep into Latin and offered to learn and teach it, along with my main specialization “Theory of literature” — to philologists, foreign language students, biologists, lawyers, historians.

But I have more German translations than Latin.

— In your already classic verses “DIE RUSSLANDDEUTSCHE” questions about your own linguistic — and extra-linguistic — identity, about your place in the world, about two souls, that are “exhausted in the chest”. In due time, your dissertation research has provided readers with a lot of literary evidence that themes of detachment from their roots, positions “neither here nor there”, inescapable homesickness that “sneaks into boots (valenki)” (R. Pflyug) are peculiar for the poetry of Russian Germans. But already here, in these young verses, the idea that you have come to different sense of self, to your own “here-being” in the world, “is brewing”. The next to last strophe — is a culminating metamorphosis of the lyric heroine. The soul, that have described a thousand times the round over the heads (that has not found refuge thousand times), realizes its special existential quality... Comes to accepting “two cultures, two spirits” within itself. Has this attitude changed over time? What is it like now, when there are more than two languages of your creativity? What happens with the sense of own identity, when the Author is on the frontier of languages and cultures?.. Some writers speak of “metaphysical splitting”, the others — of the emergence of “multiple identities”. How do You feel it?

— The feeling of new existential quality became richer, it is a part of my inner freedom, and gives me euphoria. I belong to happy owners of several motherlands — adored Kazakhstan, beloved Moscow (perhaps, exactly Moscow), dear Germany. I tend not to splitting, but to contraction, fusion, game of balances. I am a Russian German,

Russlanddeutsche, it is a special ethnic sense. Comprehension of the material of Russian-German literature allowed me to make findings that the main elements of the ethnic picture of the world of Russian Germans are their comprehension of encircling of their own by stranger's, existence inside the Others, the desire for autonomy, the priority of the static over dynamic, feeling of being “nowhere in the homeland” or “everywhere in the homeland”, genetic fear of expulsion, the state of continuous vulnerability, the fear to be more visible than others, increased interest in plant symbolism (weak plants, plants without roots), strong desire of legitimate relation to the native ethnic group, the desire to stress the uniqueness of the native ethnic group, the pursuit of integration within their own ethnic group. At the same time hybrid Russo-German qualities appear, but the Russian Germans do not adopt separate Russian or German features.

In my poetic bilingual book “*Namen der Bäume*” / “*Names of Trees*” (Grats, 2013) there are *two languages*, but *three ethnic pictures* of the world — Russian, German and Russian-German. Moreover, the third does not arise at the intersection of first and second as green color at the confluence of blue and yellow, but paradoxically and naturally embraces every element of the book. The third picture of the world is partly hybrid (Russian Germans inherit a number of Russian and German features, some of them in the synthesis, but not all the features), but at the core independent and special. Most of the poems in this book were written first in Russian, and then their mirror German versions were created; the minor part was first in German, and then their mirror Russian versions were created.

What features of the three world views are reflected in the book? In the poem “*Spielzeughaus*” / “*Toy House*” the Russian-German element of “searching for home” transits to Russian element “width, freedom”. But the lyrical character still needs this House (German element): “And the House is needed only for a respite”. In the poem “*Ein Junge, derauf der Kantedes Bürgersteigs läuft ...*” / “The boy running along the edge of the pavement... ..” pursuit to dynamics changes to preference of statics. Unsteadiness of the home and the uncertainty of its location is shown in the poem “*Deine feinen Nasen flügel...*” / “Thin wings of your nose ...”, the Russian-German feeling of fear because of vulnerability — in “*Ein Auto ist teinverkehrtes Ozeanarium...*” / “Car — as oceanarium vice versa...”.

Now I express my national identity in “*Karaganda story*” “*Smelting boat*”, where all the complex for Russian Germans times occur simultaneously, changing only spaces, their decorations and clothing. Narration is always in present time and synchronous, whether it is a description of emigration from Germany to Russia, dispossession, war, deportation, labor army, emigration from Russia to Germany. In the story there is a high concentration of lyricism. The main character here is the language with its metamorphoses, metaphysics and the ability to birth. The story is written in Russian, but the heroes speak German of 18th century (Lucas and his family), a dialect of the Volga Germans (Mariyka, Lydia, Mark Felix, Friedrich and others), modern German (Julian). In page notes I give the translation of their conversations into Russian language. With lyrical density nevertheless there is an overall plot, and distinct plots — streaks of private destinies.

Lucas Siegfried arrives with his family to Russia by sea from Lübeck, comes to Oranienbaum, then by waggon-train goes through Moscow to Volga region. On their way his son Paul dies. The foreign land takes the first victim. But it becomes a motherland.

In 1914 in a poor German family in Donetsk Rose grows up. In 1931 Lydia's family in the process of dispossession, from the Volga village Lilienfeld comes to Karaganda. Here Lydia gives birth and at once loses a child, her husband abandons her, she is alone. In 1941 six-year Mariyka (Jäckel) from Glarus village comes to Karaganda, in heated shelter her mother dies, the fate of her father and brothers is unknown. Mariyka comes from stock of Lucas Siegfried. Lydia takes her to live with her, becomes her mother. To the labor army (Karlag) from the Volga region Mark Felix comes, he goes mad, he is thrown to die in the village TransportniyTseh. Here they help him to survive. Rose's brother Frederick, a former combat pilot, appears to be in Karlag, too. He is mutilated by tortures, his arm rots, they amputate it, he is dying. Also "decommissioned" to Transportniy Tseh, Frederick comes there to life and becomes a shepherd. Father Sebastian cares of exiles in Karaganda. Lydia's heart is torn between Felix, Marc and Frederick. Rosa and Friedrich, sister and brother, find each other after the war. In the future, Mariyka's son and Rose's daughter will become husband and wife. Granddaughters Anna and Johanna will choose different countries for their stay — Anna chooses Russia, Johanna — Germany. In Germany, there is a love line of Johanna (she is a descendant of Lucas) — Julian, flows.

— *Can you give a fragment from the novel, where language, metaphorically speaking, favors as a character?*

— Of course.

"The language of Mark Felix was growing up and flowing. Before the birth of the word the backrest of his tongue licked the palate, and for the German it was unusual and painful, because the tip of the tongue rested against the lower teeth rather than the expected top teeth, bowed, was humbled. Mark Felix cowered, swallowed himself in a somersault, hugged his knees with force. In labor army he stopped eating even that given meager food, loudly wailed, hanging his head low in his knees. In this position he has been thrown in a car bed and carried to work in the mine. They tried to foist tools on him, but he mutilated himself and others with them. The gateway of his sight got narrower, Mark Felix started screaming agonizingly, gradually becoming exhausted, losing consciousness. The scream changed to howling.

No, sometimes he also tried to sing, but the song slowly drip down into the throat and stomach, to the smelting boat of his substance. Howling for him became sweeter than singing, in the language of howling Mark Felix spoke with beings more humane than people and heard their comprehensible answers.

Resin of stranger's human malice poured his ears. Bethinking himself, he rolled on the ground, shouting loudly, when guards tried to calm him, he threw himself to punches of their boots, putting up his stomach, ribs, cheeks. His beard grew out of scraps of ground.

Miraculously, he wasn't killed. Zest for life saturated the cells of his body with invulnerability. Did he himself understand that he was ready to become a freak, insane, dead, just not to accept the conditions of creepy game that his contemporaries started with him and his kinsmen? They broke his bones and teeth, until had mercy — drove him, barely alive, to perish in border Karaganda village TransportniyTseh. Threw him out of the truck and drove away without looking back, because they could only look forward.

Mark Felix was breathing. He was surrounded by the multi-faced mount of his language, it pranced and was equal to world without Mark Felix. The tongue melted in mouth, like an apple, becoming barely sensible angel's aura of growth and pain, living inside of a seed and tearing the iron skin of the fruit with strong arms.

Sun heated over Karaganda land, two-humped terricone camel was grazing on the horizon.

An hour later, Mark Felix was found by Mariyka. His tongue suddenly ceased, shallowed, and then exposed the dry riverbed, and the only light for the man was her child German speech”.

— *Russian language for you is “a mother-tongue to delight”, although “Kant and Nietzsche gurgle” in your veins. How Russian language became a pioneer of your poetic voice? Was there ever a choice between Russian and German?*

— Russian language is the most important wealth of my life. Not me, but it chose me, and I am immensely grateful to it for life in me, for direct wonders. He is the first among equals and out of selection, out of competition.

Languages pass with fronts, waves. On July 29, 2016, I posted on Facebook: «In my already familiar Russian and German in early May 2016 suddenly once again powerfully entered Latin (it has been knocking on since January), presenting new translations from Horace, Catullus, Ovid, Martial and my own poem “Tetigit”, which I have completed today. This unusual atmospheric front, forcing rapidly in creativity to my delight, gave protracted outbreaks of euphoria unfamiliar before. Particularly in mid-July, when the poem and translations flowed like butter.

I decided to finish the poem today, because I have caught that the air mass of Latin is already temporarily evading, possibly going to come back more powerful, but when? Figuratively speaking, as in Riemann's topic about the collapse of arbitrary discontinuity, two areas of space with different features — in my case the Russo-German (individually to me inseparable from each other) and Latin — were separated with thin partition, which should be removed to the initial time. Then the time was zero.

My creativity with its reckless languages and vectors, caressing me inside, today moved dramatically, the time began counting, and surface of gap, alas, do not always match the speed with the speed of movement of all surrounding. Either the pressure field gave the hollow, or I was scared of reduction of the wind when removing spaces from each other, but in the last hour the poem was born entirely. How long can you stay in this gap or hollow-God knows. Possibly again something unusual will be born».

But Latin has gone until mid-December 2016, and I rejoiced in the German world, translated Georg Heym, twice traveled to Germany, made a report in the German language there, in Moscow hosted evening of German expressionism translations in German and Russian.

— *In “Language contacts” Weinreich notes that equivalent autonomous existence of two or more languages within the identity is unattainable, that actually integration of language systems happens, constant switching of codes, formation of complicated semiotic space. How*

does it happen in your case? Is it natural, in your opinion, to talk about the origination of cross-language continuums in the works of polylingual Authors?

— I am very close to theoretical researches of professor of RUDN Uldanai Bahtikireevna and professor of M.V. Lomonosov Moscow State University Zoya Proshina. I would like to take the opportunity here to express heartfelt thanks to Uldanai Bahtikireeva for fundamental studies of my creativity and sincere acceptance of it.

I know with absolute bilinguals. It is not an autonomous existence of the two systems, but the new enriched linguoculture, symbiosis, the magic of a new quality. We can talk also about zones of transition, the frontier of languages. Exactly these layers are productive for bilingual creativity. Original works in different languages take a lot from their common drifts, from borderlands.

I believe that there are no original translations, there can only be copyright versions of works in different languages.

Languages have different phraseology (e.g. Russian language uses two words “perfectly healthy” and German offers one compound word “kerngesund”), and these works, at the maximum possible observance of punctuation and graphics, are not reflected in each other as twins.

— Language transmission in the post-Soviet space is half-jokingly referred to as “Grandma effect”, meaning that the transfer of cultural heritage takes place through generations, from elders to grandchildren. Who “grew” the native culture in you? On what languages formation of your first images of the world occurred?

— I lived on the outskirts of Karaganda, in the city, but in the German village where Soviet Germans and their descendants, deported to Kazakhstan, lived. In early childhood I was sure this was anywhere in the country — neighbors, Kellers, Eizienbrauns, Pfeiffers, there is a TV program in German, grandmothers speak unintelligible to each other dialects.

At the age of six I asked bewildered my grandmother Maria (not Masha, but exactly Mariya — and her daughter Mariya we called aunt Mariyka) why in German all nouns start with “D”. She was originally from the village of Glarus, father and grandmother said Klarus, but I heard that k here is sonant, because I have learned to distinguish in their dialect “without sonant consonants” the sonants as less stressful and unvoiced.

— Does the subject of bilingualism in your literary consciousness cover only Russian-German sphere?

— No, this theme for me is wider than a Russian-German sphere. Look at my poems from “ancient” cycle “The Greek spirit of the Latin letter”.

Etruscan and Lydian languages practically are not deciphered for us. Probably the lyric character from the 21st century understands Tirren in some northern language. In my antique cycle there are not only different languages of people, but also the language of the gods and mortals is given in their opposition and attraction.

— Adepts of trans-lingual approach to language and literature have put forward the hypothesis that through an intermediary language outside genetically “primary” culture is

broadcasted, that it is exactly — Culture — is the original creative intention, which is able to transform “as it sees” even another language. What is your opinion on this point as a Poet, Scientist, in a word, a poly-facet?

— I am close to this theory, and in its vein, I’m leaning toward mine, which I would call a theory of hologram-nuance. Bilinguality and polylinguality provide an opportunity for linguistic nuances to grow to mysteries, holograms. For example, I translate “Trojan” instead of “Phrygian”, and in one word a whole theater of memory grows with the Phrygian Kingdom, subsequently wiped out Troy. I replace the Phrygia by Troy and do it deliberately, keeping a poetic individual style and playing with historical times, wanting to create a volume of image. Phrygius — “Phrygian” but in poetic speech it often means “Trojan” (as Troy belonged to Phrygia). Early Phrygian Kingdom entered into a friendly alliance with Troy, Phrygians supported Troy in the war against the Hittites and then against the Achaeans in the Trojan war.

After the defeat of Troy Phrygians, however, through time permanently destroyed it, and „Trojan“ in poetry became “Phrygian” as well, sank, dissolved in it. Practically all of Asia Minor to the Taurus mountain range (Antitavr) subordinated to Phrygian Kings, except for the South coast and Pontus. This whole mystery could run wild in a sophisticated reception in a fraction of a second. In multidimensional mind of reader Attis can get by the Black Sea, but set foot on the coast of the Aegean. No wonder the poem has Grecian realities (“Gymnasium”, “Palestra”), possibly coming from an unknown Greek source of the poem. My mentioning of Troy finishes the full-view hologram of a poem with its different cultural layers.

— What has polylingual space given you in the creative view? You have introduced to the scientific use the concepts of “before-verbal” and “after-verbal”. How does your “before-verbal” — hidden, maturing inside (may be in the very core?) — find appropriate to itself forms of implementation? How does it choose a Word in one or another language?

— My articles already have definitions of these concepts. Before-verbal is a category of thinking and intuitive insight, used to characterize the properties of elements of literary works related to the stage of its creation before the word realization (before-verbal stage) and possible natural or artificial preservation of part of them in the text. After-verbal — a category of thinking and intuitive insight, used to characterize the properties of possible elements arising in the mind of the author and the reader’s reception at the stage of creation of the work after its verbal realization (after-verbal stage). These categories are cognitive units, designed to transfer knowledge. For me the artful work differs with dimension that is created by subject-object and space-time transitions, syntax and graphical front through special rhythm of reader’s reception with its lines on different planes, like in a sculpture. Such a perception is generated from the presence of two or more plans in the work. Dimension (multidimensionality) of work contributes to display of verbal and beyond-verbal areas, allowing to declare a category “beyond-verbal” along with the categories of “before-verbal” and “after-verbal”. At flatness of verbal the imaginary beyond-verbal is multidimensional. Under beyond-verbal I understand a category of thinking and intuitive insight, used to characterize properties of all but revealed

in the word, elements of a literary work arising in the mind of the author and the reader's reception on the verbal and after-verbal stages and creating its dimension (multidimensionality).

I also proceed from the hypothesis of birth of lyric poems. Within the poet a poem first sounds inside without words, but already completely (this process is not fully perceived by the mind of the author), then — with words, by parts. A lyrical poem paradoxically at the same time is born entirely (“inner image”) and partially (conditionally we will call them with a metaphor “corporeal words”).

It is worth thinking about in which cases the “inner image” is manifested in Russian or German? A word in what language does scream out the first? How does the theme, literary time and space, astronomical time and real space at the hearing — birth of text influences the birth of the first word? In which language would be the most adequate transfer of the aborning lyrical content? This are topics for another article.

In which language the words-signals are born? Words-signals, that sometimes appear on the stage of silence, before the birth of the “inner image” note the moment of the commencement of its maturing: the starting point for creating a poem in this case becomes an internal or external event, which the author denoted with a word, several words, line, sentence, or Word (group of words) out of the event. Words-signals may not be included in the final text of the poem, they may remain in the draft, in the file name. For example, my poems, mentioned in the article, are named in the files by the first words that came into mind: “Clay” (“Silence”), “Tyutchev” (“Creativity”), “Grain wings” (“Let me drop on strong wind into the darkness...”). The poem “Words” is in the file “Young lamb herb” (these words are not included in the final version of the poem).

The very image of a language is different. In German, thanks to the articles, the lines are longer, the text is more dimensional; the text is perceived more philosophically, greater, and in Russian is heartier, more accessible. This can be attributed to different use of languages in a domestic speech.

— *Can an author-bilingual be called a poly-facet?*

— If a lingua creates complete works in different kinds of literary and other artistic activities, then Yes. For example, writes literary prose, critical works, engaged in literary translation, and all this works are at the highest professional level. And moreover a writer-bilingua can be a poly-facet-monolingua. For example, he writes in one of his languages prose, poetry, criticism, and second language uses only in literary translation.

— *Do you have an ultimate task — in life, creativity and scientific knowledge?*

— To get closer to inconceivable in creativity. To feel the substance of word, the birth of material from before-verbal. I wish myself the quietest life, thrilling contemplation of inner landscapes. More meetings with the mysteries in text. I'll tell about one of them.

In January 2016, I withdrew a little volume of Horace from the shelf to rest with it and escape into a world of dreams. I was reading the 12th song, one of the songs of III collections, and suddenly noticed the icon of length, where it may not be in Latin

language — Bellerophontē. Started reading more attentively. The heroine of the poem — a girl Neobula, she spins a sad yarn, afraid of harsh screams of guardian and sees a young man Ghebre in the window, he is bathing in Tiber, washing away the oil from forearms, apparently after the gymnastic exercises on the field of Mars. Why Horace would need a sign of length? Suddenly I remember how Horace speaks about the Greeks in another Ode: they may have both ArEs and Ares. I peer into, and realize that the names of heroes are Greek, and Ghebre — is not even a name, but the name of river, on which the head of torn to pieces Orpheus floated. Perhaps, to call a Russian boy Ghebre today is just as weird, as a Rome one during the time of Horace. Listen attentively, and the rhythm is Greek, they are ionics. Latin may not transfer them to the fullness, but aims to do so. Yet it turns out that the movements of the weaver sound are like ionics — two long, two short movements, ascending, descending iambs. And Horace has all ascending. And suddenly, connecting, everything falls into place: this anti-Roman poem, Neobula — Latin, Horace speaks of the Greek spirit, which is squeezed inside of Latin letter. It puts a sign of length and calls him. By H Iderlin, poetry is a call.

Article history:

Planned: 15.10.2016

Reilised: 11.01.2017

For citation:

Valikova O. (2017). “In a doublesharp Language”: Interview with Elena Zeifert. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 14 (1), 122–139.

Bio Note:

Elena Zeifert, Doctor in Philology, Professor of Department of Russian State Humanitarian University, Member of Writers Union of Moscow, Member of Translators Union of Russia. E-mail: elena_seifert@list.ru

Olga Valikova, PhD, researcher of Department of Russian Language and Cross-Cultural Communication, RUDN University. E-mail: vestnik_valikova@mail.ru

DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-1-140-142

ЕЛЕНА ЗЕЙФЕРТ. «ПЛАВИЛЬНАЯ ЛОДОЧКА» (ФРАГМЕНТ «КАРАГАНДИНСКОЙ ПОВЕСТИ»)

Дом на самой окраине Транспортного цеха, на двух хозяев: у Зигфридов синие ставни, у Бекеновых зеленые. На следующий год наоборот, хотя красят, не сговариваясь.

Бабушка замешивает тесто. У Ани и Йоханны слюнки текут! Баба Роза называет это блюдо штрудель, но соседка, старенькая тетя Паулина, поправляет ее — викелскейс, Роза, или на кислом-то тесте хейфеклейс, а штрудель, Роза, сладкий! Бабушка сердится — с ума ты выжила, Паулина, это штрудель! И вообще — говори по-русски, здесь обе мои внучки, в советской стране живем. Мягкое тесто раскатывается на тонкие большие блины, они целиком смазываются подсолнечным маслом и заворачиваются в длинный рулет. Кусочки этого рулета кладу на кубики картошки — она уже тушится в большом казанке — и в тающем сливочном масле растут под закрытой крышкой. «Дальше Караганды не сошлют», — бормочет Роза, закидывая кухонное полотенце на плечо. Радио тихонько рассказывает «Судьбу человека», актер читает с надрывом, полупшепотом, слышно каждое слово.

Дядя Эдик и его старший сын Костя балагурят, а баба Роза на них не надывается — приехали навестить ее сын и внук.

— Ань, ты где? — кричит Костя. — Кого ты любишь больше — бабу Розу или бабу Марийку?

Анютка вбегает на кухню и с ходу:

— Конечно, бабу Розу, у нее штрудли без капусты и мяса!

— А ты, Иванка? — ведь близняшка Ани уже тут как тут.

— Я больше люблю бабу Марийку, папа похож на нее, и я тоже. Мы немцы.

— И баба Роза — немка!

Йоханна смущенно опускает ресницы, смотрит в пол. Черноволосая красавица Роза подходит к ней, гладит внучку по золотой, цвета луковицы голове.

Мама режет лук. А пальцы ее в синих полосках краски (недавно красила ставни), и Анины щеки тоже. Одна из яблонь, перегнувшись через забор, плодоносит в огород к Бекеновым, яблоки ее нежны. Выйдешь из дома, впереди барак с огромным тополем, а за ним терриконы двенадцатой шахты, виадук, по нему идут машины и редкие автобусы в Старый город. До школы минут десять проселочной дорогой вглубь поселка. А у бабы Марийки крайний дом в другом конце Транспортного цеха, до него полчаса: внутри там такой порядок и стерильная чистота, что хочется разуться, особенно если ты босиком.

Шестилетняя Аня всюду ходит по пятам за отцом, а это не так и просто. Отец как маленькая, мускулистая пчела. Он всегда что-то строит — летнюю кухню, сарай, или ремонтирует дом и хозяйственные постройки, или возится с землей.

«Скрепер!» — кричит глазастый отец, завидев машину еще на трассе, и бежит к калитке в кирзовых сапогах встречать землю. Скрепер привозит отцу все новые срезы земли, Аня уже привыкла к железному чудищу и к его необычному имени. Машина пышет железным жаром и словно ест сама себя. Огромный желто-черный кузнечик, сколько локтей и колен!

<...>

На столе готовый штрудель в глубоком синем блюде, пар над ним. Картошечка в сливочном масле на дне, пышное дышащее тесто. Мама, побольше клади мне, полную тарелку с горкой, и дай мне большую ложку!

Отец вырезает кукольную мебель из жести. В ход идут высокие жестяные банки из-под иваси — отец режет из их стенок стульчики, столики, кровати, диванчики. Даже шкафчики — дверцы к ним приделывает проволокой. В летней кухне по левую сторону дивана живут Анины куклы, по правую — куклы Йоханны. У каждой семьи своя мебель, есть спальня, гостиная, кухня, прихожая. Куколки маленькие, дети называют их пупсиками. У Ани два мальчика — Костя и Миша. Костя резиновый, у него карие глаза и каштановые литые волосы с завитками на затылке, у пластмассового Миши прическа цвета его тела.

На круглом столе вертится юла, в ней заснеженный лес, идет снежок, лошадка везет карету, в ней мишка в барской шубке.

В последние дни августа кукольные семьи переезжают из летней кухни в дом. Между строениями — три сбитые в плот доски, сестры, собрав пупсиков и их пожитки в два больших бабушкиных платка, бегут по крашеной доске в дом. А в освободившиеся кукольные квартиры мама сыплет в одну красные помидоры, в другую — зеленые. Помидоров много! Их будут мариновать, закатывать из них лечо с болгарским перцем, резать свежими в салат, дарить и продавать, набирая ведра с горкой и обвязывая их штапельными платками, чтобы плоды не рассыпались.

Некоторые помидоры лежат, зреют до самой зимы, уже в доме, под бабушкиной кроватью. А зимой в летней кухне холодно, как на улице. Отец держит там мешки с комбикормом для свиней и зерно для кур.

Под Старый Новый год одиннадцатилетняя Йоханна с одноклассниками идет петь колядки, они берут с собой новогодние маски, у Йоханны мордочка белки. У Витьки Ковалева не просто маска, а костюм волка — к своему тулупу он прицепил волчью шкуру. Едва живые от страха, дети забегают даже к цыганам, в дом, при котором пункт приема стеклопосуды. И те, удивленные, радуясь ребятишкам, дают целых шесть рублей и много шоколадных конфет. Йоханна снимает маску, чтобы осмотреться, вдохнуть обстановку. Пахнет куревом, соревнуются в силе яркая роскошь и яркая бедность. Курчавый седой цыган берет девочку за руку, спрашивает, как ее зовут, и дивится, сокрушенно качая головой: «А почему же тебя зовут, как мальчика?» Йоханна опускает глаза. У него черные волосы, но совершенно седая борода. Цыгане живут в середине поселка, а впереди еще много домов, но и мешок у детей большой! Дети бегут дальше, рассуждая, настоящая ли была борода у цыгана?

На самом конце Транспортного Цеха — дом бабушки Марийки. Ребята стучатся в калитку, громко лает собака, но притихает, узнав Йоханну. Крепкая, стройная, бабушка выходит из дома во двор и кричит: «Кто там?» В ответ раздается пение:

Сеем, веем, повеваем,
С Рождеством вас поздравляем!
Вы Христа прославляйте,
Угощенья нам давайте!

— Прочь, прочь, — кричит строгая баба Марийка. — Мы немцы, Старый Новый год не празднуем, не нужны нам колядки. Ходят тут, народ пугают.

— Баба Маша! — кричит Витька. — А здесь ваша внучка — Иванка! — ребята выталкивают робкую Йоханну вперед.

— Внучка моя? — потеплевшим голосом спрашивает бабушка Марийка, у нее к тому времени уже больше двадцати внуков от девяти ее детей. — А чья дочка?

— Дочка дяди Ивана!

Через несколько минут ребята сидят на полу в доме у бабушки Марийки, рассыпав по ковру вырученные конфеты и деньги, весело их считают и делят. Тут же пробуют конфеты и разбрасывают фантики. Йоханна в ужасе — у бабули в чистых носочках обычно нельзя пройти в гостиную, а тут она пустила всех в верхней одежде, и так намусорили на богатом ковре!

А бабушка готовит им чай с молоком и все бормочет, извиняясь:

— Ох, не узнала свою рыженькую внучку! Но мы немцы, у нас праздники другие.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: Языки и специальность» публикует статьи, доклады и сообщения как известных российских и зарубежных ученых, так и молодых специалистов, докторантов и аспирантов, а также рецензии, обзоры, информацию о научных проектах. Материалы публикуются на русском и английском языках. Журнал выходит 4 раза в год.

<http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=147>

<http://ru-rudn-ru.lgb.ru/node/2>

Внимание! С 2016 года, начиная с формирования первого номера журнала, редколлегия будет принимать статьи аспирантов и докторантов только при наличии рецензии на статью от научного руководителя, отчет из системы Анти-Плагиат ВУЗ (оригинальность текста не менее 87%), заявление.

Каждая статья проходит анонимное (**внешнее**) **рецензирование** журнала. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов, в число которых входят как российские, так и зарубежные ученые.

После принятия редколлегией серии решения о возможности публикации статьи ответственный секретарь серии информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Обязательна подписка на журнал, минимум на полугодие (журнал выходит 4 раза в год), по *каталогу Роспечати индекс журнала — 20830*.

Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегия

1. Блок 1 — на языке статьи: название статьи; ФИО автора(ов); адресные данные авторов (организация(и), адрес организации(й), авторское резюме; ключевые слова.

2. Блок 2 — полный текст статьи.

3. Блок 3 — список литературы на русском языке («Литература»), оформленный по ГОСТ Р 7.0.5-2008 (факультативен для публикаций на иностранном языке).

4. Блок 4 — информация Блока 1 в романском алфавите (если статья на русском языке) или на русском языке (если статья на английском) (транслитерация и перевод соответствующих данных) в той же последовательности: заглавие (перевод), ФИО авторов (транслитерация); название организации (перевод), адрес организации (транслитерация + перевод), аннотация (перевод), ключевые слова (перевод).

5. Блок 5 — список литературы в латинском алфавите (транслитерация + перевод) (название «REFERENCES»). Если список литературы по п. 1.3 представлен в латинском алфавите, блок 5 не требуется.

6. Блок 6 — сведения об авторе/ авторах статьи должны быть представлены в конце рукописи и содержать следующую информацию: ФИО полностью, при наличии ученую степень и ученое звание, должность, место работы, круг научных

интересов, при наличии названия 2-3 важных научных работ, электронная почта, номер (мобильного) телефона.

Авторские резюме (аннотации) должны быть:

1) информативными (не содержать общих слов); 2) оригинальными (не быть дословным переводом); 3) содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); 4) структурированными (следовать логике статьи); 5) «англоязычными» (написаны стандартным английским языком); компактными (объем текста авторского резюме определяется содержанием публикации (объемом сведений, их научной ценностью и/или практическим значением), но не менее 700 знаков.

Резюме должно сопровождаться несколькими ключевыми словами или словосочетаниями, отражающими основную тематику статьи и облегчающими классификацию работы в компьютерных поисковых систем. Размер ключевого словосочетания не может быть больше 100 знаков, включая пробелы (ограничение для e-library).

Ссылки на источники

даются в виде алфавитного списка литературы с нумерацией после текста. Сначала идут источники на русском, затем на иностранных языках. В самом тексте (после цитирования) информация об источнике печатается в квадратных скобках с указанием номера по списку.

Поля страницы: 2 см; размер бумаги А4 (210×297 мм); шрифт “Times New Roman”, кегль — 12; межстрочный интервал — 1,5.

Объем рукописи до 20 000 знаков. В отдельных случаях до 40 000 знаков.

Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

Транслитерация

На сайте <http://www.translit.ru> можно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу. Для транслитерации литературы следует пользоваться вариантами без обозначений твердого и мягкого знака.

Адрес страницы на сайте рецензируемого научного издания в сети «Интернет», где размещены правила направления, рецензирования и опубликования научных статей: <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=147>

Адрес страницы «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность» на сайте «Электронной научной библиотеки “ELibrary.ru”» http://elibrary.ru/title_about.asp?id=11968

Адрес эл. почты: Bulletin.LanguageTeaching@yandex.ru

Доп. адреса: word@list.ru; uldanai@mail.ru

Благодарим за сотрудничество!

INFORMATION FOR AUTHORS

The journal «Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series of Education Issues: Languages and Speciality» welcomes research articles, book reviews, literature overviews, and research project announcements by experts in the field and young scholars. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors. The languages of publication are Russian, English French, German, Spanish. The journal publishes 4 issues a year.

SUBMISSION REQUIREMENTS

Manuscripts should be submitted as WORD files online at edulangjournalrudn@pfur.ru

The submission should include 700 to 1000 word abstract, 6 to 8 key words and a cover sheet with the following information: Name of the author(s), affiliation, title, degree, telephone and email address. A manuscript should not exceed 30,000—40,000 characters with spaces, including bibliography and footnotes. The recommended font is Times New Roman, 12-point with line spacing 1.5.

Submissions are subject to blind review by two experts in the field. Authors who wish to receive the journal issue with their publication should commit themselves to 1-year-long subscription to the journal.

Further information and submission guidelines can be found at
<http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=147>

AUTHORS GUIDELINES

The articles submitted to the editorial board undergo a reviewing procedure.

The volume of the article should not exceed 1 publication base (40 000 printable characters). No more than three illustrations, diagrams or schemes can be placed within the article.

The article should be e-mailed in English or in Russian with abstract & keywords both in English and Russian.

The following are the requirements for manuscripts submitted to the editorial board.

1. The materials submitted to the editorial board must be presented in electronic and in print format. The text-based editor is Word. The materials should be signed by the author on the title page near the name of the author.

2. The title page of the article must contain the complex of the elements located on the page in the following order. At the top of the page the title of the article is printed in capital letters bold font. Surnames of the authors follow the heading and are printed by lower case letters.

3. References should follow the body of the text in alphabetical order, first the sources in Russian language, then the sources in foreign languages. References to the cited sources, and notes should be incorporated in the text of the article, after the quotation in square brackets, with the number from the list of references. Bibliographical description of the

source in the list of references is implemented in accordance with the rules of GOST 7.0.5-2008. Font and line spacing, is the same as in the article.

4. Margins: top — 2 cm; bottom — 2 cm; left — 2 cm; right — 2 cm; the size of a paper — A4 (210×297 mm); font «Times New Roman» № 12; line spacing — 1.5.

5. Notes and quotations incorporated in the body of the text should be numbered consecutively. 6. Materials without substantiated research support or not corresponding to the rules mentioned higher will not be considered.

7. The following data about the author should be attached to the manuscript: first name, middle name initial, last name, academic degree, academic title, place of employment, postal address, work address, home address, office phone number, home telephone number, fax, e-mail.

8. A short abstract of the article in Russian and English, the title of the article in English and the list of key words (no more than 15) are to be attached.

9. Please address the materials to the following address: FGBOU VPO Peoples' Friendship University of Russia, *Miklukho-Maklaya str., 10 A, Moscow, Russia, 117198*
Editorial board of the journal “Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series of Education Issues: Languages and Speciality”

E-mail: edulangjournalrudn@pfur.ru

We look forward to your submissions!